

ЛЮДИ И ФРАЗЫ

андрей десницкий

никея

никея

ЛЮДИ И ФРАЗЫ

андрей десницкий

Москва, «Никея», 2011

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства "Никея".

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Спасибо!

УДК 82-97
ББК 86.372
Д 37

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви*

Десницкий А. С.
Д 37 Люди и фразы. — М.: Никея, 2011. — 160 с.
ISBN 978-5-91761-102-0

В книгу включены статьи о жизни Церкви в обществе, о том, как «мир сей» принимает или же гонит прочь благовестие Христово, и почему это происходит, а также о том, что станет с православной верой, кто будет ее носителем и хранителем, и насколько этот вопрос волнует нас сегодня. Умение Андрея Десницкого вести спокойный разговор на беспокойные темы – именно так можно определить стиль этого сборника – по достоинству оценили слушатели передачи «Религиозная энциклопедия» из цикла радиопостановок «Мир. Человек. Слово», которые уже не первый год еженедельно идут на «Радио России».

**УДК 82-97
ББК 86.372**

ISBN 978-5-91761-102-0

© ООО «Никея», 2011
© А. С. Десницкий, 2011

Введение

Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит громадное целое поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или очень мало.

А.П. Чехов. Дневник, 1897 г.

Эти бессмертные слова Антона Павловича, если бы он произнес их сегодня, и звучали бы по-другому: не вера как таковая или безбожие, но Церковь и современный мир — вот два полюса, между которыми выписывает невообразимые фигуры скользящее по поверхности зыбкого бытия наше общество. Что есть Церковь в мире? Этот вопрос и есть самый главный вопрос всей книги Андрея Десницкого. При чем этот вопрос задается вполне искренне: действительно, зачем современному миру Церковь? Или скажем еще более прагматично: что может дать современному миру Церковь, кроме декларации высоких нравственных истин? Едва ли мы часто слышим этот вопрос с экранов телевизоров, в интернет-блогах или даже в беседе, но его незримое присутствие нельзя не заметить. Андрей Десницкий не ставит перед собой задачу дать универсальные ответы на все вопросы. Более того: этого и боится автор — боится навязать свой взгляд, свое личное понимание проблемы, выдавая его за голос всей Церкви. Нет, это скорее та самая «песнь сердца», которую нельзя остановить; разве не апостолом было сказано: «горе мне, если я не благовествую» (1 Кор. 9:16)? Но эта песнь отличается и от торжественной проповеди, которую мы слышим в храме, и от задиристой публикации на богословском портале, и от хронического менторства так и не ставших священниками профессоров-теологов. Главное, что от-

личает статьи Андрея Десницкого — диалогичность и искренность. Нет, автор ни в коей мере не задается целью «обнажить» родительскую наготу: напротив, с большой аккуратностью и, я даже сказал бы, трепетностью перед живым Богочеловеческим организмом Церкви он говорит о людях, составляющих Церковь, их проблемах — зачастую не просто человеческих, но «слишком человеческих», о жизни Церкви в обществе, о том, как «мир сей» принимает или же гонит прочь благовестие Христово и почему это происходит. Андрей Десницкий по основной своей профессии библиист, но в этот сборник вошли статьи не о Библии, а о буднях и праздниках нашей жизни. Эти статьи уже были опубликованы в разных местах. Большинство из них появилось в первый раз на сайте храма Иоанна Предтечи на Пресне (www.ioannp.ru), некоторые материалы публиковались на сайте www.bogoslov.ru. В сборнике четыре раздела. Первый из них, «Смыслы», — это попытка поговорить именно о смыслах христианской жизни. Можно долго и с упоением обсуждать ее формы, и это чрезвычайно увлекательно, но для начала следовало бы понять, что мы стремимся вложить в эти формы, что предлагаем человеку XXI века, как отвечаем на его вопросы о жизни и вере. Может быть, понятнее любых богословских трактатов будет для него «богословие луковки» из давней притчи, пересказанной Достоевским в романе «Братья Карамазовы»? А что происходит, если человек приходит и погружается целиком в недра церковной жизни, но при этом так и не находит чего-то самого важного для себя, — об этом говорит одна из статей этого раздела, «Расцерковление». Поскольку это действительно имеет место, значит, надо постараться вникнуть в причины этого явления и не пытаться спрятаться от проблемы за красивой риторикой. Где есть смыслы, там неизбежно возникают споры, — им посвящена вторая часть сборника. Как легко бывает принять в споре некую сторону, ожесточенно громить оппонентов, отстаивать свою правоту... Но во всем ли правы «свои», во всем ли неправы «чужие»?

Годится ли один ответ для любого человека и любой ситуации? Достаточно ли повесить на нечто старое и привычное новую вывеску — или нужно находить какую-то новую форму общественных отношений, испытывая «тоску по империи» или желая открыть «счет в православном банке»? Ой, простите, забыл: ведь в православной империи и банки все — православные?.. Статьи третьего раздела посвящены истории, причем не просто изложению давно минувших событий, но их современному осмыслению. Что нового можно сказать о Второй мировой войне? Где лежит граница между «русским», «советским» и «российским»? Тем более, когда все это живет в одном человеке? А лихие девяностые? Для одного — проклятые, для другого — благословенные? Без попытки понять, как мы стали такими, как наша страна достигла своего нынешнего состояния, мы еще долго можем блуждать в темноте и удивляться, почему она не совсем такая, как нам хотелось бы. Четвертому разделу дано самое общее название — «Жизнь». Действительно, здесь вспоминается удивительная человеческая судьба «просто Натальи Леонидовны», которая открыла постсоветскому обществу удивительный мир не менее удивительного человека — Клайва Стейплза Льюиса. И здесь же говорится о простых, но таких значимых для нас вещах, как «музей маленького человека», и задается вопрос: а что собираемся мы делать, «дождавшись варваров» на улицах наших городов? И не в том вопрос, какой будет разрез глаз и цвет кожи у москвичей через 300 — 500 лет, как правильно замечает автор. Что станет с православной верой, кто будет ее носителем и хранителем, да и насколько этот вопрос нас волнует сегодня?.. Умение Андрея Десницкого вести спокойный разговор на беспокойные темы — именно так можно было бы определить стиль этого сборника — уже по достоинству оценили слушатели передачи «Религиозная энциклопедия» из цикла радиопостановок «Мир. Человек. Слово», которые уже не первый год еженедельно идут на «Радио России». И если вам не приходилось слышать эти передачи в прямом эфи-

ре — сегодня все материалы как в текстовом, так и аудиоформатах находятся на сайте www.mir-slovo.ru. Сегодня такой разговор о Церкви и мире, который ведет Андрей Десницкий в своих публикациях, и есть единственно правильный формат нашего общения с «миром сим» — во зле лежащим, но все же по добру тоскующим... Всегда оставаться «истинным нарниейцем» — вот что хотелось бы пожелать и автору, и читателю в заключение!

*Протоиерей Павел Великанов,
секретарь ученого совета Московской духовной академии,
доцент, главный редактор портала «Богослов.Ru»*

СМЫСЛЫ

«Даже если Нарнии нет»

В одном советском кинофильме про целину был такой эпизод: хлеб гибнет от засухи, дождя все нет. И вот главный положительный герой, коммунист, в бессилии опускается посреди пересохшего поля на колени и молится: «Боже, если ты все-таки есть, пошли нам дождь!» Молится он минуту или даже две — и видит, как темнеет край неба. Но это оказался вовсе не дождь, а самое страшное — пыльная буря. Так неизвестно кто якобы доказал тому коммунисту-целиннику, что Бога все-таки нет. Кто бы это мог быть, кстати?

Наверное, каждый верующий бывал хотя бы однажды в положении этого человека. В критический момент вдруг приходит страшная мысль: а если никого на самом деле нет, все эти молитвы обращены в никуда, все эти богослужения и посты — пустая трата времени и сил? Что, если в свой последний час кора нашего головного мозга будет медленно погибать от недостатка кислорода и все эти туннели и светящиеся существа — всего лишь прощальные галлюцинации, все умершие родные — просто воспоминания детских лет?

И нет тут никаких убедительных доказательств, вера, она на то и вера, что принимается сама по себе, не вытекает из аргументов. Если принять, что существует только материальный мир, все можно будет объяснить рационалистически, а если что-то объяснению не поддастся — это просто наука пока не все тайны раскрыла. Ведь и молнию когда-то считали «перуном Зевса», а теперь мы знаем, что это электрический разряд, и даже защищаться от него умеем.

И ведь при таком подходе человек может даже очень сочувственно относиться к христианству. Один замечательный человек, ученый-историк намного старше меня, говорил мне незадолго до своей смерти, что считает нравственное учение Иисуса наивысшим среди всех прочих, но при этом видит в Иисусе просто человека и после смерти ничего для себя не ждет. Он сам следовал евангельским нормам, как мало кто из христиан решается им следовать, но все-таки жил и умер без веры. И таких людей не так уж и мало.

Есть у К. С. Льюиса фраза, которую нередко вспоминают люди, испытывающие серьезные сомнения в своей вере: «Я останусь нарнийцем, даже если Нарнии нет». Нарния здесь, конечно, есть образ Царствия Божьего и вообще всего того, что составляет предмет христианской веры. Эти слова герой Льюиса произносит, когда ему, одурманенному, пытаются доказать, что нет ничего реального, кроме тусклой и унылой жизни в подземелье, что ей и надо заниматься.

Почему же люди повторяют: «Я останусь нарнийцем/христианином»? Потому ли, что верны раз и навсегда данной присяге? Но если нет Того, Кому ты присягал, то и присяга лишена смысла. Потому ли, что не видят никакого более высокого нравственного учения? Но ведь следовать ему, как мы видели на примере того историка, можно и без личной веры во Христа.

На самом деле есть в этой фразе и гораздо более глубокий смысл. Герой Льюиса поясняет: «Выходит, мы, играя, придумали мир, который по всем статьям лучше вашего, настоящего. И потому я за этот придуманный мир». Но и это еще не самая суть, ведь если бы это было так — христианство не отличалось бы от детской сказки, от бреда сумасшедшего. Христианин тогда — это Питер Пэн, который повзрослел и никуда не улетел, а живет в обычном нашем мире и лишь воображает себе какую-то сказочную страну. Безумец!

Попробуем понять, почему же можно «оставаться нарнийцами», не расставаясь с грубой реальностью этого мира. А для этого задумаемся, что же мучает человека, что заставляет его падать на колени посреди пересохшего поля и вопить: «Да есть Ты или нет, в конце концов?!» Бедствия, трагические происшествия? Едва ли они, наоборот, часто обращают человека к вере. Скорее, отсутствие смысла. Человек живет, может быть, внешне вполне благополучно, но он перестает понимать, зачем ему это все.

Лучшее время жизни, детство, уже позади, и все яснее видишь, что с каждым годом все больше немощей и болезней, в жизни не получилось многое из того, о чем прежде мечтал. Люди вокруг не идеальны, конфликтам и препятствиям нет предела. Не лучше ли жить не задумываясь, срывать цветы удовольствия, пока остается возможность, и ни в чем себя не ограничивать? И к чему все эти обряды, правила — да ведь сама жизнь проходит стороной!

Да, можно приобрести богатство, испытать удовольствия. Можно. Придают ли они жизни смысл? Если бы придавали, то в самых богатых и благополучных странах был бы самый низкий уровень самоубийств, но это вовсе не так, скорее наоборот. Главное, что в этой гонке за удовольствиями и достижениями все равно удастся получить лишь малую толику, все равно кто-то обгоняет тебя. А если даже и ты всех обгонишь... Вот Майкл Джексон — человек, который при жизни достиг всего, о чем только мечтал. Был ли он счастлив?

Святитель Иоанн Златоуст говорил, отправляясь в несправедливое изгнание: «Если изгонят меня, я уподоблюсь Илии; если бросят в грязь, — Иеремии; если в море, — пророку Ионе; если в ров, — Даниилу; если побьют камнями, — Стефану; если обезглавят, — Иоанну Предтече; если будут бить палками, — Павлу; если распилят пилою, — Исае; и о, если бы пилою деревянною, чтобы мне насладиться любовью ко кресту!» Оказывается, ему просто невозможно было причинить вред.

Вера придает жизни главный смысл здесь и сейчас. Например, я могу говорить со своей умершей мамой. Мы с ней можем простить друг друга и самих себя, можем надеяться на прощение и встречу в вечности — и это только благодаря вере. Даже если бы после гроба не было вообще ничего — вера дает мне невероятно много здесь и сейчас. Я могу принимать все происходящее со мной не как игру случая, которая к тому же редко складывает-

ся целиком в мою пользу, но как действие любящей и разумной Руки. Пусть я не всегда понимаю ее замысел, но я уверен, что она ведет меня к высшему благу, несмотря на все трудности и препятствия. Я могу ощутить себя ребенком рядом с любящим Отцом.

Так что же, все сомнения — пустое? Вовсе нет. Во-первых, человеку свойственно сомневаться даже в главном, чтобы находить этому главному новые и новые подтверждения, потому и влюбленные постоянно говорят друг другу о своей любви. А кроме того, сомнения в вере помогают нам понять и принять наше собственное место в Церкви. Действительно ли мы хотим делать то, что делаем, или просто воплощаем в жизнь прочитанное в книжке или услышанное в разговоре: «Делай так, и все будет хорошо»?

А оно не обязательно бывает хорошо, и даже смысл нам бывает далеко не сразу понятен (читайте книгу Иова!). И уж совершенно точно ни «хорошей», ни «осмысленной» не становится наша жизнь от какого-то набора внешних действий, какими бы замечательными ни были эти действия сами по себе. И если человек молится, постится, причащается, а к нему приходят сомнения, то это повод задуматься: а зачем я все это делаю, чего жду, во что вкладываю свои усилия, что надеюсь получить? Своей ли жизнью живу в Церкви или заемной? Без ответа на эти вопросы ждать, по сути, нечего, ведь невозможно достичь результата, которого ты себе даже отдаленно не представляешь. Можно выкопать яму, навалить груды кирпичей, залить их морем цемента, потратить на все это уйму денег и последние силы — но все впустую, результат не будет даже отдаленно напоминать дом, в котором можно жить, потому что с самого начала не было ясной цели. С верой, конечно, все сложнее: план постройки нашего дома уточняется и меняется прямо по ходу строительства

Поэтому, пока мы сохраняем способность критически мыслить, у нас были, есть и будут сомнения и не стоит их бояться. Они на самом деле помогают нам взрослеть в вере, находить в ней то, что значимо и нужно именно для нас. А взрослеть — это так непросто...

Да, бывает, что человек, переживший кризис веры, частично или даже совсем отходит от внешней религиозности. Но это совсем не значит, что он потерял для Бога. В его душе живет семя веры, и оно способно принести свой плод, только нам пока неизвестно, когда и какой.

Богословие лукавки

Нет для христианина более важного вопроса, чем вопрос о спасении. Войду ли я в Царствие Божие, соединюсь ли со Христом и с любимыми людьми или меня ждет вечная погибель? Собственно, все христианство — поиск практического ответа на этот вопрос для каждого человека.

Но вместе с тем кажется порой, что с точки зрения теории нет более противоречивого вопроса. Кто именно будет спасен? Одни настойчиво повторяют: нет спасения вне Церкви, так что среди спасенных будут только христиане, причем только православные и, конечно же, только из правильной (нашей собственной) Церкви. Звучит несколько по-сектантски. Другие, напротив, напоминают, что Церковь молится «о всех и за вся», и настаивают, что спасен может быть любой человек, если он честно искал Бога или просто исполнял Его заветы, ведь практически каждый из нас может привести пример мусульманина, буддиста, атеиста, который жил чище и лучше подавляющего большинства христиан. Но если так, то для чего тогда Церковь? Обе крайности, очевидно, неверны, но где золотая середина между ними?

Впрочем, если даже оставить в стороне спор о границах Церкви, то ситуация не становится проще. С одной стороны, грозным предупреждением звучат слова Писания: «И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» (1 Петр. 4:18). Им вторят великие подвижники древности, которые будто бы полностью отрицают возможность собственного спасения, например, преп. Пимен Великий говорит перед смертью ученикам: «Уверяю вас, куда ввергнут сатану, туда ввергнут и меня». Но если такое сказал человек, служащий нам образцом христианской жизни, то у нас уж точно нет вообще никаких шансов?

А с другой стороны, православные хоть и отвергают католическое учение о чистилище, где грешник мог бы получить временное наказание и очиститься от своих грехов, но охотно приводят собственные рассказы о мытарствах, по сути очень похожих на это самое чистилище. И в этих рассказах постоянно звучит один мотив (например, в житии св. Петра Мытаря): ничтожно малое доброе дело, какой-нибудь кусок хлеба, с раздражением брошенный в лицо нищему, неожиданно перевешивает множество тяжких грехов, и человек свободно входит в рай. Если так, то, по-

жалуй, спасутся вообще все, ведь нет такого злодея, кто хотя бы однажды не сотворил доброго дела?

Наконец, при чем тут вообще дела? В ежедневном молитвенном правиле мы призваны ясно заявить Богу, что на них мы совершенно не надеемся: «...аще бо от дел спасеши мя, несть се благодарить и дар, но долг паче... Вера же вместо дел да вменится мне, не обрящеши бо дел отнюд оправдающих мя». О том же много и подробно писал и апостол Павел. А с другой стороны, «вера без дел мертва» (Иак. 2:20), и все разговоры о соблюдении заповедей, постах и молитвах ясно утверждают огромную значимость этих дел для спасения. И тот же Павел вдруг заявляет, что есть целый список поступков, закрывающих вход в Царство Божие (1 Кор. 6:9–10). Так важны дела или нет?

И Церковь, предлагая нам столько вероучительных определений по множеству других вопросов, почему-то не спешит внести здесь ясность, не говорит нам: «Спасутся те, и только те, кто...» или же: «спасутся все, кто...» С нашей стороны это ведь не пустое любопытство, нам важно понять про себя и про своих близких: спасемся или нет? Кто-то из наших родных и друзей умер крещеным, но нецерковным, а кто-то был атеистом или мусульманином, но прожил в высшей степени достойную жизнь, а кто-то был пламенным коммунистом и много натворил всякого... Есть ли для них надежда? И есть ли она лично для меня? Почему мы находим в церковном Предании столько всего разного?

Наверное, потому, что разными бывают люди. Дело даже не в том, что один склонен к непримиримой строгости, а другой — к умильному всепрощению. Наши обстоятельства бывают разными, и одному человеку нужно напомнить о серьезности греха и покаяния, о возможности вечной гибели — а другого, близкого к унынию, наоборот, стоит ободрить надеждой на прощение и милость Божию.

А главное, Церковь признает пределы своей компетенции. В конечном счете судьбу каждого человека в вечности решает Господь, сотворивший его и умерший за него на Кресте. Мы можем понимать, что влияет на это решение, но мы сами не можем даже приблизительно определить его. Мы только знаем, что каждого из нас, без исключений, Господь любит сильнее и крепче, чем кто бы то ни было из людей, и знаем, что все возможное для нашего спасения было и будет сделано. От каждого человека зависит

только одно: принять это спасение или отвергнуть, причем не только на словах, но и самой своей жизнью. И никто, даже Бог, за нас этот выбор не сделает.

Поэтому нам остается только рассуждать о спасении в образах и притчах. Так поступал когда-то и Христос, говоря, например, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мк. 10:25). Богословам последующих веков это казалось настолько несуразным, что они изобретали всякие объяснения, например: якобы в Иерусалиме были маленькие воротца, называвшиеся «игольными ушами», куда верблюд все же проходил, хотя и с трудом. Но, к сожалению, нет никаких сведений, что такие ворота действительно существовали. Так что выходит: богатый вообще туда не пролезет, никак. Повод для отчаяния? «Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу» — так отвечает Христос на недоумение учеников.

Может быть, в этом и есть главная разгадка? Великий подвижник на смертном одре говорит, что за собственные заслуги его могут удостоить лишь того же места, что и сатану. Он, при всем своем духовном богатстве, подобен тому самому верблюду. И в то же время последнего грешника Бог может помиловать, помня о единственном добром поступке, — нет, поступок не стал билетом в рай, но он оказался, может быть, последним остатком богоподобия в этом человеке. Господь признает в человеке Свой образ и спасает этот образ для Царствия.

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» приведена, может быть, самая яркая и интересная притча на эту тему. Что интересно, она есть не только у христиан, подобную историю рассказывают и буддисты, и уже трудно понять, кто у кого ее позаимствовал. Итак, умерла одна злая баба, в которой не оставалось ничего хорошего, и попала она в огненное озеро. Ее ангел-хранитель смог припомнить за ней только одно доброе дело: однажды она в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И вот Бог повелел ангелу взять эту луковку и опустить в озеро: если баба сумеет выбраться по ней, то пойдет в рай. Так ангел и поступил и почти уже вытянул бабу, как та заметила, что вместе с ней из огненного озера лезут в рай и другие, уцепившись за ее луковку, а ведь она и сама на ней еле держалась! «Моя луковка, а не ваша!» — завопила баба, и луковка тотчас оборвалась.

Господь был готов принять эту женщину в Свое Царствие, но она сама оказалась к этому неготовой. Если бы она вошла в Царствие, то внесла бы с собой всю свою злобу, зависть и нетерпимость — и рай превратился бы в ад для нее самой и для тех, кто оказался рядом с ней. Ей было дано прощение грехов, но этого не хватило: нужно было измениться, прекратить вечную войну с Богом, с окружающими, с самой собой. Это, разумеется, тоже не дело рук человеческих, это совершает в нас только Господь, но мы можем принять Его действие в нас или отвергнуть. Согласиться, чтобы нас «переделали для рая», или начать переделывать рай под себя, чего нам совершенно точно не позволят (или позволят в индивидуальном порядке, но это тогда уже будет никакой не рай, а наш личный, по собственной мерке скроенный ад). В православном Предании эта переделка человека называется «обожением», и все наши усилия на земле — исполнение заповедей, аскеза, добрые дела и молитвы — суть лишь попытка дать Богу свершить его в нас, согласиться на него. А финишная черта скрыта пока от наших глаз.

Я не знаю ничего наверняка, но сдается мне, что именно здесь лежит ключ к объяснению всех этих недоумений.

Как рассказать о вере?

Говорить о вере можно по-разному, не случайно и апостол Павел упоминал «языки человеческие и ангельские». Ангельскими мы не владеем, да и не нужно нам ими владеть — но все ли так просто и с языками человеческими?

Человеку неискушенному часто кажется: да, все просто. Достаточно поговорить с человеком на языке, который он понимает, и можно объяснить ему абсолютно все, что только захочется. Но не всегда это удается. Человек может воспринимать информацию, но при этом она обязательно ложится на существующие у него представления о мире. Например, когда люди из малых народов России слышат или читают Библию на русском языке, они обычно способны понять написанное, но воспринимают это как рассказ о русском Боге. Дескать, у каждого народа есть своя вера, у нас такая, у русских — другая. И порой только перевод Слова

на родной язык способен убедить такого человека, что Христос спасает людей вне зависимости от их национальности.

Но любой человеческий язык выражает определенный опыт народа; за каждым словом стоит некое понятие. Например, буддисты (буряты, тувинцы или калмыки) легко согласятся, что каждый человек грешен и нуждается в спасении. Но под грехом они будут понимать причинение страданий живому существу: зарезал барана — тяжело согрешил. А спасение будет для них означать выход из череды перевоплощений, растворение в абсолюте. Конечно, все это мало похоже на христианский взгляд.

Но даже понятие греха есть не у всех народов. Один из западных миссионеров, работавших в 1960-е годы среди племен Новой Гвинеи, у которых еще существовало людоедство, рассказывал в своей книге, что пересказ Евангелия был понят ими совершенно не так, как он ожидал. У них не было такого понятия, как «предательство», и в Евангелии им больше всего понравился... Иуда. Он выбрал удачный момент и отправил на смерть доверившегося ему Иисуса — вполне нормальная практика для этих людей.

Миссионеру пришлось искать какой-то эквивалент в собственной культуре этого народа, чтобы передать Благую Весть. И он нашелся. Оказалось, что бесконечную вражду между двумя деревнями в этих краях прекращают так: одно селение дает другому на воспитание ребенка, которого называют «ребенком мира», и он, ребенок, выступает как заложник. Но если с ним что-то случится, то его родичи пойдут на это селение войной. И вот миссионер рассказал своей пастве: человечество поссорилось с Богом, и Бог дал человечеству Своего Сына как «ребенка мира». Люди убили его, но Бог их простил. И папуасы прекрасно поняли такую проповедь, оценили глубину Божьего милосердия и ценность жертвы Иисуса.

Мы, конечно, живем в совершенно ином мире, всем прекрасно известно, что Иуда — гнусный предатель и слова христианского лексикона у всех на языке. Только... как употребляет их современный мир? Откроем любой глянцевый журнал, и увидим, что «искушение» — это что-то очень дорогое и желанное, не всякому по карману. А «духовность» — это такой «винегрет» из самых разнообразных учений, в основном оккультного характера. А что такое «исповедь грешницы»? Недорогое вино. Во что порой превращается слово «любовь», не стоит и вспоминать.

И если проповедник будет употреблять самые замечательные слова, он рискует промахнуться — для аудитории они могут означать что-то совсем другое. А если придется сначала устанавливать точное значение слов, для самого главного может не остаться времени.

Но порой проблема таится как раз там, где все выглядит ясным и понятным. Что может быть понятнее слов «вода» и «вино»? Они встречаются в Библии постоянно, и каждый человек с ними прекрасно знаком. Вино еще могли делать по-разному, но уж вода точно везде и всегда одинакова. Это так, но неодинакова для разных народов ее доступность, а следовательно, значение, которое ей придается. Всем известно выражение «живая вода», в Библии оно обычно обозначает Божью благодать, изобильно даруемую людям. Но что конкретно имеется в виду? Народы Сибири, живущие среди великих рек и обильных снегов, не оценят этого так, как народы Средней Азии, где от наличия воды порой зависит жизнь. Так это было и в библейских землях: воды всегда не хватало и родники, дающие чистую, вкусную, свежую воду, которую называли «живой», были величайшей ценностью.

А там, где не было родников, приходилось копать глубокие и часто пересыхающие колодцы или собирать зимой дождевую воду в специальные резервуары, высеченные в камне. В русском переводе Библии эти резервуары называются «колодцами» или «водоемами», и то и другое название не точны, но точного у нас просто нет. Естественно, что вода в таких водоемах была не слишком-то чистой, а к концу сухого сезона (дождь идет в Палестине только зимой) и вовсе становилась затхлой. Пить ее было совсем не так приятно, как чистую воду из источника, к тому же малейшая трещина в камне приводила к тому, что вода утекала из резервуара. Пророк Иеремия использует именно этот образ, когда говорит от имени Бога: «Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер. 2:13). С таким разбитым резервуаром сравниваются здесь языческие божества, а Единый Бог — с чистым источником.

При таком положении дел неудивительно, что питьевую воду часто требовалось обеззараживать, и для этого ее смешивали с вином. Вино в Библии называется сухое виноградное вино, никаких более крепких напитков в те времена изготавливать не умели, да и такое вино пили, как правило, разведенным: три-четыре

части воды на часть вина. Народы Средиземноморья всегда включали вино в небольших количествах в свое повседневное меню, и к алкоголизму это обычно не приводило.

Но в языках многих народов России нет отдельного слова для сухого вина, есть только общее понятие для спиртных напитков, и люди употребляют его в основном в значении «водка». Если употребить такое слово, получится совершенно неверная картина повального водочного пьянства, к сожалению слишком хорошо знакомого многим из нас.

Поэтому некоторые протестантские проповедники настаивают, что нельзя говорить тут о вине, надо переводить «виноградный сок». Но это будет фактически неточно: в те времена не было ни холодильников, ни консервантов, а виноградный сок сразу начинает бродить. Пить его можно было только свежавыжатым, так что он мог быть доступен только осенью, во время сбора урожая. И следовательно, там, где говорится о вине, речь идет именно об алкогольном напитке, тем более что Библия не раз предостерегает об опасности пьянства и призывает к умеренности — значит, все-таки пили не сок.

Что же может тут сделать переводчик? Иногда ему приходится добавлять уточнения: «хлеб без закваски», «свежая вода из источника», «виноградное вино». А там, где эти выражения употреблены метафорически, они могут быть переданы несколько иначе: «дающая жизнь вода», «опьяняющий напиток». Впрочем, если добавить в текст подробное описание резервуара для сбора дождевой воды, оно слишком утяжелит перевод и переключит внимание читателя на несущественные технические подробности. Вот и приходится, как в синодальном переводе, говорить «колодец» или «водоем», хотя и то и другое слово означает не совсем то, что требуется.

Самый интересный случай — это конечно же «культурная замена». Например, все мы знаем выражение «хлеб наш насущный»: хлеб в нашем языке действительно обозначает главную, самую необходимую пищу. А если подставить конкретные названия хлебобулочных изделий? «Батон насущный» или «буханка насущная» звучат уже нелепо — но именно так и обстоят дела в языках тех народов, основой питания которых традиционно был вовсе не хлеб. Они знают, что такое хлеб, и едят его, но не называют хлебом еду вообще. В таком случае, например, в китайском переводе появился «рис наш насущный», а в переводе на язык

алеутов, жителей островов на севере Тихого океана, — «рыба наша насущная».

Не случайно христианская проповедь никогда не ограничивалась прямым провозглашением истин: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное». Да, нужно сказать и это, но что делать с людьми, для которых само «Царствие» — или абстрактное понятие, или такое место на небесах, где праведники в белых одеждах сидят на облаках и играют на арфах? Если уж с вином и водой не все так просто, как понять смысл слова «Царствие»...

Иисус сталкивался с той же самой проблемой. Даже ближайшие ученики интересовались, как скоро Он воссядет на престоле, прогнав римлян, и кого назначит первыми министрами. А Он в ответ рассказывал им притчи, очень разные, зачастую удивительные, заставляющие людей думать о самой сути Царства, пересматривая свои былые представления. Зачастую именно образная речь помогает человеку усвоить смысл: пусть она лишена терминологической точности, но она проникает в самое сердце человека, заставляя его размышлять и искать свой собственный ответ.

А ведь нередко христианская проповедь сводится к повторению стандартных вопросов и заученных правильных ответов. И что это дает? Некое чувство надежности, правильности... но вдруг встанет перед человеком нестандартный вопрос, возникнет непредусмотренная ситуация, и вера его может увянуть, потому что не имеет корня. Вот и мне приходится сейчас объяснять свою мысль через образ.

Образы могут быть не только словесными, не случайно во все времена христиане выражали свою веру в красках, в камне, в песнопениях. Конечно, здесь есть опасность, что люди начнут почитать сам образ вместо Бога, но к самым точным богословским формулировкам это относится в той же самой мере: люди могут даже убивать друг друга за них, и тому в истории немало примеров.

И сегодня христианская проповедь может быть выражена в новых формах, например в кино. Да, существуют экранизации библейских историй, далеко не всегда удачные, но разговор о вере совершенно не обязательно должен сводиться к пересказу Библии. Приведу только один недавний пример: фильм «Петя по дороге в Царствие Небесное». В самом фильме ничего не говорится о Боге, он вообще показывает нам мир, откуда это понятие было, казалось, изгнано: 1953 год, заполярный рабочий поселок,

по улицам которого водят на работу заключенных. И в этом поселке слабоумный и беззлобный паренек по имени Петя живет, по сути, по заповедям Евангелия, которых он никогда не читал. И, посмотрев этот фильм, мы можем сказать себе: оказывается, требования Нагорной проповеди вполне исполнимы, даже в таких тяжелых условиях, и вовсе не нужно тут обладать великим интеллектом или могучей силой!

Конечно, при столь творческом подходе нужны чувство меры и подлинное смирение, чтобы говорить о Евангелии, а не самовыражаться за его счет. Впрочем, это касается любой проповеди, только в случае с произведением искусства больше соблазна для самовыражения.

Но так мы подошли к еще одному сложному вопросу: а до какой степени должен проповедник приспосабливаться к понятиям и обычаям аудитории, переходить на ее язык? Когда-то Церковь стремилась сохранять особый, священный язык: в Западной Европе это была латынь, заимствованная из Римской империи, в России — церковнославянский язык. Создатели славянской азбуки братья Кирилл и Мефодий в свое время не только придумали буквы, но и заимствовали из греческого языка множество слов и конструкций. Церковнославянский, по сути, был специально созданным для нужд Церкви языком. В таком подходе есть свои преимущества: для всех явлений и понятий находятся свои, особые слова, они наделяются нужным смыслом и не смешиваются с простым, разговорным языком. Скажешь «оправдание верой» или «благоволение» — и это уже точный термин со строго определенным значением. Правда, об истинном значении многих таких терминов богословы до сих пор продолжают спорить.

Но такой язык не всегда понятен людям, а главное, он может увести разговор о вере в некие заоблачные выси, не имеющие прямого отношения к жизни на земле. Поэтому в последнее время все большее распространение получают переводы Библии на простой разговорный язык, а также проповеди, произнесенные на таком языке. На Западе выпускаются уже переводы на «базовые» версии английского, немецкого, французского и других языков с очень ограниченным словарным запасом и упрощенными синтаксическими конструкциями. Они предназначены для тех людей, которые не владеют в должной мере языком своей страны: недавних иммигрантов, умственно ограниченных людей и т. д. Они тоже нуждаются в Слове Божьем, но здесь можно за-

думаться: а нужен ли им перевод полной Библии, не лучше ли подготовить для них краткий пересказ самых главных ее частей? Ведь подобный «базовый» подход неизбежно ведет к упрощению, а порой и к достаточно спорным трактовкам неоднозначного библейского текста.

Наверное, тут невозможно предложить один рецепт для всех и навсегда. Многообразие человеческого опыта, разница в характерах, происхождении, образовании требует, чтобы разговор с разными людьми шел на разных языках, и не только в лингвистическом смысле этого слова. В этом разнообразии — еще одна грань удивительной свободы, которую открывает человеку христианский взгляд на мир.

«О всех и за вся»

В Греции, говорят, некоторых христиан называют «христианами на колесах» — в церкви они бывают три раза в жизни, и все три раза их привозят: на крестины, на венчание и на отпевание. Собственно, когда мы утверждаем, что в нашей стране большинство верующих составляют православные, мы именно таких людей и имеем в виду. Ну, может быть, не три раза в жизни, а три раза в год они зайдут в церковь: за крещенской водой, за вербами, да еще куличи освятить. Плюс тот самый стандартный набор: крестины — венчание — отпевание.

О том, что эти люди неправильно, потребительски относятся к Церкви, можно писать долго и подробно. Но от этого картина не сильно изменится: всегда и во все времена были люди, всерьез искавшие духовной жизни, и были люди, стремившиеся украсить и освятить свою жизнь древними обрядами, ощутить таким образом единство со своими предками, приобщиться к традициям своего народа и поставить на этом точку. Чего они хотят, понятно, но не совсем понятно другое: а как Церкви поступать с ними?

Можно, конечно, пойти по строго каноническому пути: эти люди никак не могут считаться христианами, потому что не приступают к таинствам, да и вообще живут как хотят. Так что не нужно их венчать и отпевать, а детей их — крестить. Пусть в каждом приходе требы совершают только для членов данно-

го конкретного прихода, а если кто придет из новых людей, такому надо предложить сначала подробно исповедаться, потом причаститься и воссоединиться таким образом с Церковью, от которой он уже давно отпал (а может быть, никогда и не принадлежал к ней).

Такой суровый путь кажется совершенно нереальным, да и ненужным. И вовсе не только потому, что в этом случае приходы лишатся значительной части своих доходов, а РПЦ из Церкви большинства станет религиозной общиной ничтожно малого меньшинства, ведь доля людей, регулярно приступающих к таинствам, по любым подсчетам составляет в нашем обществе несколько процентов. Но, в конце концов, ради честности перед Богом и перед самими собой можно было бы пойти и на это...

Но тогда Церковь, по сути, перестала бы быть «солью земли» и «высоко поднятым светильником», чего, вообще-то, требует от нее Евангелие. Воцерковленным христианам тогда пришлось бы сказать людям: нас не интересуют ваши заботы; вы сначала должны стать в точности такими, как мы, и тогда мы, так уж и быть, обратим на вас внимание. Это подход сектантский и изуверский по самой своей сути. Да и возможности для проповеди были бы во многом утрачены: в самом деле, как часто бывает так, что именно на требох, прежде всего на отпевании, далекие от христианства люди вдруг видят его в совершенно новом свете! Все земное в жизни этого человека закончилось, остается сказать какие-то глупости про «спи спокойно» и «земля будет пухом» — и вдруг оказывается, что только с точки зрения Церкви путь человека далеко не закончен, только она позволяет нам заглянуть за эту черту, проводить близкого человека и задуматься о смысле собственного ухода.

Хотя бы ради одной этой возможности напомнить людям о Боге следовало бы людей нецерковных церковно помянуть. А где отпевание — там и крестины, и венчание... Венчание неверующих? Ну и что, возражают на это, может быть, в свое время придут нынешние жених с невестой в Церковь, и младенец неверующих родителей придет, и обряд будет для них напоминанием, призывом. Авансом, в конце концов, — часто так и происходит.

Правда, на практике все больше получается так, что обряд воспринимается не как аванс, а, наоборот, как окончательный расчет с Богом. Я видел это не раз: человек ищет Бога, задает во-

просы, размышляет, сомневается. Наконец, он принимает решение креститься, как правило, под давлением совершенно внешних обстоятельств: он же русский (грузин, карел, грек), значит — православный. И родственники огорчаются, что он «нехристь», и повенчаться с избранницей ему тоже хочется. И вот приходит такой человек в храм, его крестят без подготовки, в лучшем случае после одной-двух бесед, и... на этом он успокаивается. А что, ведь он крестился! Ему и в голову не приходит, что креститься и больше никогда не приходиться в церковь — примерно то же самое, что купить билет на поезд и не прийти на вокзал к его отправлению. Ну есть у тебя крестик на шее, билет в кармане, а толку-то?

И вот как раз в таком случае, представляется мне, было бы правильно сказать человеку: не торопись. Ты хочешь дать Богу определенные обещания и попросить Его о помощи, ты хочешь стать членом огромной и древней организации, в которой есть свои обычаи, свои требования и свои обряды. Это прекрасное желание, но стоит попробовать разобраться, чего именно ты ищешь и действительно ли ты захочешь исполнять то, что обещаешь Христу, назвав Его своим Царем и Богом. Идеально все равно не получится, ни у кого из нас не получается, но по крайней мере постарайся сделать все, что сможешь, а для этого сначала подумай и реши, нужно ли тебе это. И если не нужно — пока подожди.

Собственно, в некоторых храмах уже и не крестят без обязательного оглашения (так называется эта сама подготовка), но всегда можно пойти в соседний храм и без проблем стать номинально православным. То же самое касается и крещения младенцев, хотя, конечно, в этом случае некоторая степень сознательности и ответственности требуется не от них самих, а от их родителей.

А вот с отпеванием и венчанием, сдается мне, картина совсем иная. Церковь может и должна испрашивать благословения свыше на любые стороны человеческой жизни, кроме греха, — и конечно же, она может и должна напутствовать вступающих в брак, если они того пожелают, и провожать усопших, которые сами не были против церковных обрядов. Но при этом надо все-таки оставаться честными перед Богом и перед самими собой.

Что мы говорим об усопшем Богу на православном отпевании — одной из самых прекрасных и глубоких служб нашей

Церкви, да и вообще во всех заупокойных молитвах? «Аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимого, верова, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве, православно даже до последнего своего издыхания исповеда. Тем же милостив тому буди, и веру, яже в Тя, вместо дел вмени...» Говорить такое о человеке неверующем, нецерковном, пусть даже и крещенном когда-то, значит просто говорить Богу неправду. Кому это нужно?

Вероятно, нам просто необходим чин молитвы о человеке, который вовсе не «православно до последнего издыхания исповеда». Мы могли бы сказать Богу нечто иное: да, не знаем мы толком ничего о его вере, Ты знаешь, но мы любим его, мы помним его, мы просим за него. Он много сделал для нас добра, и пусть делами не оправдается никакая плоть, но вспомни ту любовь, которую проявил этот человек к своим ближним при жизни, и взыщи образ Свой, не дай погибнуть Твоей овце. Может звучать в таком отпевании и наше покаяние, ведь это и из-за наших грехов, из-за нашего номинального, безрадостного, формального христианства не приходят такие люди в Церковь — хотя, конечно, свой выбор они делают в конечном счете сами.

И может быть, подобной молитвой можно было бы провожать в последний путь и вовсе не православных людей: да, мы знаем, что нет спасения вне Церкви, и у нас вроде бы есть все основания считать этих людей погибшими, но... *«Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех»*, — говорил об этом преподобный Силуан Афонский. Только давайте будем молиться честно, не наводя никакого глянца, не «оправославливая» посмертно тех, кто на самом деле не был православен при жизни. Может быть, это будет называться не отпеванием, а как-то еще, но мне кажется, что потребность в такой форме молитвы у нас ощущается очень сильно.

Примерно так же можно было бы и благословлять брачный союз нецерковных людей: благословить их жить в верности и любви друг ко другу, воспитывать потомство. Будет ли это тот же чин венчания или нечто близкое к венчанию второбрачных, это уже не так важно. Только не надо говорить молодой паре: «Вы исполнили обряд, все в порядке, идите теперь, ешьте и пейте», — а надо сказать: «Вы стоите на церковном пороге, и мы будем очень рады, если вы войдете и присоединитесь к нам».

На самом деле все это частные проявления одного большого вопроса: что есть Церковь в мире, как ей поступать с теми, кто живет «по соседству». Мы шарахаемся от сектантского ригоризма к лицемерной неразборчивости, средний путь найти трудно, но совершенно необходимо. Ведь *Голгофская жертва была принесена, как говорят слова литургии св. Василия Великого, «за жизнь мира», а не за отдельные категории граждан*, и потому каждая Евхаристия совершается у нас не только ради нас самих, но и «*о всех и за вся*».

Уроки поста

Идет Великий пост. Православные тщательно осматривают упаковки продуктов на предмет скромных ингредиентов, в столовой заказывают двойной гарнир без мяса (и соусом ни в коем случае не поливайте, он мясной!), в гостях расспрашивают хозяев о точном составе салата. Неправославные или малоправославные, глядя на них, удивляются: ну какая Богу разница, едим мы огурцы или котлеты, пьем сок или кефир? И православные порой толком не знают, что ответить. Понятно, что Богу нет никакой разницы, но ведь точно так же можно сказать, что Всемогущий не нуждается в наших молитвах или в нашем соблюдении элементарных нравственных норм, то есть заповедей. Очевидно, что все это нужно скорее нам, чем Ему. Но что все-таки ответить нашим недоумевающим друзьям?

Во-первых, можно ответить, что ценны не огурцы с соком, а послушание. Это, безусловно, верно, но... это ответ не только христианский. В любой, даже самой примитивной религии есть свои пищевые ограничения. Индуисты не едят говядины, мусульмане и иудеи — свинины, буддисты по идее вообще не должны есть мяса. То же самое касается и запрета на определенные действия, например интимные отношения. Иногда эти запреты вводятся на определенный срок или при определенных условиях: к примеру, когда мужчины идут в военный поход, они не должны прикасаться к женщинам, чтобы не растратить свою мужскую силу. Это общечеловеческие правила, так ведут себя в самом диком племени, и в Ветхом Завете мы тоже находим пример такого

поведения: Урия, на время вернувшийся с войны в родной город, отказывается идти домой к жене, пока его товарищи ночуют в военном лагере (2 Царств 11:11).

Действительно, в иудаизме или исламе, двух наиболее близких к христианству мировых религиях, примерно так и обстоит дело: пища, приготовленная по определенным правилам из определенных ингредиентов, чиста, а вся остальная пища категорически запрещается (иногда уточняют: кроме случаев, когда человек может умереть от голода). Однажды в Россию приехал по делам мой бывший однокурсник, а ныне гражданин Израиля, всерьез принявший иудаизм. Так вот ему в буквальном смысле слова пришлось взять с собой чемодан кошерной (то есть разрешенной) еды, потому что из местных продуктов он мог употреблять лишь воду, сырые фрукты и овощи. В последнее время в московских супермаркетах открываются секции халяльного мяса — то есть мяса, приготовленного в полном соответствии с требованиями ислама. Кошерных секций нет, видимо, иудаизм подходит к этому вопросу куда строже, да и спрос на кошерную продукцию намного меньше.

Почему же нигде нет православной секции? Да просто потому, что такой подход с самого начала был чужд христианству. Для христиан просто не существует пищи, которая была бы по природе своей нечиста. Так, еще в новозаветные времена многих иудеев и христиан смущало, что мясо, продаваемое на рынке язычниками, может быть посвящено в жертву языческим богам и кто съест его, невольно примет участие в такой жертве. Апостол Павел на это отвечает: «Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести. Но если кто скажет вам: “Это идоложертвенное”, — то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля и что наполняет ее» (2 Кор. 10:27–28). То есть сама по себе любая пища хороша и пригодна, она от Господа, но там, где люди начинают придавать этой пище особое значение, твой выбор еды становится значимым.

И какое же значение мы можем придать нашему посту сегодня? Мы постоянно говорим, что сам по себе пост ничего не значит, что он — лишь вспомогательное средство для молитвы, духовной сосредоточенности и вообще суть поста совсем не в меню, и так далее. И все равно полно людей, которые и в церковь-

то лишь иногда заглядывают, и дома молятся не очень усердно, но, тем не менее, в пост стараются ограничить себя хоть в чем-то. Значит, они интуитивно открыли некий самостоятельный смысл поста, и я думаю, что они совершенно правы.

Когда, как не в пост, начинаешь чувствовать подлинный вкус еды! Нет, даже не на Пасху, когда уже все можно (и сразу оказывается, что так мало тебя на самом деле насыщает), а именно в пост: как, оказывается, это вкусно, черная горбушка с солью и чесноком, или жареная картошка с луком! Мы и забыли о таких простых вещах среди всех этих сосисок и чипсов. И наесться, оказывается, можно гораздо меньшим количеством пищи...

То же самое касается и всех остальных сторон жизни: стоит хотя бы сократить время, которое тратится ежедневно на просмотр пустых телесериалов, компьютерные игры, сидение в Интернете, телефонный трёп ни о чем, — и окажется, что в мире есть столько прекрасных и полузабытых вещей, до которых мы как-то не успевали добраться. Погулять в весеннем лесу с ребенком, разобрать семейные фотографии, да хотя бы смазать давно скрипящую дверь, наконец.

Тысячу раз правы те, кто говорит, что нельзя лезть в постель к супругам с аскетическими советами. Но выскажу только одно небольшое наблюдение: иногда интимные отношения в браке приедаются, лишаются остроты, и тут очень кстати может оказаться, например, командировка: после разлуки все переживается по-новому. Не всем и не всегда, но кому-то и такое воздержание по взаимному согласию может оказаться полезным, если не делать его самоцелью.

Особенно актуальным становится пост во время глобального экономического кризиса. У него много причин, но одна из них стала вполне очевидной: людская неумеренность. Невозможно было остановить бесконечный праздник потребления, отказаться от не слишком нужных, но приятных и престижных покупок, — разумеется, в кредит, который будет отдан когда-нибудь и как-нибудь, ведь цены на нефть и наши зарплаты могут теперь только расти, пусть и не так быстро, как наши аппетиты. И похоже, что в большом бизнесе, да и в большой политике действовала примерно та же логика, только ставки были неизмеримо выше. Человечество понимает, что ресурсы планеты не безграничны, что безудержный рост потребления только углубляет разрыв между

теми, кто страдает от ожирения, и теми, кто умирает от голода, но остановиться просто не может.

Так вот пост — это упражнение в самоограничении. Это способ понять, что твое счастье не зависит от количества съеденного и его состава, от «крутости» твоего мобильного или загородного дома, от наличия развлекательной программы в режиме «нон-стоп». Огурцы вместо котлет — всего лишь проверенная временем форма поста, но для православных она никогда не была абсолютным требованием. Кстати, сегодня все чаще можно услышать, что простые молочные продукты вроде кефира на самом деле куда более постные, чем «черепokoжие» вроде креветок и омаров или даже изысканные блюда из спаржи и манго, и я, ничего не утверждая, склонен согласиться, что так оно и есть. Но в любом случае дело не в меню, а в настрое.

Наверное, многие нецерковные люди подсознательно чувствуют это и потому хотя бы немного ограничивают себя во время поста. Пусть моя собственная воля стеснит мои «хотелки», заставит отказаться от того, без чего можно обойтись, иначе моя жадность заставит меня жить в мире, где мне вечно чего-то не хватает. И освободившееся от «хотелок» место может занять Тот, Кто стучится в наши сердца, но Ему так часто не находится места на бесконечном празднике потребления — как не хватило в свое время Ему места в вифлеемской гостинице.

Пасха как призыв к единству

Сколько раз мы слышали эти великие пасхальные слова святого Иоанна Златоуста, и мы не перестаем им радоваться и удивляться: «...богатые и бедные, ликуйте друг с другом; воздержники и нерадивые, почтите сей день; постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне! Трапеза преизобильна — насладитесь все; Телец упитанный — пусть никто не уйдет голодным. Все насладитесь пиршеством веры, все воспользуйтесь богатством благодати! Пусть никто не рыдает об убожестве — ибо явилось общее Царство; пусть никто не оплакивает прегрешений, ибо прощение воссияло из гроба; пусть никто не боится смерти, ибо освободила нас смерть Спасителя — угасил ее Тот, Кого она удерживала».

Да, здесь, как и во всех без исключения пасхальных песнопениях, — безграничное ликование о воскресшем Христе. Скажем ли мы о том лучше Златоуста? Нет, конечно. Но есть в пасхальном богослужении, во всем строе нашей Пасхи и еще одна очень важная сторона, которую не всегда замечают люди: это приглашение к единству.

Причем — к евхаристическому единству. Да, слова насчет упитанного тельца понимаются порой в том духе, что вот можно наконец наесться мясом до отвала, но на самом деле это, конечно, приглашение к Трапезе Господней, к причастию. Пламенные слова Иоанна Златоуста приходят в резкое противоречие с нашей обычной практикой: как это так — «все насладитесь»? А как же с подготовкой к причастию? Как с исповедью? А что, если человек вообще не был в храме весь год, зашел случайно, ничего не понимает, да и вообще, может быть, не крещен? Как же такому не рыдать об убожестве, не оплакивать прегрешений?

Вот почему не так уж давно был распространен обычай вообще не причащать на Пасху — мол, для причастия есть Великий четверг, а до того был целый пост, и если нет возможности устроить исповедь на пасхальной службе (а ведь и устраивают, и как только это получается, говорить о грехах под ликующее «Христос воскресе?»), — лучше и вовсе никого не причащать или причащать избранный круг, кого священник хорошо знает лично. Вот так сугубое наше благоговение приводило к тому, что слова Златоуста торжественно возглашались с амвона... и делалось все ровно наоборот.

А с другой стороны, как так взять и причастить всех? Я видел, как однажды в очередь к Чаше в пасхальную ночь встал парень прямо с недопитой бутылкой колы в руке (его не причастили, заметив бутылку, — а если бы он ее успел допить и выбросить?). Видел, как в другой раз от Чаши отходил причастившийся милиционер с очень напряженным лицом, из тех, что дежурили возле храма, и, подойдя к своим товарищам, сообщил им: «Там имя спрашивают... так я на всякий случай чужое назвал!» Как вот таких — и причащать? А с другой стороны, как установить у Чаши обычный наш барьер — «готовился ли, когда исповедовался»?

На Пасху 2009 года Святейший Патриарх благословил духовенство Москвы причащать народ без индивидуальной исповеди, оставляя вопрос о степени готовности на личной совести каждого. Правда, не все воспользовались этой возможностью, но

важно, что она была дана, хотя бы для того, чтобы вспомнить: Пасха — главный праздник ликующей Церкви, единой многоликой общины, где никто не достоин участвовать в Трапезе, но все на нее приглашены.

Вообще-то мы все большие индивидуалисты. Так уж устроено наше общество, постиндустриальное, постсоветское, постхристианское, пост-какое-там-еще... Былой общинный уклад, когда все соседи знали друг друга, остался в прошлом (правда, когда мы жили в хрущевке, куда переселили жителей деревни, стоявшей на месте этой хрущевки, бабушка-соседка непременно угощала нас пирожками каждый раз, как их пекла, но это редчайшее исключение). Советский коллективизм, с его партсобраниями и проработками на месткоме, тоже остался в прошлом, и слава Богу. Ну а западная размеренность быта, когда все действия регулируются законами и обычаями и каждый человек занимает четко определенное место в социуме, нам тоже пока неизвестна, и не факт, что когда-нибудь мы к ней придем.

Так что пока каждый житель российского мегаполиса живет сам по себе, как захочет и как сможет. Особенно хорошо это видят водители на московских улицах... Но и в Церкви обычно наша жизнь выглядит примерно так же: люди годами ходят в один и тот же храм, стоят рядом, они уже узнают друг друга в лицо, может быть, даже знают имена (ведь называют перед Чашей), но остаются друг другу совершенно чужими, даже не пытаюсь познакомиться. У каждого из них есть свои отношения со священником (или с разными священниками, если в храме их несколько), свои приятели и друзья на приходе, в лучшем случае какой-то свой кружок вроде группы милосердия. Но все, что мы делаем в храме, во многом остается нашей частной инициативой: мы даже к исповеди и причастию приступаем по собственному графику, строго индивидуально.

Я совершенно не хочу сказать, что это плохо. Это прежде всего естественно, и в христианстве обязательно должно быть место и личному, индивидуальному началу. На протяжении всего Великого поста в наших молитвах постоянно звучит «я, меня, мое». Конечно же, только таким и может быть покаяние: «Я согрешил, помилуй меня, не помяни грехов моих», а не «от лица всего нашего коллектива заявляю, что...». И наверное, здесь нашла свое отражение древняя монашеская традиция проводить пост в уединении, собираясь вместе только на воскресное богослужение,

а иногда отшельники расходились по кельям на все 40 дней. Хотя вместе они были Церковью, но каждый из них предстал перед Богом в одиночку.

А потом приходит Страстная, и мы забываем об этих «я» и «меня». Все «мое» уже не имеет значения, даже мои грехи, даже мое покаяние: Христос идет на Крест, чтобы уничтожить и саму память о грехах, и говорить на Страстной мы можем только об этом. Да, в другое время это, может быть, самые важные на свете вещи, но только не сейчас. Велики или малы грехи, положено ли начало покаянию, — что это значит в масштабе Голгофы? И уже на крестном ходе прежде радостного «Христос воскрес!» мы начинаем говорить о нас как об общине: «...и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить».

И вдруг оказывается, что все частное, личное в нашей христианской жизни было лишь ступенями к событиям Страстной и к Пасхе. И вся пасхальная служба наполнена не только светом Воскресения, не только ликованием будущего Царства, но и горячим, безусловным призывом к нам, закоренелым индивидуалистам: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем, рцем: “братие”, и ненавидящим нас простим вся Воскресением, и тако возопиим: Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

Виртуальное милосердие

Когда Христу задали вопрос: «Кто мой ближний?» — Он рассказал притчу о милосердном самарянине и тем самым дал ответ: ближний — это всякий, кто попадет тебе на пути, даже если он совершенно чужд тебе по вере, национальности и прочим внешним показателям. Ближний — это тот, с кем ты обошелся как с ближним. Все мы так или иначе бывали в ситуации, похожей на ту притчу: на нашем пути оказывался лежащий человек, скорее всего пьяный, но кто его знает на самом деле... И так не хочется наклоняться к этому неопрятному человеку и выяснять, что там с ним произошло.

То ли дело в Интернете! Мы теперь на дальние дистанции перемещаемся в основном по нему, и «впавшие в разбойники»,

а также в тяжелые болезни и несчастные случаи встречаются нам на его просторах. Давайте представим себе, как обсуждалась бы новость о пострадавшем на Иерихонской дороге и о милосердном самарянине в электронном пространстве.

А: Согласно сообщениям информационных агентств, на трассе Иерусалим — Иерихон произошло разбойное нападение. Пострадавшему оказана медицинская помощь.

Б: Никакая помощь не оказана! Я как раз проезжала мимо и видела, как этот несчастный лежал в луже собственной крови с оторванными руками и ногами. Целая толпа священников и левитов прошла себе спокойненько мимо, и пришлось мне лично пришивать ему оторванные конечности...

В: Девушка все наврала, как заявляют компетентные органы, никаких происшествий на дороге вообще не было. И уж конечно она не смогла бы сделать хирургическую операцию в полевых условиях!

Г: Компетентные органы лгут! Долой прогнивший режим!

Д: Производится сбор средств в пользу пострадавшего, которому необходима срочная операция, расчетный счет номер...

Е: Не верьте им, они мошенники, это подложные реквизиты!

Ж: Как низко пали нравы в наше время, когда пострадавшие так и валяются по всем дорогам и никто не желает остановиться, особенно это жадное и коррумпированное так называемое «священство», которое только и мечтает что о полном господстве...

З: Говорят, ему помог какой-то самарянин. Кто-нибудь знает имя этого человека?

И: Самаряне, убирайтесь в свою Самарию! Понаехали тут...

И так далее и тому подобное. Что общего у всех этих столь разных отзывов? Человеческое несчастье становится здесь поводом для выражения собственных мыслей и чувств, и, говоря о пострадавшем, каждый на самом деле говорит о наблевшем. Мимо не проходит, но ничем не помогает.

Нет, я совершенно не хочу сказать, что сетевое милосердие бесполезно. Можно привести множество примеров, как в блогах и на форумах люди собирали средства на помощь тем, кто в ней действительно нуждается, и находили тех, кто может им помочь. Без Интернета у них это просто не получилось бы. Но я сейчас немного о другом — о тех сторонах сетевого милосердия, которыми оно отличается от обычных форм благотворительности. А может, не так уж и сильно отличается, судите сами...

Сообщений о чужих бедах, пожалуй, слишком много. Мы не в состоянии не то чтобы помочь — отреагировать на каждое. И наше обычное действие — «перепостить», «вывести в топ». Так у нас появляется чувство пусть мимолетной, но сопричастности: мы не прошли мимо чужого горя, мы на него отреагировали.

Иногда, правда, бывает так, что лучше бы прошли мимо. Кто-то раскопал давний призыв срочно сдавать кровь для спасения жизни ребенка, с номером мобильного телефона, и этот номер общими усилиями «вывели в топ». Оказалось, то была чья-то дурацкая шутка: никакого ребенка не существовало, и телефон постороннего человека разрывался от звонков потенциальных доноров. И это еще самый безобидный вариант, ведь существуют и откровенные мошенники, которые изобретают жалостливую сказку или пользуются чужой историей, чтобы получать деньги на свой счет. Точно так же и в реальной жизни многие подают в метро нищенкам с детьми, хотя давно уже известно, что это профессионалки и что дети, часто украденные или беспризорные, накачаны сильнодействующими лекарствами, что их фактически убивают ради нищенского промысла. Единственное, что тут следует делать, — обращаться в милицию и требовать, чтобы она занялась подобной попрошайкой. И уж совершенно точно — не подавать таким ни копейки.

А бывает и так, что объявление вполне честное и ситуация описана верно, но человек просто поторопился начать сбор денежных средств. Скажем, один доктор посоветовал сделать операцию и деньги на нее спешно собрали, но впоследствии консилиум принял решение с операцией подождать. Деньги все равно пригодятся на лечение, но в другой раз, когда операция действительно будет неизбежной, собрать на нее средства этому человеку будет уже сложнее.

Или более печальный, но и более распространенный случай: некий фонд работает с тяжелобольными детьми. Детей, нуждающихся в операции, много — как выбрать, кому именно помочь? Сбирать на всех сразу — скорее всего, не соберешь ни на кого. Сбирать на одного — заведомо обрекать на гибель остальных. И если сбор средств адресный, то фонд, по сути, не имеет права передавать деньги, предназначенные для лечения одного ребенка, на лечение другого, даже если первому они уже становятся не нужны. Гораздо лучше в таких ситуациях деньги просто передавать этому фонду, пусть он сам решает, кому помогать, — разуме-

ется, такое возможно только при полном доверии его сотрудникам. Вот и получается, что прежде, чем собирать деньги, нужно все взвесить и рассчитать, на что они пойдут и с какой именно формулировкой.

Наконец, полно и таких объявлений, из которых вообще ничего нельзя понять. Чувства бьют через край, но никакой конкретики: сколько нужно, на что именно, кто собирает, как перечислять деньги. Или указан какой-то крайне неудобный способ, вроде платежей через сбербанк, куда почти никто идти не хочет. Прежде чем распространять такое, не худо бы связаться с организатором акции, все подготовить и заменить выплеск эмоций полезной информацией. А заодно, кстати, и убедиться, что перед тобой не мошенники и не слишком поторопившиеся люди.

Почему мы так неразборчивы в подобных случаях? Мы ведь на базаре рубля лишнего не потратим, обойдем все ряды, сравним цены; в магазине обязательно удостоверимся в подлинности товара... А тут — слишком маленькая трата, кинуть рублик-другой? Дело не только в этом. Далеко не всегда наша цель в таких ситуациях состоит в том, чтобы реально помочь нуждающемуся человеку, — часто мы просто избавляемся от собственного дискомфорта. Мы видим, что кому-то намного хуже, чем нам, мы проявляем сочувствие... да просто откупаемся от судьбы: вот кинул рублик, и вроде как несчастье минует тебя самого. И при таком подходе совершенно неважно, кому и зачем этот рублик достанется. А виртуальность лишь облегчает подобный подход: мы очень легко можем замечать лишь то, что нам нравится. Одно дело поднимать с земли бесчувственное и окровавленное тело, а другое — выводить в топ сообщение о том, что кому-то плохо. Собственный комфорт тут гарантирован.

Впрочем, я совершенно не хочу сказать, что «выводить в топ» — неправильно. Как раз в этом и сила сетевого общения: сам по себе человек часто просто не знает, кто перед ним и как ему можно помочь. Зато существует немало сообществ, которые специально занимаются проблемами определенного рода. В самом деле, если ты хочешь пожертвовать свое время, силы или деньги, к примеру, на помощь больным детям или бездомным, вовсе не обязательно искать их на улицах: можно пойти туда, где все уже нацелено на оказание именно этой помощи именно этим людям, где твое участие принесет максимальную отдачу. Интернет в ор-

ганизации такой работы просто незаменим, как незаменим он в сборе пожертвований.

В общем, вывод понятен: виртуальное милосердие есть лишь продолжение милосердия в реальной жизни. Интернет предоставляет множество шансов для того, чтобы сделать благотворительность намного эффективней, чтобы достигать до множества людей, которые иначе бы никогда не были вовлечены в эту работу. В то же время он дает немало возможностей и для злоупотреблений, и просто для самоуспокоения: ты как бы отреагировал, теперь живи спокойно. Наверное, если люди совсем перестанут отзываться на подобные сообщения, это будет совсем плохо, но и не всякая благонамеренная реакция хороша.

А по Сети я посоветовал бы пересылать только ту информацию, которая удовлетворяет двум требованиям: (1) первоисточник информации известен вам и вызывает ваше полное доверие (а не «у одного френда тут увидел и скопипастил»); (2) информация изложена в ясном и удобном виде, так что сразу ясны конкретные формы и пути помощи. Поступая иначе, мы рискуем кому-то навредить — ведь если объявления о помощи примелькаются, станут чем-то вроде коммерческой рекламы, люди просто перестанут реагировать на них. Кричать «помогите!» тоже нужно с умом.

Московское зарубежье

В свое время, в начале девяностых, почти целый год я состоял в приходе Московского патриархата в Амстердаме. С тех пор мне лишь однажды довелось там бывать, зато в европейских храмах Московского патриархата я бывал чаще (в основном в Англии). Когдаходишь на православное богослужение с улицы, где совсем другая традиция и вообще иная жизнь, когда слышишь знакомые молитвы на другом языке, ощущаешь сразу две вещи: насколько мы едины и насколько мы разные, православные всех стран. Нас объединяют наша вера и единая Чаша. Но у нас очень разный опыт жизни в современном мире, и московским православным действительно есть чему поучиться у зарубежных братьев. А после воссоединения РПЦ и большей части РПЦЗ то же самое без малейших оговорок можно сказать и о «зарубежниках».

Может быть, мои наблюдения слишком субъективны и нетипичны, но мне все же хочется ими поделиться.

Тот самый амстердамский приход возник, как и многие другие «московские» приходы в Европе, после Второй мировой войны: русская девушка, оказавшаяся на Западе, вышла замуж за местного парня, обратила его в православие... Он и стал со временем настоятелем этого прихода, ныне покойный о. Алексий Фохт, чистокровный голландец. А сегодня там настоятель — о. Сергей Овсянников из Петербурга, его зять. И это довольно типично: в такие храмы ходят, конечно, и те, кто недавно приехал из России и сопредельных стран, но основание было положено теми, кто поселился на Западе навсегда, а порой и вырос там, как владыка Антоний Сурожский. Притом этнический состав прихожан достаточно пестрый: тут могут быть и русские, и румыны, и сербы, но много будет и местных жителей, обязательно встретятся и экзотические чернокожие прихожане неведомого происхождения.

Этим, кстати, приходы РПЦ отличаются от греческих приходов Константинопольского патриархата, которые действительно совершенно греческие. Нет, оттуда никого не прогонят, но читать «Отче наш» на двух, а то и на трех языках вряд ли станут, и вообще всячески подчеркнут, что это именно греческая служба для греков и тех, кто пожелает познакомиться именно с их традицией.

А меня в амстердамской церкви голландец Ян-Петер расспрашивал с пристрастием: рассыпать в церкви траву на Троицу — это общеправославный обычай или чисто русский? Если общеправославный, он согласен после службы все это безропотно убирать. Ну а если русский, то зачем ему следовать в Голландии? Они не собираются становиться русскими.

Действительно, мы склонны отождествлять веру с национальной культурой. И сомнительная фраза «русский — значит православный» становится еще сомнительнее, когда ее переворачивают наоборот: «православный — значит русский (грек, румын, грузин и т. д.)». Но здесь так просто не получается. Православие для европейцев — скорее вера неразделенной Церкви первых веков, которая пришла на эти земли даже еще раньше, чем на Киевскую Русь. И сегодня они обращаются к этой вере потому, что видят в ней Истину, а не просто потому, что их прабабушки и прадедушки ходили именно в такой храм.

Значит, в этом храме практически нет случайных людей. Да, всегда кто-то может зайти из любопытства (и многие из них со временем останутся в Церкви), но здесь не будет торопливых захожан, которые по случаю вообще-то православные, а по жизни так не очень. Здесь для каждого вера — осознанный и неочевидный выбор, который может разделять его с родными и близкими. Знаю одного англичанина, принявшего православие, жена которого осталась протестанткой. И что? Не только Пасху, но и Рождество они теперь празднуют два раза, потому что он принадлежит к старостильному приходу.

Может быть, нашим зарубежным братьям проще бывает понять, что означают слова Христа о необходимости оставить все, даже самых близких людей, чтобы следовать за Ним. А еще они живут в мире, где православные праздники по старому стилю ни для кого не являются выходными, и приходится отпрашиваться с работы, копить отгулы, если хочешь сходить на службу... Иными словами, никто не собирается уважать тебя за твое православие.

То же самое относится и к общинной жизни. Приход предоставлен самому себе: никаких храмов ему не передадут, никакие бизнесмены и политики не явятся со своими дарами, никто не позовет на хлебосольные требы. Значит, за все отвечают только члены этого прихода. В начале девяностых тот амстердамский приход служил в небольшой часовне при католическом храме, которую арендовал. Долго собирали деньги и через несколько лет купили собственное здание, тоже совсем небольшое. А несколько лет назад заметно выросшему приходу удалось выкупить у католиков целый небольшой монастырь: там оставалось всего двое или трое монахов, его неизбежно пришлось бы закрывать, но владельцы не хотели, чтобы церковное здание было куплено для коммерческих нужд (в Голландии это бывает), и продали его православным с большой скидкой. Есть в таком «практическом экуменизме» что-то очень верное и настоящее...

Деньги на ремонт, на коммунальные платежи и на зарплату клирикам поступают не от избранных спонсоров и не от бесконечных крещений-венчаний-освящений, а от самого прихода: люди жертвуют, кто сколько может, и на приходском собрании утверждают бюджет. Речь, как правило, идет не просто о формальном голосовании «двадцатки», как во многих наших приходах, — да и в самом деле, что сможет контролировать эта двад-

цатка, если даже пожелает? Нет, здесь люди понимают, что за все платят только они сами, а значит, им и решать, как будут потрачены эти средства.

Дело, конечно, еще и в гражданской ответственности, к которой приучены налогоплательщики Запада. У нас в стране сейчас какое-то небывалое сочетание полного индивидуализма с тоской по сильной руке, которая каждому укажет, что делать. Такое же отношение нередко переносится и на церковную жизнь: с одной стороны, в храме на службе стоят практически не знакомые друг с другом люди, которым друг до друга нет никакого дела, а с другой — большим успехом пользуются всевозможные демагоги, разговаривающие с толпой индивидуалов приказным тоном. В настоящей общине неслучайных людей такое невозможно.

Вот еще совсем маленькая деталь... После воскресной литургии в амстердамском приходе всегда шли пить кофе — приглашались не только клир и «старожилы», а все, кто был в храме. Понятно, что в наших приходских храмах, где по воскресеньям только причастников бывает по несколько сотен, такое просто невозможно устроить, но как же нам порой не хватает простого общения вне богослужения!

Все это, конечно, совершенно не означает, что в московском зарубежье нет проблем. Есть и общечеловеческие, и «общеправославные», и собственные тоже есть. Например, такая обособленность может порождать своего рода местечковое восприятие мира, когда каждого члена общины рассматривают под лупой и слишком всерьез воспринимают собственные привычки и условности. Самым печальным событием такого рода стал раскол в британской Сурожской епархии, часть которой ушла в Константинопольский патриархат. Знаю, что некоторые люди перестали друг с другом общаться: одни остались с Москвой, другие перешли к Константинополю и разорвали общение. Вот так бывает: патриархи общаются, а миряне — нет.

Кстати, многие стереотипы тут не работают. В кембриджском приходе состоят в основном европейцы, и священник — англичанин, и служат по новому стилю. Но при этом приход остался в Московской патриархии, таково было принципиальное решение. А в Оксфорде теперь, к сожалению, нет того единого прихода, в который так радостно было приходить. Теперь их два.

Эти разделения тоже свидетельствуют о том, насколько в Церкви все серьезно. В Москве мы можем «ходить только в этот

храм и никогда не ходить в тот» и при этом не ощущать формального раскола, а в зарубежье это уже едва ли возможно.

Опыт наших зарубежных братьев напоминает нам, что настоящее христианство — не просто привычка, но осознанный выбор стать солью земли и светом миру, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Расцерковление

Мы все в кого-нибудь или во что-нибудь влюбляемся, и совершенно не обязательно эта влюбленность заставляет грезить о поцелуях. Влюбиться можно в искусство или в профессию. В определенном смысле человек, приходящий в Церковь, испытывает такую же влюбленность: все кажется ему не просто новым и хорошим, но ослепительным, неземным, Божественным. Каждая мелочь выглядит священной, в каждом встреченном человеке готов он видеть образ Божий во всей его полноте.

Без влюбленности, очарования жизнь, наверное, была бы слишком пресной, но есть у нее и своя обратная сторона — разочарование. Проходит время, и мы видим, что предмет любви вовсе не настолько безупречен, каким он нам когда-то казался, а радостное изумление сменяется привычкой и даже скукой. Хорошо, если мы готовы смириться с неприятными или просто ненужными нам чертами ради того света, который мы продолжаем видеть. Тогда влюбленность может вырасти в любовь, но так бывает не всегда.

А что бывает, когда проходит период первой влюбленности в Церковь, когда человек перестает восхищаться всем, что видит и слышит в храме? Мы знаем это по опыту любой влюбленности: непонимания, размолвки и конфликты возникают порой буквально на пустом месте, потому что слишком радужны наши ожидания, хочется немедленного и безусловного слияния душ раз и навсегда. А души — разные и несовершенные — сливаться не торопятся, да и в сложной ситуации вести себя правильно не всегда умеют.

В Церкви таких душ очень много, и с какой-то из них возможен острый конфликт или просто радикальное непонимание. Бывает, и нередко бывает, что в церковной среде человек сталки-

вается с настоящим хамством и карьеризмом, а то и с чем похуже: к примеру, с воровством или сексуальными домогательствами. И тогда он испытывает шок: как, и здесь то же самое? Да не нужна мне такая церковь!

Впрочем, не обязательно говорить о случаях скандальных, порой не менее травматичной оказывается для человека серая обыденность. Вроде бы повторяет каждый священник, в том числе и на исповеди, что он лично недостоин своего звания, а все равно мы, приходя в храм, склонны видеть в каждом из них «святого отца», как пишут неграмотные беллетристы. А когда встречаем такого же человека, как и мы сами, со всеми недостатками, можем очень сильно на него за это обидеться.

При этом нас вовсе не смущает, что не ангелами оказываются, к примеру, артисты или ученые — мы все равно испытываем уважение к их талантам и знаниям, прислушиваемся к их мнению. Наверное, дело в том, что искусство или наука не претендуют на высшую реальность: научные теории не говорят нам, как спасти свою бессмертную душу, а театральные спектакли обходятся без сослужения ангелов.

Но от Церкви мы ждем исчерпывающей полноты, и здесь порой сталкиваются две ошибки. С одной стороны, пришедший в Церковь человек жаждет получить все ответы на все вопросы, а с другой — батюшка или кто-то другой с готовностью ответы эти дает, ставя собственные вкусы и пристрастия на место вечных ценностей. Классический случай — когда выражение «как батюшка благословит» заменяет собой и Евангелие, и голос собственной совести. Конечно, когда выяснится, что батюшка, да и вообще любой человек тоже может ошибаться, а его взгляды и оценки не во всем совпадают с твоими, ты встанешь перед выбором: либо «смиряться», подстраивая себя под чей-то чужой стандарт, либо уходить прочь, чтобы всем потом рассказывать: «Ну да, знаю я эту церковь, это совершенно не для меня». Есть, правда, еще третий путь — циничное лицемерие, но это уж совсем скверно.

У меня есть один приятель, с которым произошло нечто подобное. В 90-е годы он уверовал во Христа совсем молодым студентом, стал членом общины, у которой были ответы буквально на все вопросы, православная жизнь представлялась членам общины законченной моделью. Если ходишь в церковь, значит, ты за самодержавную монархию, значит, считаешь, что мир был

сотворен за шесть календарных суток, и не может быть иначе. Мой приятель был историком, и на университетских лекциях его учили анализировать источники, понимать всю сложность и глубину разнообразных исторических процессов. А в общине все было просто: вот список духовных книг, а все остальное — от лукавого.

Начался его первый Великий пост, он проводил его строго по уставу почти до самого конца, а в Великий четверг причастился. Это было суровое испытание, и он убедился, что выдержать его может, но... он все же не был готов полностью согласиться с этой законченной черно-белой картинкой, которая называлась «истинное православие». Значит, решил он, православие — совершенно не его путь. Придя домой после причастия, он съел хороший мясной обед и зажил обыкновенной нецерковной жизнью.

Мы с ним много спорили о том, насколько казарменно-единообразной должна быть православная жизнь: я доказывал, что в Церкви возможны очень разные взгляды и образы жизни, но он убеждал меня, что любое отступление от той самой «чистоты», которой он вдоволь хлебнул, будет уже непозволительным компромиссом. Кстати, недавно приятель защитил хорошую историческую диссертацию по одной из книг Нового Завета, только теперь он говорит об этом тексте на языке современной науки, а не Святых Отцов.

Впрочем, защитная реакция на фундаментализм — это только часть проблемы расцерковления. Еще один мой приятель вырос в православной семье: с самого рождения все посты и праздники, молитвы и богослужения были для детей чем-то само собой разумеющимся. Мама могла не приготовить ужин, но всенощную под праздник она пропустить не могла. Приятель знал, что их семья отличается от обычной, что это хорошо и правильно. А потом он поступил в университет, и оказалось, что вокруг него множество парней и девушек, которые совершенно не заморачиваются всеми этими правилами, живут свободно и вполне счастливо, и при этом они ничуть не хуже православных. А главное, они не ходят на исповедь, с которой у него были связаны довольно неприятные воспоминания подростковых лет. И тогда приятель тоже перестал это делать. В храм иногда заходит, с большим уважением относится к православию, но бережет свою новообретенную свободу и никогда не подходит к священнику.

Очевидно, он ведь такой не один: совсем не редкость, когда человек какое-то время воцерковлялся, то есть все больше молился, все строже постился, все чаще причащался, даже вырос в верующей семье — а потом вдруг решил, что не больно-то и хотелось. Человек в Бога верит, православие уважает, но от Церкви держится на расстоянии. Те, кто остаются в Церкви, часто говорят вслед ушедшим что-то вроде «ну и пожалуйста!». Дескать, всему виной их собственная лень и непостоянство, уходят только те, кто по-настоящему и не приходил. Без лени и непостоянства тоже, конечно, не обходится, но есть тут и некая общая проблема, и о ней у нас, к сожалению, совсем не принято говорить.

Уходят в основном те, кто не нашел в Церкви своего места. Воцерковление у нас часто понимается как изменение внешнего поведения по строго определенному шаблону: вот так молись, вот так постись, вот так передавай свечки, вот на такие благочестивые темы разговаривай вот таким «смирненным» голосом. Проблемы духовной жизни сводятся к перебору бесконечных «можно» и «нельзя», причем чем больше «нельзя», тем выше «духовность». Но жизнь не укладывается ни в какие рамки, и в острых, кризисных ситуациях сжатая внешними приличиями пружина стремительно распрямляется, снося все на своем пути.

А кто-то, не дожидаясь кризиса, вдруг осознает, что утрачивает свою индивидуальность, превращаясь в безликое «духовное чадо» с расхожими цитатами вместо мыслей и чувств, — и предпочитает снова стать неповторимым Васей, уникальной Машей. Да просто задумывается: «Ну молюсь я, ну пощусь, ну сначала вроде как было интересно... теперь наступила усталость, и совершенно непонятно, зачем продолжать, если все равно ангелом я не стал, да и вокруг меня тоже сплошь не ангелы. Не лучше ли тогда попить пиво или в бассейн ходить вместо этих богослужений?» А ведь такая позиция, пожалуй — это честный отказ от лицемерия в самом прямом смысле этого слова, от того, чтобы «примерять чужое лицо», пусть даже самое благочестивое и правильное.

Нередко человек, приходя в Церковь, охотно принимает на себя некий список «стандартных грехов и добродетелей», с грехами начинает известными способами «бороться», добродетели же «совершенствовать», — но все это совершенно не про него, а про какого-то абстрактного христианина. Но рецепт «больше молиться, строже поститься» совершенно не работает, а только

изнуряет человека. Благочестие — мощный инструмент в решении духовных проблем, но вовсе не волшебная палочка. Любой инструмент надо еще уметь применять — и вот девушка, которой чтение акафистов так и не принесло желанного жениха, или парень, которого земные поклоны не избавили от блудных помыслов, отказываются от этих занятий как бесполезных.

Надо честно сказать: к такой «стандартизации» склонны и те, кто определяет образ жизни наших приходов и монастырей, то есть клирики и приходской актив. Их тоже можно понять: психологического образования у них нет, да и житейский опыт есть не у всех, вот и получается, что каждого приходящего принимают по некой общей мерке. Обычно приходская жизнь ориентирована на определенный психологический тип: от человека ждут больше эмоций, чем рассуждений, больше терпения, чем дерзания, и т. д.

Один провинциальный священник с грустью заметил, что типичные его прихожане — это немолодые женщины с неустроенной семейной жизнью. Да, понятно, что именно у них есть время и силы для церковной жизни, и потребность в душевном тепле тоже. Но не в том ли еще причина, что именно такие женщины *удобны* для нынешних наших приходов? Они во всем будут слушаться батюшку, опекать его, готовить еду и мыть полы в храме... Дело даже не в том, что данный конкретный священник настроился именно на таких прихожанок: скорее, вся приходская жизнь уже ориентирована именно на них. А вот молодому мужчине трудно бывает найти себе место в такой среде, он просто иначе устроен.

Хотя дело, конечно, не в возрастной и половой принадлежности, все люди разные. Кому-то бывает жизненно необходима активная деятельность, такой человек просто увянет, если на приходе ему не найдется дела по душе и по способностям, а кто-то, наоборот, хочет, чтобы его оставили в покое и не приставали к нему с бесконечными поручениями. Один требует мистических глубин, другой — социального служения; для одного важнее всего верность традиции, другой ищет адекватный ответ на вызовы современности. И так буквально во всем, и если человек не найдет в приходе своего места, он скорее всего уйдет из такого прихода.

Приходская жизнь — штука вообще очень непростая, тут под каждого не подстроишься. Зачастую вообще все силы уходят на

ремонт храма и организацию богослужения. Нужно устроить то и заплатить за это, братья и сестры, давайте напряжемся... И человек вдруг начинает ощущать, что не суббота для него, а он для субботы. Может быть, он и неправ, просто сейчас устали все, забегавшемуся приходскому активу не до его высоких духовных поисков. Но он в таком случае может сразу отбросить и саму субботу, сделать вывод обо всей Церкви: «Чего я искал, того у них нет».

А может быть, и вправду ему просто не довелось встретить то... вернее, Того, ради встречи с Кем и приходят в храм? Часто можно услышать: расцерковившиеся на самом деле искали чего-то своего, второстепенного, потому и ушли. Иначе говоря, в храме они не встретили Христа. Но ведь так мы просто переводим разговор в область мистического опыта, очень личного, таинственного, невыразимого. Вот спросить человека, выходящего из храма: ты встретил Его там сегодня? Каждый раз встречаешь или только иногда? Встречаешь только там или в других местах тоже? На эти вопросы невозможно будет дать осмысленный ответ.

Так что зачастую разговор о «невстреченном Христе» — это просто попытка рационализации: почему это Вася и Петя вместе ходили в храм, но Вася остался, а Петя ушел? Значит, Вася Его встретил, а Петя — нет. В христианстве вообще очень часто привлекают сверхценности для безусловного объяснения простых вещей; доводилось слышать, как человек объяснял свой переход на другую работу: «Такова была воля Божья обо мне». Он мог бы назвать много уважительных причин, по которым он сделал этот выбор, но среди человеческих оценок и решений все сложно и спорно, проще сразу указать на некую сверхценность, абсолютную и неоспоримую, и так закрыть вопрос.

Но если все-таки попробовать разобраться... Вот приходит в церковь некий человек, скорее душевный еще, нежели духовный, и ищет он успокоения своей душе. Церковь предлагает ему множество самых разных способов этого достичь. Кому-то нужно избавиться от чувства вины, вот ему сразу на исповедь; кто-то должен ощутить требовательную родительскую любовь — ему подойдет безусловное послушание духовному отцу; кто-то страдает от перфекционизма — такой человек может заняться аскетикой и на практике преодолевать свое несовершенство. Он может встретить Христа или не встретить Его на этом своем пути, но тут уже личный опыт, тут мистика, и ничего определенного мы про это сказать не можем. Но вот нашел ли человек успокоение,

которого искал, или для него церковная жизнь стала, напротив, источником неврозов — об этом обычно можно судить по его поведению.

Сознательный приход в Церковь — почти всегда шок. Оказывается, меня любят, меня прощают, меня принимают, меня... Да, почти исключительно все про «меня». Про «Него» и про стоящего рядом «тебя» человек тоже приучится помнить, но не сразу. Сначала он для себя ищет жизненно важного, он кричал от боли — и вот ему стало легче, жизнь обрела смысл и цель. Не случайно было сказано, что не здоровые имеют нужду во врачах, но больные. Люди с отменным душевным здоровьем и благоустроенной жизнью редко бывают глубоко религиозными натурами.

Но первое радостное изумление быстро проходит, а привычки жить по-новому, каких-то прочных навыков и умений еще нет. Старые сомнения возвращаются: действительно ли меня любят? Как мне тут быть с моим несовершенством? Простится ли мне? Да, всегда можно ответить: люди несовершенны, в том числе и в Церкви, они могут быть злыми и черствыми, но Бог любит, прощает, принимает. Все так. Но, во-первых, о Боге мы обычно судим по словам и поступкам других людей, особенно если сами не тверды в вере, — опыт личного богопознания у нас все-таки очень и очень невелик. А во-вторых, если Бог любит и принимает, а люди не очень — так не проще ли с Богом напрямую, без других людей? Многие такой выбор и делают.

Если уж встречаться со Христом, то почему обязательно в храме? — рассуждает такой человек. И ведь нельзя сказать, что он совершенно неправ. Мария Египетская бежала в пустыню и провела там долгие годы наедине со Христом, не посещая храмов, не общаясь с другими христианами, и мы чтим ее как величайшую святую. Все-таки Церковь — это встреча не только с Богом, но еще и с ближним, а главное, с самим собой. И от того, как проходят эти встречи, и зависит и во- и расцерковление.

Одному человеку удастся найти свои механизмы восстановления душевного равновесия *внутри* церковной жизни, а другому везет меньше. И как только ему на глаза попадется нечто новое, не менее увлекательное, он с большой долей вероятности уйдет. Или уйдет, когда осознает, что исцеление не состоялось, затраченные усилия не оправдываются.

Но, впрочем, почему обязательно брать крайности? Не такой уж и редкий случай, когда человек приходит в Церковь в момент

кризиса, молится и постится иступленно, ищет лекарство для своей души — и находит его. Ему становится легче, и лекарство он принимает уже не в тех дозах, что прежде. Его церковность становится некоей органичной частью жизни, а не заменой чуть ли не всего остального, как было когда-то. Это расцерковление или обретение долгожданной гармонии? Как посмотреть.

Давно уже было замечено, что, когда человек приходит в Церковь, ему очень часто начинают подробнейшим образом рассказывать... о самой Церкви. Вот такое вероучение, вот такие обряды, такие правила поведения, такой язык, и все это он должен детально изучать и неукоснительно соблюдать. Да, это нужно, это интересно, и для многих изучение этих подробностей становится основным смыслом всей последующей жизни. Но явно не для всех. Людям другого склада это быстро надоедает, особенно если подробности становятся самоцелью. Как же я встречу тут Христа, удивляется он, если мне предлагают только встречу с Типиконом? Даже не так важно, что именно встанет на первое место: уставное богослужение, религиозная философия, история Церкви, иконопись, геополитика, сладостные проповеди или же низкая проза приходской жизни; будет ли приход консервативным или либеральным, будет ли настоятель ласковым или строгим, будут ли на приходе молодые интеллектуалы или малограмотные пенсионерки, — не в том суть.

Человек, приходящий в Церковь, ждет, что она покажет ему не только себя саму, но и поможет взглянуть новыми глазами на нечто более важное и сущностное: на собственную душу, на ближнего и, наконец, на Бога. И если такая встреча состоялась, то она действительно не может надоесть.

Тем, кто приходит в Церковь, стоит помнить одно: это еще не Царствие Небесное, а сообщество грешников, которые вместе ищут пути в это Царствие и ведут себя порой очень недостойно и неумело. Не надо бояться сомнений и разочарований — они становятся поводом задуматься, что ищешь в Церкви именно ты, чего ты хочешь и ждешь от нее. И может быть, для кого-то внешний отход от церковной жизни — это всего лишь отказ от заимствованной формы, лишенной глубокого содержания. Поиски своего места в Церкви могут быть очень непростыми, но кто ищет, обязательно найдет. Нам это в Евангелии обещали.

А тем, кто уже находится в Церкви и принимает пришедших, есть о чем подумать. Эта краткая статья не охватила, да и не мог-

ла охватить всех сторон этой большой и сложной проблемы расцерковления. Но надо хотя бы задуматься о существовании этой проблемы. Надо честно признать: на самом деле люди в храме сами часто толком не знают, что делать им с новопришедшими. Без них как-то спокойнее было... У нас нет даже элементарной статистики: сколько человек состоит в каком приходе, сколько причащалось в то или это воскресенье (хотя по отдельным храмам такой подсчет ведется, но взять общие данные просто негде). Сегодня все более популярны слова о миссионерстве, но нам еще только предстоит разобраться, куда именно мы приводим людей своей проповедью и что мы потом с ними собираемся делать.

Может быть, проповедь должна не только расписывать то прекрасное, что людям встретится в Церкви, но и честно предупреждать их о несовершенстве нынешнего церковного организма, о самых характерных для него настроениях. А может быть, миссионер или катехизатор должен стремиться к тому, чтобы не просто доводить людей до церковного порога, но сопровождать их в первые месяцы их церковной жизни (конечно, это колоссальное увеличение нагрузки и ответственности). Может быть, потребуется и некая перестройка приходской жизни, чтобы не только «старожилы» чувствовали себя комфортно.

Но для начала давайте просто начнем спокойно и взвешенно обсуждать эту проблему. Ценой молчания могут оказаться души людей.

Энтропия смысла

Почему у нас давно уже на прилавках стоят всякие «йогуртеры» и «йогуртные продукты»? Потому что йогуртом может называться только кисломолочный продукт, каждый грамм которого содержит не менее 10 в 7-й степени колониеобразующих единиц чистых культур *Lactobacillus bulgaricus* и *Streptococcus thermophilus*. И это государственный закон — точнее, «Технический регламент на молоко и молочную продукцию». Хочешь производить нечто вкусенькое с другими бактериями или с теми же самыми, но в меньших количествах, — пожалуйста. Но называть его йогуртом ты уже не имеешь права.

А в 2008 году Госдума приняла новую версию регламента, которая среди прочего запрещает называть молоком то, что не является им на 100 %. Разведенное водой сухое молоко теперь надлежит именовать «молочным напитком». Производители таких «напитков», конечно, очень обеспокоились и собрались внести в Госдуму новый законопроект, который дал бы им право именовать такой продукт «молоком восстановленным питьевым пастеризованным». То есть все же пусть это будет молоко, хоть и не совсем натуральное. Ведь что характерно: потребители не так хорошо покупают «напиток», как покупали прежде тот же самый продукт под названием «молоко». И теперь их уже вряд ли обманешь...

Это забота о правах потребителя, и это совершенно правильно. В самом деле, если молоком у нас становится разведенный молочный порошок или молоко разбавленное, то можно пойти и дальше. Почему бы тогда не повесить этикетку «молоко» на жидкость, содержащую каплю настоящего молока на бочку или просто налитую в тару из-под молока, или вообще на нечто твердое и несъедобное, но зато белого цвета... Если молоком можно назвать все, что угодно, тогда ничто уже нельзя назвать молоком и слово полностью утратило свой смысл.

Но мы потребляем не только продукты — точно так же мы являемся потребителями и производителями смыслов. Они не защищены и не могут быть защищены государственными законами. Впрочем, в нашей стране существует богатый опыт подобного госрегулирования смыслов, только ни к чему хорошему он не привел. Но ведь есть еще и здравый смысл!

Взять, к примеру, слово «брак» — мы все знаем, что это такое. Но мы периодически слышим прямо противоположные, казалось бы, предложения расширить смысл этого понятия: узаконить многоженство, как в традиционном исламе, или узаконить гомосексуальные браки, как в либеральной Северной Европе. На самом деле эти предложения объединяет одно: это такие же «молочные напитки», которые хотят называться «молоком».

Государство уже давно не контролирует, кто из его граждан с кем спит и каким именно образом. Кто хочет, вступает в гомосексуальную связь или заводит себе несколько жен сразу, и не дело государства вмешиваться в интимную жизнь своих граждан, пока они обходятся без насилия и вовлечения в интимную связь несовершеннолетних. Взрослые пусть разбираются сами.

В чем же тогда смысл этих новых предложений? Только в том, чтобы впредь эти союзы назывались словом «брак». Иного практического смысла тут не видно, ведь даже вопросы завещания или совместного владения имуществом можно решать обычными юридическими способами, благо нотариальные конторы работают повсеместно. И кстати, многие вполне традиционные пары обходятся без штампа в паспорте годами и десятилетиями.

Но если союз одного мужчины и нескольких женщин или двух мужчин и вообще произвольного количества разно- или однополых людей мы будем называть «браком», то из этого будет следовать много далекоидущих последствий. Такие семьи смогут беспрепятственно усыновлять детей и воспитывать их в своем духе, да и на Церковь будет оказываться постоянное давление: пора уже венчать такие пары... то есть коллективы! А потом однажды окажется, что воспевать любовь двоих разнополых — это вообще не политкорректно, что шекспировскую Джульетту надо срочно переделать во второго Ромео или по крайней мере добавить к ней парочку других Джульетт... Я утрирую? То же самое сказали бы добропорядочные европейцы тридцать лет назад, если бы им сообщили про государственные регистрации и церковные благословения однополых «браков». А сегодня это уже норма, хоть и не везде.

Впрочем, почему ограничивать свою фантазию? А кто-то, может быть, захочет зарегистрировать «брак» с воображаемым другом или с домашним питомцем — почему бы не легализовать зоофилию под тщательным присмотром ветеринаров? Я не поручусь, что еще при нашей жизни политкорректность не возьмет и этот новый рубеж. Так что «браком» будут называть союз любого количества неопределенных существ с произвольной целью.

То есть «браком» вообще уже ничего нельзя будет называть. Слово это станет еще одним словцом-паразитом: «мы как бы вступили типа в брак». И поэтому я уверен, что в пространстве нашего языка и нашей культуры слово «брак» должно сохраняться исключительно для союза одного мужчины и одной женщины. Если в исламской традиции есть иное представление о браке — это уже их дело, и желающие могут принять ислам и следовать шариату. Но тогда придется нести свои издержки...

Н. Гумилев писал о чем-то подобном: «...и, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова». Речь у него, пожалуй, идет не о вышедших из употребления архаизмах, а скорее о сло-

вах, утративших смысл, — словах, которыми некогда «останавливали солнце». Да и не в одних словах дело. На самом деле такая энтропия смыслов происходит во многих областях жизни.

Само представление о христианстве у нас порой размывается настолько активно, что «христианство» оказывается совместимо буквально со всем подряд, — разве что кроме Евангелия, да и то, если принимать его всерьез. Причем идет этот процесс одновременно во многих направлениях, как и положено энтропии. Для кого-то христианство становится средством патриотического воспитания и сбережения национальной идентичности, а для кого-то, наоборот, складом либеральных идей и двигателем глобального прогресса, и т. д. и т. п., — всех идолов не перечесать. В результате такое удобное, выхолощенное христианство отлично сочетается с самыми различными политическими и философскими течениями, а также с другими религиями, вплоть до откровенного шаманизма, как у народных целительниц. Они же все православные, все с иконками.

Но это — для простого народа, а для людей образованных существует более рафинированный путь. Возникает, скажем, некий межрелигиозный диалог, и даже не так важно, кто именно в нем участвует и от имени каких религий говорит. Но представители обеих сторон стараются подать свою религию в таком виде, что обе они вдруг оказываются отлично совместимыми, да вообще едва ли чем-то отличаются друг от друга, а заодно и от прочих убеждений всех приличных людей. Давайте, мол, оставим в стороне вопрос, был ли Иисус Мессией, Спасителем, Сыном Божьим, — зато он был великим проповедником и учителем, значение его нравственного примера непреходяще, и т. д. и т. п. Такого «Иисуса» очень легко будет поставить в один ряд с Соократом, Буддой, Кетцалькоатлем, и вообще с кем угодно — только вот Евангелие уже не про него. Зато «диалог религий» принимает форму танца недомолвок, конкурса вежливых формулировок, строительства никому не нужного картонного домика. Не проще ли сказать честно: мы верим в то-то и то-то, а вы в это не верите, но мы постараемся хорошо относиться друг ко другу, внимательно друг друга выслушивать и вместе делать нечто доброе (заниматься благотворительностью, например)? Вот это и будет подлинный, а не фальшивый экуменизм.

Не страшно быть иным, не совпадающим с ожиданиями большинства. Христос назвал своих учеников «солью земли» — так

ведь соль сильно отличается от всего, чему она придает соленость. И если она перестанет быть солью... Все, наверное, помнят, что с ней будет.

Впрочем, есть, конечно, и другая крайность, когда в борьбе с энтропией смыслов начинают эти смыслы абсолютизировать, возводить на пьедестал в виде словесных формулировок и поклоняться им вместо Бога. Это «самое-самое истинное» христианство для немногих избранных знатоков, и слова здесь оказываются мертвыми пчелами, которых заботливый энтомолог приколот булавками к листу картона и выставил у себя в кабинете в образцовом порядке. Пусть они и не пахнут дурно, как в опустелом улье, но меда они тоже не собирают. В кабинете под стеклом их можно сохранить, но оживить — нельзя.

Вот, собственно, и критерий: собирают ли наши слова, наши смыслы чистый цветочный мед, находят ли в окружающем нас мире прекрасные цветы и возвращаются ли с добычей в наш улей. Если да, то они — живые. И никакой внешний контроль тут не поможет, тут все только от нас зависит.

СПОРЫ

Время кирпичей и время вопросов

В свое время у журналистов был такой избитый прием — цитировать библейскую книгу Екклесиаста: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни». Разумеется, смысл был такой: настало наконец время собирания камней, и вот надо нам всем вместе, дружно... Но у Екклесиаста далеко не только про камни — там еще про «время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное», и даже «время обнимать, и время уклоняться от объятий», и что особенно нам сегодня важно, «время молчать, и время говорить».

Около десяти лет назад я беседовал с одним священником, который руководил миссионерским отделом в одной из сибирских епархий. Тогда еще о миссионерстве вспоминали редко, далеко не в каждой епархии был такой отдел. И вот священник сказал мне, что они подготовили новую редакцию молитвослова на языке коренного населения (там ведь живут далеко не только русские). Предыдущее издание выходило еще до 1917 года, да и было очень несовершенным, так что перевод пришлось править. И теперь он не

мог этот перевод издать. Священник сказал мне примерно так: «Если я приду к благотворителям и скажу, что мне нужна машина кирпичей для строительства часовни, она у меня завтра будет. А когда я говорю, что нужна бумага для печати вот этого молитвослова, они не понимают, что это и зачем». Я так и не знаю, удалось ли миссионерам издать книгу, больше мы с этим священником не встречались, но проблема эта для сибирских миссионеров совершенно типичная: они зачастую действуют на собственный страх и риск, почти без средств. Им, конечно, никто не препятствует... но и мало кто помогает. Даже мало кто знает о них.

В 1988 году, когда советская власть окончательно прекратила бороться с религией, для нашей Церкви действительно настало время собирать камни в самом буквальном смысле. Чтобы вообще была какая-то церковная жизнь, предстояло восстановить множество храмов и монастырей, это было задачей трудной, но понятной и по-своему привычной. Но двадцать лет спустя — и это, кажется, осознали мы все, — именно это слышится и в выступлениях Святейшего Патриарха, в которых на первое место выходит нечто другое. Наличие храма и богослужения в нем само по себе еще не есть гарантия духовного возрождения, так что наступает время говорить, а значит, время задавать вопросы и время отвечать на них.

И речь идет далеко не только о миссионерстве, хотя и о нем тоже. Опять-таки все, наверное, согласятся, что в земной Церкви собраны люди несовершенные, подверженные грехам, а порой и серьезным порокам. И значит, происходить может всякое. И порой действительно происходит: когда люди в ожидании конца света зарылись в нору вместе со своими детьми, этого нельзя было не заметить, о них заговорили. Или другой случай: девочка написала письмо президенту о том, как жестоко с ней обращались в приюте при одном монастыре (надо сказать, известном своими прямо-таки сектантскими взглядами и до того), письмо попало в прессу. Мы не можем сейчас ничего сказать достоверно, рассказала ли та девочка жуткую правду, или она, как свойственно подросткам, сильно сгустила краски, или же вообще вся эта история выдумана от начала и до конца.

В том-то и проблема, что мы ничего на самом деле не знаем, внутрицерковная жизнь непрозрачна даже для самой церковной иерархии, не говоря уже о простых прихожанах. Приезжает епископ на приход или в монастырь, его торжественно принимают, показывают парадную сторону приходской или мона-

стырской жизни, с почетом провожают и шлют затем в епархию стандартные отчеты. А что там происходит в повседневности? Если случится ЧП или возникнет какой-нибудь скандал, который осветят светские СМИ, да еще в свойственной многим из них глумливой манере, — вот тогда мы действительно что-то узнаем. Не раньше.

Да и без скандалов, в повседневной жизни, мы узнаем количество людей, посетивших храмы на Пасху или Рождество, по милицеским сводкам, но ни один церковный источник не скажет нам, сколько людей бывает в этой епархии в храме в рядовое воскресенье. А ведь одна эта объективная цифра могла бы многое сказать нам о текущем состоянии дел. Стало бы видно, например, где нам действительно нужны миссионеры, и срочно нужны. Впрочем, есть потребность не только во внешнем миссионерстве (в той же Сибири, не говоря уже о других странах), но и во внутреннем тоже. Слишком много таких людей, которые к Церкви так или иначе принадлежат, но жить стараются не по Евангелию, а по каким-то второсортным брошюрам, откуда и проистекают потом настоящие беды, вроде бегства под землю. Но пока гром в светских СМИ не грянул, мы как-то стесняемся такое замечать.

Впрочем, осторожность в обсуждении внутрицерковных дел хорошо понятна. Мы все помним время гласности, когда о недостатках советской жизни сначала стали потихоньку говорить, а потом и кричать на всех углах. Кульминацией стали съезды народных депутатов, превратившиеся в митинги: вот здесь кошмар, вот тут ужас, там вообще всему конец... Конец и настал всему советскому довольно скоро. Бегать и повсюду кричать о проблеме — еще совершенно не значит делать что-то для ее решения. И нет, наверное, худшего сценария для Церкви, чем превращение соборов или епархиальных собраний в такие мини-съезды.

Но все же первый шаг для решения любой проблемы — это осознать ее наличие, начать осторожное и конструктивное обсуждение ее возможных причин и возможных путей решения. Такой подход может ударить по авторитету Церкви? Возможно, для кого-то и ударит. А остальным, наоборот, покажет, что Церковь — не надменное сборище «святых отцов», которые почитают самих себя совершенными, а всех остальных только поучают (именно так ее зачастую изображают в светских СМИ), что цер-

ковные люди вполне вменяемы и адекватны, что они сами осознают свои неурядицы, а с некоторыми даже успешно справляются.

Причем происходить это должно не в связи с каким-то ЧП, а по мере необходимости. Как именно, где именно может проходить подобное обсуждение, я не берусь сейчас сказать. У нас, к сожалению, нет ни бумажной, ни электронной прессы, которая могла бы стать дискуссионной площадкой для спокойного и взвешенного разговора о внутрицерковной жизни. Есть официальные издания, есть журналы миссионерско-просветительской направленности, есть приходские и епархиальные листки. Есть, наконец, церковно-политическая агитация «за наших», а все больше «против ненаших», обычно очень невысокого уровня. Есть блоги и форумы, совершенно неформальные площадки, но это все-таки очень узкий круг.

Церковь, пожалуй, единственная часть нашего современного общества, в которой существуют настоящие сословия, — четко ограниченные группы людей со своими особыми правами и обязанностями, а значит, со своими интересами и своими проблемами. Отстаивать сословные интересы перед государством и светским обществом у клириков в целом получается (что порой тоже вызывает неудовольствие светских СМИ, но ведь это естественно). Но должны быть и способы мирно решать возникшие разногласия и устранять возможные перекосы внутри самого сословия, как писал и апостол Павел: «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор. 6:1–2).

Видите, он не говорит: смиряйтесь, делайте вид, что все у вас в порядке, чтобы внешние ничего не узнали. Он требует, чтобы споры среди христиан получали решение от «святых», то есть от самих христиан, чтобы не было никакой необходимости прибегать к «суду нечестивых». Само существование споров вполне нормально, мы живем в падшем мире и нуждаемся порой в защите или восстановлении справедливости.

И поэтому нам пора начинать честно, спокойно и конструктивно отвечать друг другу на неудобные вопросы — и уж тем более на те вопросы, которые ставит перед нами жизнь. Не прятаться от них ни за кирпичными стенами, ни за машинами с добытым кирпичом.

Люди и фразы

Когда на экраны вышел фильм Павла Лунгина «Царь», стало очевидно: это не просто очередной блокбастер. Это взгляд на нашу историю, где с такой пугающей точностью повторяются некоторые вещи: и самооговоры обвиняемых, и рухнувший купол с крестом — это какие годы, 1560-е или 1930-е? Возможно, какие-то исторические детали изображены в фильме неточно, а оценки очень субъективны, так что с ними многие не согласны. Но фильм прежде всего и не про историю. Он — про святость (и вернее было бы назвать его «Митрополит»), про отношения Бога и человека. Да, пожалуй, ничего другого в фильме просто нет — он о том, как два человека, Иоанн и Филипп, «ходят пред Богом», каждый своим путем. Все остальное — только иллюстрация.

Иоанн постоянно молится, цитирует Писание, рассуждает о Божественном. Кстати, здесь историческая достоверность вполне соблюдена, ведь до нас дошли подлинные слова царя Иоанна — прежде всего его переписка с Курбским. Мы знаем не только о том, что он делал, но и о том, как сам свои поступки объяснял. И в его письмах мы видим действительно глубоко религиозного человека, у которого всякое слово подтверждено от Писания, всякое дело творится по воле Божьей. Правда, не всем достаются одни и те же цитаты: говоря о себе, он упоминает о милосердии Божьем, говоря о других, — настаивает на послушании, обличает и грозит вечными муками. В этом ведь особое удовольствие: самому покаяться, а врагов, подлинных или мнимых, обречь на смерть без покаяния и погребения, чтобы и там, за гробом, они оказались перед ним виновны.

А Филипп лишен всякой демонстративной религиозности — он просто живет своей верой. Иногда, очень сдержанно и скупно, реагирует на то, что происходит перед его глазами. Если Иоанн постоянно говорит о Боге, потому что не умеет иначе, то Филипп поминает Его лишь тогда, когда не может смолчать.

Люди, подобные Иоанну, существовали всегда, немало их и сегодня, пусть и редко им достается такая абсолютная власть. Христианский словарь в их устах порой становится своего рода новоязом, как в романе Оруэлла. В антиутопии английского писателя пытками ведало министерство любви и гражданам объясняли, что «мир — это война». Точно так же и человек, овла-

девший православным (или любым другим) лексиконом, очень легко может научиться манипулировать людьми с помощью красивых и правильных слов: «послушание», «каноничность», «духовность»... Только все они будут значить в каждый конкретный момент времени ровно то, что удобно самому говорящему.

Эта проблема видна еще и в Ветхом Завете. Священник Александр Ельчанинов размышлял некогда над тем местом книги Иова, где Господь оправдывает дерзкие, почти богохульные речи самого Иова, но порицает его друзей, которые говорили вроде бы все правильно: «Иов — это честная, правдивая натура, ищущая “дела”, а не слов, а те — люди религиозной фразы, шаблона, традиционных формул. Иов вопит о “неправде”, о непонятности страданий, о благополучии грешников, о безвинных муках — и не только своих; а его друзья отвечают ему общими и лживыми фразами, для них все ясно, и, установив порядок в словах и мыслях, они считают, что установили гармонию и в мире».

Вот в чем главная опасность такого подхода: на самом деле ничего не меняя, люди пытаются повесить на все удобные ярлыки. Проблемы на приходе? Никаких проблем нет, это просто у кого-то смирения не хватает. Возник сложный вопрос? Читай отцов и обязательно найдешь ответ. В общественной жизни страны не все благополучно? Вот когда у нас будет самодержавная монархия, то все трудности сами собой исчезнут. И так буквально во всем: вместо решения проблем предлагается их переименование.

На самом деле это ведь тоже форма эскапизма, ухода от неуютной реальности. Человек моделирует некую комфортную для него словесную модель, а потом всячески «впихивает» реальность в эту придуманную схему. Это часто можно увидеть в политических и идеологических спорах: разница между «шпионом» и «разведчиком», «мятежником» и «повстанцем» чисто оценочная, сам выбор слов задает некую систему координат. Но в религии такое действие оказывается особенно мощным, потому что любая религия говорит о вещах незримых и абсолютных. Одно дело объявить мятежника повстанцем или наоборот, а уж совсем другое — заявить, что твой враг есть Антихрист.

В этом выдуманном мире всем людям и явлениям даны однозначные и не подлежащие сомнениям оценки, все действия предписаны заранее. Думать и переживать не надо, но надо бороться за этот мир, защищать его от враждебных нападений. А еще лучше действовать на упреждение: навязывать всем окружающим

именно такое видение действительности. Не у всех, конечно, есть для этого такие возможности, как у самодержавного царя, но по крайней мере на уровне слов можно постараться построить собственное самодержавие, особенно в наш мир электронных коммуникаций. У себя в блоге всякий — самодержец, и ничего тут не возразишь. Грустно бывает, если подобный подход начинает проявляться и в реальной жизни, например приходской.

Неудивительно, что часто в такой вымышленный мир уходят люди с определенными психологическими, а то и психиатрическими проблемами, с серьезными душевными травмами. Это, кстати, в полной мере касается Иоанна Грозного, так рано осиротевшего. Конечно, риторические упражнения не приносят настоящего облегчения, все проблемы только загоняются внутрь. И самое печальное, пожалуй, что такой человек в конечном счете творит идола по образу своих представлений и ставит его на место Бога. В его религии нет места ни сомнению, ни удивлению, и очень трудно Живому Богу пробиться сквозь этот щит правильных слов. О чем, кстати, нас еще в книге Иова предупреждали.

И самое, может быть, непонятное: как же сочетается эта самоуспокоенность с бурным, прямо-таки истеричным покаянием? Да, словесные ярлыки не приносят подлинного утешения больной душе, душа мечется и страдает, но не хочет признать себя саму, а потому не может попросить Врача об исцелении. Грозный охотно кается в личных грехах, но совершенно не собирается изменять отношения к людям: как человек он грешен, но как царь — прав во всем. Вот точно так же люди порой готовы бить поклоны за нарушение поста или пропущенную молитву, но считают, что они безусловно правы как наставники и обличители, как борцы за чистоту веры и чуть ли не как спасители Отечества. Но живая душа по-прежнему задыхается в этом мире искусственных слов.

А жизнь... она со временем сама все расставит по местам и сорвет ложные ярлыки. Сегодня иные энтузиасты православной фразеологии обеляют Иоанна Грозного, но ведь еще в 1653 году мощи святителя Филиппа были перенесены в Москву и перед ракой была прочитана грамота царя Алексея Михайловича, обращенная к святому: «Молю тебя и желаю тебе прийти сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна, нанесенное тебе неразумно завистию и неудержанною яростию, ибо твое на него негодование как бы и нас сообщниками творит его злобы... И сего ради преклоняю царский свой сан

за онаго, пред тобою согрешившаго, да оставишь его прегрешение своим к нам пришествием».

Некогда подобную грамоту читал перед мощами св. Иоанна Златоуста византийский император Феодосий II, прося прощения за грехи своего отца Аркадия, преследовавшего Златоуста. Так же поступил и русский царь, хотя Иоанн Грозный даже не был его родственником. Но царь чувствовал груз истории, лежащий на его плечах: совершенный его предшественниками грех должен быть назван грехом в любом случае, и не келейно, а перед всем народом. Жаль, что мы сегодня не горим таким же стыдом за то, что творилось у нас в стране в XX веке...

Оглядываясь на нашу историю, поневоле задумываешься: сколько же у нас было Грозных, сколько Малют и Басмановых, и как мало Филиппов! Но, с другой стороны, тем и славен их подвиг, что они неприметны. Много ли говорили нам в школе о том же митрополите Филиппе? Многие ли вообще знали о его существовании, прежде чем вышел этот фильм? Мы даже не можем почитать его сочинений — они не сохранились, как пространные сочинения Грозного. У нас, правда, есть великолепная работа Г. П. Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский», но боюсь, что ее знают куда меньше, чем недостоверные предания о Распутине или сказания о «лучшем друге всех православных» Сталине — еще одном любителе поз и фраз.

Наверняка мы не знаем по имени большинство христиан, твердо и спокойно исполнявших свой долг под натиском властей, соседей или просто обстоятельств. Но если бы не они, я уверен, от святой Руси давно не осталось бы ничего, кроме названия.

«Я плохой, а мы хорошие»

Для христианина вполне естественно говорить о себе как о грешнике, который живет только милостью Божией. Может быть, даже слишком часто мы употребляем слова, превращая их в штампы: «простите меня, грешного...» И вот уже, кстати, готово почти что универсальное самооправдание для лени, необязательности и вообще всяческой расхлябанности: «Я же “первый от грешников есмь”, во мне видны такие бездны порока, что всякая мелочь уж

просто не имеет большого значения на их фоне. Какая тут деловая этика или трудовая дисциплина, если речь идет о спасении души? Отстаньте от меня, я оплакиваю свое несовершенство». Такое настроение по ошибке иногда даже называют «покаянием».

Но стоит человеку сказать «мы», как ситуация резко меняется. О «нас», то есть о почти любой групповой общности, можно уже говорить в самых восторженных выражениях: мы — народ-богоносец, только наша духовность подлинная, мы — истинная Церковь.

Я не сомневаюсь в истинности Церкви. Это, в частности, означает, что те группы людей, которые с ней расходятся в основных вопросах вероучения, заблуждаются. При беседе с этими людьми я уверен в своей правоте. Но от веры в истинность самой Церкви, от наших достоинств не зависящей, очень легко перейти к другим моделям: мы — самый лучший, самый верующий и самый страждущий в мире народ, наша община является единственным носителем истинной духовности и т. д. Тут вроде бы и не наша заслуга, а все равно мы оказываемся на белом коне впереди всех, самые лучшие.

И так человек может довольно долго лавировать между двумя утверждениями: «Сам по себе, как личность, я очень-очень плох, но как представитель определенной группы — очень даже хорош. Я не просто являюсь носителем этого группового достоинства, но должен нести его в массы и всячески подчеркивать. Мое мнение, которое, конечно, может быть ошибочным по частным вопросам, в главных вещах есть истина в последней инстанции, ведь это мнение моей группы».

Такая позиция для человека — опасная ловушка, пусть даже группа называется прекрасным словом «Церковь», человек утрачивает чувство дистанции между своими высшими ценностями и своим нынешним существованием. Проще говоря, человек не видит, что любимое его выражение «святые отцы учат» в его устах на самом деле означает следующее: «Вот как я, очень приблизительно и неполно, понимаю то небольшое, что вычитал из их книжек». Когда говоришь от имени великих, самому следует быть поскромнее.

Но что говорит о таких вещах Евангелие и вообще Библия? Принижает она или возвышает отдельного человека и народ Божий? Одновременно и то и другое. Это в обыденном нашем сознании мы все серенькие: и не плохие, и не хорошие. Для такого

состояния очень подходит безразличие к себе и к другим (его еще иногда называют «толерантностью», наверное по ошибке): дела нет ни до греха, ни до праведности, мы все остаемся такими, какие мы есть, а от других требуем лишь того, что нам по закону положено.

В Библии — совсем не так, она сочетает безграничное терпение к отдельному человеку, каким бы мерзавцем он нам ни казался, и такое же категорическое неприятие греха. Ветхозаветные пророки не уставали обличать избранный народ, Израиль, самыми суровыми словами — и при этом говорили о нем как о возлюбленном Божьем народе. В Новом Завете мы видим этот контраст еще рельефнее. «Отойди от Меня, сатана» — такие слова обращает Христос к апостолу Петру, когда тот проявил простое человеческое сочувствие к своему Учителю и стал отговаривать его от грядущих страданий. Петр подобен сатане, потому что в данный момент искушает Христа, пусть даже несознательно, пытается свратить его с пути. И того же самого Петра Христос называет камнем, на котором будет созидаться Церковь, ему же — сразу после отречения, безо всяких испытаний и условий(!) — велит пасти Своих овец. Только трижды спрашивает Петра: «Любишь ли ты Меня?» Безграничное доверие!

Точно так же и другим людям Христос, с одной стороны, напоминает о самой серьезной ответственности за их поведение: «Впредь не греши», с другой стороны: «Прощаются тебе твои грехи» (слова, сказанные тяжелобольному человеку); все это ясно и недвусмысленно указывает на связь страдания и греха. Да, ты заслужил все, что происходит с тобой, говорит некоторым людям Христос (правда, далеко не всем, так что не будем делать универсальных выводов). И как легко Он освобождает человека от этой ответственности, по одной только просьбе! Фактически не требуется ничего, кроме желания исцелиться от греха, избавиться от его последствий.

Но громкие звания, которыми Он наделяет учеников, удивляют больше всего. «Свет миру», «соль земли»... это не каким-то великим праведникам сказано, даже не апостолам на определенном этапе их служения, как награда за труды, — с этого начинается Его проповедь. Большинство из тех, кто услышал эти слова, не пошли со Христом до конца. А в других местах Евангелия мы слышим, как в начале Своей проповеди Он повторяет слова Иоанна Крестителя: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Значит, есть в чем каяться, значит, Он говорит это грешникам. Как же они могут быть светом миру и солью земли?

Постараемся понять, что вкладывает Христос в эти высокие слова. Прежде всего, ясно, что он не называет так людей в силу их формальной принадлежности к избранному народу. Более того, когда некоторые из иудеев стали хвастаться своим праотцем Авраамом, Христос ответил им резко до неприличия: «Ваш отец — диавол». Дело не в том, пояснил Он, кто от кого физически происходит, а в том, кто идет по чьему пути и чью творит волю. То есть все эти наименования — не членский билет, не выданный кем-то и когда-то пропуск. Они — призвание. Христос говорит людям: вы призваны быть солью земли и светом миру, если вы откажетесь, никто вас в этом не заменит.

Вспомним и притчу о блудном сыне, который оказался совершенно недостойн звания сына и, утратив его, захотел перейти в положение наемника. Наверное, такое решение было бы более чем справедливым, даже очень милостивым по отношению к павшему, но... отец на него не согласился. Его сын в самом недостойном виде оставался для него сыном, и никем иным. Бог хочет видеть нас Своими детьми и не ждет от нас в этом никаких компромиссов, пусть даже и мы не можем никак решиться на это.

И тогда в евангельском понимании нет уже никаких формальных званий и степеней, которые присуждаются человеку на тех или иных основаниях и дают ему четко оговоренные права. Нет, конечно, такие звания могут и обязательно должны быть и в государстве, и в Церкви, без них вообще никакой общественный институт существовать не может, это понятно. Но эти звания сами по себе ничего еще не говорят о степени близости человека к Богу, степени его «хорошести», степени правильности его суждений. Да и само слово «степень» лишается здесь смысла, потому что оно предполагает сравнение по объективным критериям: вот у этого сто очков, а у этого только пятьдесят. Здесь же «очки» набираются или теряются только втайне, и лишь иногда по внешним проявлениям мы можем приблизительно судить о том, кто чего достиг.

В христианстве, уже в момент крещения, человек сразу получает право носить самое высокое звание, он ощущает себя сыном или дочерью Небесного Отца. Но все решается здесь и сейчас, человек может действительно постараться быть в меру своих слабых сил светом миру и солью земли или отправиться в далекую страну в поисках развлечений.

Антисемитизм у подножия Креста?

Службы последних дней Страстной седмицы — яркие, неповторимые, говорящие о самом главном, что только есть в христианстве. Пасха вся будет сплошным ликованием, а здесь такая гамма чувств, такая высота богословия...

И здесь же есть слова, о которые буквально спотыкается молитва. Мы слышим, что призывается не только Бог, но и... «лукавый, стропотнейший роде еврейский» (статья 2-я утрени Великой субботы). И даже вот такое звучит: «...о предательстве не довольни быша, Христе, роди еврейстии, но покиваху главами своими, хулу и ругание приносяще. Но даждь им, Господи, по делом их» (11-й антифон утрени Великой пятницы). Просьба о милости, покаяние — и «даждь по делом»?

Мы хорошие, благочестивые, Бог нас простит — а евреи плохие, и Бог их накажет. Именно так понимаются эти слова многими. Может быть, именно ими «вдохновлялись» те, кто устраивал сто лет назад еврейские погромы на Пасхальной неделе. Сегодня их вспоминают и те, кто вполне всерьез призывает «избавиться от антисемитских элементов в литургии». Причем голоса эти раздаются как со стороны еврейских организаций (таких, как «Антидиффамационная лига»), так и со стороны некоторых православных, слишком уж неподходящими кажутся им такие тексты для молитв Страстной седмицы.

Им возражают другие: на самом деле тут нет никакого антисемитизма, а если начать переписывать традиционные тексты, то дело дойдет и до редакции Евангелия, в котором духовные вожди иудаизма того времени тоже представлены не в лучшем свете. В результате мы получим некий безликий и беззубый рассказ о том, как некоторые люди распяли другого человека по имени Иисус, и случилась эта история как бы вне времени и пространства. Да, собственно, нечто подобное действительно предлагается борцами с христианским антисемитизмом: он коренится, по их мнению, в представлении о том, что Израиль отверг своего Мессию и предал его на смерть. Будет куда спокойнее, если христиане признают иудаизм как самостоятельную религию, самодостаточную для еврейского народа, и не будут призывать к его обращению в христианство. Христос и Израиль как бы должны разойтись по разным углам.

Скажу честно: меня действительно пугает упрощенное, но и вполне естественное для человека понимание этих выражений из богослужений Страстной в духе «вот мы хорошие, а евреи плохие». Я прекрасно понимаю, почему порой на практике просто опускают наиболее резкие выражения или заменяют слово «иудеи» словом «люди», превращая «национальную» трагедию в трагедию общечеловеческую. Мне кажется, это правильно: в конце концов, в нашем богослужении принято многое сокращать, и строки, служащие для кого-то соблазном, безусловно, можно опустить.

Но меня не меньше пугает и другая перспектива: начать редактировать веру Церкви, исходя из требований политкорректности или чьей-то примитивной агрессии. Я слишком хорошо себе представляю ревизию не только богослужебных текстов или знаменитых слов Иоанна Златоуста против иудеев, но и самого Евангелия. Да, в древности и в Средние века не было религиозной терпимости, причем совсем не было. Не менее резкие вещи говорили тогда христиане о мусульманах и язычниках, да и мусульмане, иудеи и язычники подчас ничуть не лучше выражались о христианах и друг о друге. Начать редактировать традиционные тексты в свете современных стандартов и новейших веяний легко, а вот остановиться потом будет очень трудно. И поэтому я прекрасно понимаю и тех, кто выступает против подобных изменений.

И, самое главное, вопрос не в том, изменить или оставить. Вопрос скорее в том, как именно понять эти тексты. Мы слишком далеко отошли уже от тех времен, когда христиане были в массе своей именно иудеями, принявшими Иисуса из Назарета как Христа, как своего Мессию. В те века, когда писались эти песнопения, память об этом еще была свежа, и непринятие Мессии было воплем о трагедии самого еврейского народа: «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11). Вслушаемся в этот полный боли голос: «Сия глаголет Господь иудеем: людие Мои, что сотворих вам? Или чим вам стужих? Слепцы ваши просветих, прокаженные очистих, мужа, суца на одре, возставих. Людие Мои, что сотворих вам? И что Ми воздасте? За манну желчь; за воду оцет; за еже любити Мя, ко Кресту Мя пригвоздидисте» (12-й антифон утрени Великой пятницы).

Это вовсе не голос погромщика, это голос страдающего на Кресте Господа. И даже самые страшные на первый взгляд сло-

ва «даждь им, Господи, по делом их» (я очень смутился, когда сам их впервые услышал), — это именно отказ от погрома. Мы сознаем, насколько ужасно происшедшее, но мы раз и навсегда отказываемся от мести за своего Господа, мы отдаем суд Ему Самому — а как Он будет судить, Он уже ясно показал нам, Он с Креста просил о прощении распинавших его. Он имел право об этом просить, мы не имеем, ведь это не нас распинали — мы можем только отказаться от собственного правосудия, от желания распинателей покарать, а тем более от мести нашим современникам и соседям. И в словах «даждь им по делом» мы именно это и делаем.

К тому же в самых суровых обличениях мы слышим голос ветхозаветных пророков. «Два и лукавная сотвори перворожденный сын Мой Израиль: Мене остави Источника воды животная, и ископа себе кладенец сокрушенный; Мене на древе распят, Варавву же испроси и отпусти» (стихира на часах Великой пятницы). Это же прямая цитата из Иеремии (2:13): «Ибо два зла сделал народ Мой; Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды». Антисемит ли Иеремия? Нет, конечно же, он с горечью обличает свой народ, передавая ему то, что хочет сказать Господь. Ни один другой народ не любит он так, как свой собственный, еврейский, и именно поэтому бросает ему в лицо самые горькие слова, он готов жертвовать своей безопасностью, а то и жизнью, за право их говорить.

И вывод получается очень простой: если мы принимаем Священную историю как свою, если мы готовы представить себя не только равнодушными зрителями, но и частицей толпы, кричавшей последовательно «осанна!» и «распни!», если мы с болью ощущаем, что и люди Нового Израиля, то есть Церкви, так же часто оставляют и предают Господа, как было и в Израиле ветхозаветном, — мы можем, ничуть не смущаясь, повторить эти страшные слова о лукавом роде. В этом, и только в этом случае.

А в заключение я хотел бы привести стихи нашего современника, Бориса Херсонского. Они говорят о той смоковнице при дороге в Иерусалим, которая не принесла Господу плодов и была Им проклята. В ней толкователи обычно видели образ Израиля вполне в духе пророческой традиции. Но о чем эта смоковница заставляет задуматься нас?

Проклятьем Господь уничтожил смоковницу-пустоцвет.
Плоды не успели созреть? Попробуй, срок оттяни...
Уже две тысячи лет, как этой смоковницы нет.
А ты все лежишь,
укрывшись от Солнца Правды, в ее тени.

«Благословите, батюшка»

Небольшая сценка из церковного быта: воскресная литургия закончилась, люди подходят ко кресту. Большинство просто прикладываются, но кто-то успевает сказать два-три слова священнику. И вот одна женщина спрашивает: «Батюшка, благословите в отпуск туда-то поехать?» Священник на секунду задумывается, а потом отвечает, хитро прищурившись: «А что будет, если не благословлю?» Женщина в шоке: «Что вы, батюшка, у меня уже и билеты на завтра, и семья, и все...» — «Ну а что тогда спрашивать, когда все решено?» — улыбается батюшка.

Другая сценка: мать двухлетнего ребенка звонит подруге, у которой есть «прямой доступ» к батюшке. Дело вот в чем: мальчик болеет, доктор советовал кормить его молочной кашкой, а ведь сейчас пост! Благословит ли батюшка? Подруга срочно перезванивает батюшке, и тот действительно «благословляет»... с трудом удерживаясь от крепких выражений.

Что это, крайняя степень смирения и благочестия? По-моему, не совсем. Это напомнило мне совсем другое происшествие, случившееся давным-давно, в одном музее. Там был макет какого-то экзотического африканского дома в натуральную величину, можно было даже зайти внутрь, очень интересно и познавательно. По музею шли трое детей лет пяти-шести, и двое мальчишек, едва увидев открытую дверь, радостно побежали внутрь, а вот у девочки возникли сомнения. Она обернулась к первому попавшемуся взрослому (им оказался я) и спросила: «Можно?» Я сказал, что можно, и она тут же присоединилась к приятелям.

Она, я думаю, понимала, что на самом деле можно, раз туда заходят другие люди, раз нет никаких заграждений. Но все-таки было немножко боязно... А теперь, когда ей разрешил зайти взрослый, она в случае чего легко могла бы оправдаться: она не

самоуправничала, ей взрослый дядя разрешил! Она старалась быть очень хорошей, правильной девочкой, которую не за что будет ругать, а можно будет только похвалить за старание и прилежание. И не случайно, кстати, что это была именно девочка, а не мальчишка — им такое приходит в голову намного реже.

Женщина, целовавшая крест, тоже на самом деле не мучилась вопросом «ехать или не ехать». Все, конечно, было решено заранее, но нужно было получить некий штамп: она не сама, она по благословию. Да и мама двухлетнего малыша вряд ли подозревала своего духовника в таком изуверстве, чтобы он запретил ему, больному, молоко в пост. Наверняка она сто раз слышала и читала, что и больным, и маленьким детям соблюдать строгий пост просто нельзя, и уж тем более когда одно сочетается с другим. Но ей нужно было, чтобы это сказал еще раз духовник, чтобы он взял на себя эту ответственность.

Это же извечное женское — пусть решает мужчина. Пусть все-все будет подано ему в готовом виде, так что решение будет совершенно очевидным, но пусть эту ответственность он возьмет на себя. Разве не за это в том числе мы их и любим, наших женщин? Впрочем, долой мужской шовинизм: среди церковных мужчин тоже можно увидеть такое, хотя и реже.

Но есть ли это на самом деле послушание и смирение? Проверить это довольно просто, причем каждый проверит сам себя. Обращусь ли я к священнику с действительно трудным делом, не внешним (куда ехать, что есть или пусть даже где работать и какие книги читать), а с духовным или нравственным выбором, от которого многое зависит? Как примириться со свекровью, что делать с непутевым подростком-сыном, как вообще выстраивать отношения с Богом и с ближними? Нет-нет, я не о постном меню или молитвенном правиле, а о вещах внутренних, глубоких, существенных. Если духовнику приносится и такое, если его совет действительно исполняется, — тогда да, это настоящее послушание и отсечение собственной воли.

Правда, не всегда оно во благо. Сколько всего уже было сказано, в том числе и Синодом (в определении от 29 декабря 1998 года), об опасности младостарчества. Я процитирую синодальное определение: «Некоторые священнослужители, получившие от Бога в Таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что таковое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между ду-

ховником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, таковые пастыри переносят сугубо монашеское понятие беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной и семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых».

В пастырях ли дело? Прежде всего — в нас самих, ведь когда есть спрос, будет и предложение. Один священник ответит хитрой улыбкой, другой отругает, а третий, четвертый или пятый возьмет на себя эту власть определять, куда семья поедет в отпуск и какую кашу будет кушать. Или, точнее, не определять, а ставить свой штамп «Благословляю!» на заранее заготовленном решении. И человек найдет с таким священником то, чего он так долго и старательно искал. Да и пастырю так, глядишь, понравится, он со временем войдет во вкус, начнет этого требовать ото всех прихожан. Искушение властью — одно из самых сильных, не случайно сатана приберет его напоследок, когда искушал Христа в пустыне.

Только ведь это может быть бегством от подлинной жизни. Всякой жизни — телесной, душевной, духовной одновременно. Нам ведь так всегда не хватает времени, сил, внимания; очень часто и с духовником или каким-то еще близким человеком пообщаться не удастся, так, пять-десять минут раз в неделю... И на что мы их потратим? Благословение на очередной набор житейских мелочей получим? А останутся ли после этого время и силы на что-то важное? Может быть, это на самом деле стремление уйти от более серьезных проблем, спрятать их за ворохом мелочей? Да и у духовника действительно не останется времени, чтобы дать духовное наставление по существенному вопросу или хотя бы практический совет, исходя из своего опыта. Только на молочную кашку хватает.

Даже если это образец послушания, я бы в любом случае назвал такое поведение бегством от взрослой ответственности. Мы все чувствуем этот груз на своих плечах ежедневно, особенно те, у кого есть семья и дети: тысяча разных решений, и надо принимать их самостоятельно, порой не только за себя, но и за своих близких. Каждое решение может обернуться то мелкой неприятностью, а то и настоящей бедой. Не тем накормил малыша — животик будет болеть, не туда поехал в отпуск — всей семье лето испортил. Хочется на каждый такой случай получить гарантию,

страховку, да такую, чтобы самой надежной была! Скинуть с себя этот груз ответственности и свободы!

Иному человеку бывает проще вытерпеть что-то очень тяжелое, противное, болезненное, чем принять решение. От ответственности, от взрослости такие люди бегут куда угодно, как бежал в свою небывалую страну Питер Пэн. Иногда бегут и в Православие. Это, наверное, совершенно нормально, ведь Церковь очень широка, она принимает всяких людей, не изгоняя никого. Только не надо принимать этот инфантилизм за аскезу, это разные вещи, не надо навязывать его другим. Это скорее склад личности, особенность характера, а порой — и болезненная инфантильность, которую придется постепенно преодолевать, особенно если от человека зависят другие люди.

И в завершение — еще одна реальная история. Одна мама рассказывала, как с маленьким ребенком за полночь возвращалась с затянувшегося соборования. В метро ребенок расплакался: «Хочу есть!» Мама с ужасом осознала, что еды дома нет никакой, и денег в кармане — на буханку хлеба, и ту в такую пору не купишь. «Нет у меня еды, помолись», — ответила она малышу. Тогда ребенок запросто помолился: «Бог, я хочу есть». Только они вышли из метро — к ним подошел незнакомый человек, владелец продуктовой палатки, и бесплатно дал два кило разморожившихся пельменей: товарный вид они утратили, но в пищу были вполне пригодны.

Слава Богу, который в буквальном смысле слова питает тех, кто уповает на Него! Но я очень надеюсь, что мама со временем немного повзрослела и сняла с Него эту обязанность, по крайней мере в отношении своего ребенка.

Счет в православном банке?

Я ничего не понимаю в экономике и финансах. Наверное, если бы понимал, у меня не возникало бы то и дело ощущение, что в этих самых финансах в кризисную пору происходит что-то глубоко неправильное. Наверное, тогда я бы сам объяснял другим, почему все именно так и должно происходить. А пока не могу.

Например, банки. Все говорят в один голос, что именно действия финансистов и банкиров привели к этому кризису. И вместе

с тем первая реакция правительства, и не только в нашей стране, — накачать банки деньгами. По сути, заставить бедных в очередной раз платить за ошибки (и это еще мягко говоря) богатых. Да, без банковской системы никуда, понятно: если бы банкиры обанкротились, это ударило бы по каждому из нас гораздо сильнее, чем закрытие заводов или забастовки учителей. Но все-таки...

Или вот такая ситуация: человек с большим для себя трудом взял ипотечный кредит, купил недвижимость или землю под дачу. Теперь он потерял работу, платить по кредиту не может, а его недвижимость сильно упала в цене. В результате даже если он с трудом продаст ее, то все равно окажется должен банку немалую сумму. Да, конечно, кредиты необходимы, и все же...

А вот и третий пример: оказывается, цена на нефть, от которой зависит в нашей стране буквально все, формируется вовсе не соотношением реального спроса и предложения, а игрой на бирже. В этой игре участвуют тысячи торговцев, ни один из которых не производит нефть и не нуждается в ней: они только покупают друг у друга обещания поставить эту самую нефть, которая им совершенно не нужна. А те, кто ее производят, и те, кто потребляют, почему-то думают, что это и есть настоящая цена нефти. Конечно, сырьевые биржи в нашем мире необходимы, но неужели...

Наивные вопросы, не спорю. Но ведь и задавать их не перестают с тех самых пор, как люди вообще начали что-то покупать и продавать или что-то одалживать друг другу. В патриархальном обществе все было стабильно: меру зерна меняли на топор, а если один сосед одалживал другому эту самую меру, чтобы его семья не умерла с голоду, то требовать потом назад полторы меры было бы несправедливо. Вот почему еще Ветхий Завет предупреждает старух-процентщиц очень строго: «Кто в рост дает, и берет лихву, то будет ли он жив? Нет, он не будет жив» (Иез. 18:13). При этом, что интересно, обыкновенная торговая прибыль не заслуживает в Библии никакого порицания, в евангельской притче о талантах приумножение богатства путем торговли даже служит образцом духовного роста.

Противоречие? Вовсе нет. Библия ясно отличает честное предпринимательство, связанное с трудом и риском и приносящее пользу другим, от паразитического ростовщичества, когда один человек наживается на временных трудностях другого. Кстати, эти запреты постоянно повторялись и в истории Церкви,

например, 17-е правило I Вселенского собора категорически запрещает заниматься ростовщичеством клирикам. Да и для мирян это занятие было сомнительным; в том числе и по этой причине в средневековой Европе ростовщиками часто выступали евреи: они с христианами смотрели друг на друга как на чужих, а с чужих требовать проценты гораздо проще. Впрочем, христиане тоже не брезговали ростовщичеством, и мы уже привыкли к этому явлению настолько, что выражение «православный банк» давно никого не смущает. А что в нем особенного? Да ничего, по сути: вывеска другая и благотворительные проекты особые, православные. В остальном банк как банк.

Ведь в рост давали и дают далеко не только из-за жадности: если выйти за рамки патриархального хозяйства, то без процентов никак не обойтись. Допустим, кто-то одолжил у меня десять лет назад тысячу рублей или даже долларов. Если он вернет эти деньги сегодня, я смогу купить на них гораздо меньше. В древности инфляция была куда более медленной, но она все равно существовала. На пороге нового времени бывали даже случаи обвальной инфляции: испанцы в XVI веке вывезли из Америки такое количество драгоценных металлов, что деньги в Европе обесценились.

То есть для нормального оборота капитала необходимы займы и кредиты, а они подразумевают прибыль, которую и обеспечивают проценты. До сих пор считалось само собой разумеющимся, что эта система настраивает себя сама, но сегодня... Впрочем, пусть это объяснит тот, кто разбирается в этом лучше меня. Механизм кризиса в общем и целом ясен, неясно только одно: как из всего это выбирать.

Одним из вариантов ответа, который мне, неспециалисту, кажется вполне убедительным, могла бы стать банковская система, основанная на библейских принципах. Утопия? Вовсе нет. Давно и в целом успешно существуют исламские банки, основанные на строгом соблюдении требований Корана. Коран, как и Библия, запрещает ростовщичество, но разрешает торговую прибыль. Разница только в том, что исламские банкиры, в отличие от христианских, отнеслись к этому запрету очень серьезно и не стали его обходить.

Как же выглядят у них обычные кредиты и ссуды? Да очень просто. В случае обычного ипотечного кредита банк дает человеку деньги на недвижимость. Недвижимость становится соб-

ственностью человека, а банку он выплачивает кредит с процентами. Весь риск — на плечах человека, вся прибыль — в карман банку. А исламский банк покупает дом сам, это теперь его собственность, а человек, живущий в этом доме, платит арендную плату. После определенного уровня выплат дом переходит в его собственность. Точно так же выглядят и потребительские кредиты: банк покупает вещь у продавца и перепродает ее человеку по более высокой цене, но с рассрочкой платежа. И никаких процентов!

А что можно сказать насчет кредитов на развитие бизнеса? Исламский банк входит с предпринимателем в долю: вкладывает свои деньги, а потом делит с предпринимателем прибыль или соответственно убытки на заранее оговоренных условиях. Примерно так же выглядит и депозит: человек становится своего рода держателем маленького пакета акций, никаких гарантированных процентов, прибыль зависит от успеха или неуспеха банка в целом. Сравним это с обычным нашим кредитом или депозитом: что бы ни происходило, но процент всегда останется прежним... то есть до тех пор, пока банк, следуя примечанию номер восемь на странице номер шестнадцать подписанного тобой договора, не сочтет нужным изменить процентную ставку, и уж разумеется, не в твою пользу.

Да, и еще. Шариат запрещает азартные игры, то есть исламский банк может лишь инвестировать в долгосрочные проекты, но не может играть на бирже: сегодня купил, завтра продал, послезавтра опять купил... Ну и, конечно же, банк не может вкладывать средства в производство свинины, алкоголя или порнографии, раз эти товары запрещены Кораном.

Вообще, такие банки являются очень неудобными, согласен. При подобной системе никто не даст кредит просто так, каждого заемщика будут долго и пристально оценивать. Куда там великой ипотечной вольности недавних лет, когда в Штатах кредиты (mortgages) раздавались щедрой рукой направо и налево, без проверки кредитной истории, без первоначального взноса, вообще без ничего, в твердой уверенности, что недвижимость будет только расти в цене, прямо как нефть! И никто не будет навязывать покупателям что попало в кредит, кредит, кредит — лишь бы проценты капали, как это совсем недавно было у нас.

Но мне почему-то кажется, что это будет правильное кредитного ажиотажа, череды лопающихся пузырей. Может быть, в са-

мом деле пора отказаться от скорости в пользу надежности? Говорят, исламские банки будут открывать свои отделения и в России, прежде всего, конечно, в Татарстане.

Впрочем, почему исламские? В их принципах очень мало специфически исламского (ну разве что запрет на свинину и алкоголь), на самом деле они идут еще от Библии: поощряется предпринимательство, а не ростовщичество; требуется соучастие, а не проценты; предполагается ответственность, а не жадность. Так что тут у мусульман можно поучиться, главным образом, серьезному отношению к заповедям своей религии. И кажется мне, что настоящий православный банк должен быть основан именно на таком отношении, и не зазорно нам будет посмотреть на чужой опыт, не обязательно ведь каждый раз изобретать собственный велосипед.

Интересно, доведется мне когда-нибудь открыть в таком банке счет?

Христианство как часть политической культуры

В 2006 году австралийское правительство выступило с резким заявлением, суть которого сводилась к следующему: никто в Австралии не будет жить по законам шариата, а если кому-то их не хватает, ему следует уехать в страну, где принят шариат. Иными словами, ни общество, ни государство не станут подстраиваться под ожидания исламских радикалов. Невозможно сегодня представить себе подобное заявление в насквозь политкорректной Западной Европе, да, пожалуй, уже и в «плавильном котле» Соединенных Штатов. Не уверен, что оно могло бы прозвучать и в России — хотя бы потому, что у нас действительно есть регионы, где уже несколько веков большинство населения исповедует ислам или буддизм. Вольно же им, австралийцам, так рассуждать — недавним иммигрантам из Европы, занявшим целый континент! Между прочим, аборигенов они чуть было полностью не истребили, а уцелевшим дали гражданские права только в 1967 году.

Но есть в этой истории и куда более интересный для нас момент. В частности, министр обороны Австралии Брэндан Нель-

сон тогда сказал: «Мы говорим в основном по-английски, а не на испанском, ливанском, арабском, китайском, японском, русском или любом другом языке. Поэтому, если вы хотите стать частью нашего общества, учите наш язык! Большинство австралийцев верят в Бога... христианские мужчины и женщины создали эту страну на христианских принципах, и это четко зафиксировано в документах. Безусловно, уместно выставлять это на стенах наших школ. Если Бог оскорбляет вас, то я предлагаю вам рассмотреть возможность переезда в другую часть света, потому что Бог — это часть нашей культуры».

А ведь эти его слова относятся и ко многим другим странам, которые были созданы христианами на определенных принципах, и это непреложный исторический факт. Но сегодня в той же самой Западной Европе набирает силу другой взгляд, согласно которому нынешние государства как будто лишены исторической памяти. Общественное пространство — это такой чистый лист, на котором каждый может написать что угодно, пока он не мешает другому. В 2007 году в Британии было сделано другое громкое заявление, ровно противоположное: в национальное законодательство неизбежно придется включить нормы шариата, чтобы мусульманам «не пришлось бы выбирать между преданностью национальной культуре и верностью стране». И сделал это заявление не исламский деятель, а архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс — старший клирик в англиканской Церкви (главой ее считается королева).

На самом деле мы в России тоже постоянно задаем себе эти вопросы. Мы рассуждаем о том, нужно ли вводить в школах уроки православия или в армии — капелланов, нужно ли показывать первых лиц государства на праздничных богослужениях, нужно ли государству признавать семинарские дипломы и богословские степени, — но на самом деле мы пытаемся решить одну глобальную проблему. Должно ли государство вообще опираться на церковную традицию, и если да, то как и в какой мере? Взять хотя бы предложения ввести многоженство или, наоборот, однополые браки — в самом деле, какие могут быть возражения против желания людей узаконить свои отношения? Только одно: в христианской традиции это не принято. Но имеет ли такой аргумент силу?

Сама эта проблема относительно нова. В традиционном обществе государство было немыслимо без государственной рели-

гии. Иноверцев могли терпеть, но они жили в особых районах, не обладали всей полнотой прав, да и не полностью подчинялись законам государства. Так, в средневековой Европе евреи жили в особых гетто, а европейцы на Москве вплоть до Петра — в одной-единственной слободе. Это, конечно, способствовало взаимному недоверию и враждебности.

Даже Реформация и последовавшие за ней религиозные войны еще не привели к веротерпимости. Подписанный в 1555 году Аугсбургский мир между католиками и протестантами провозглашал принцип «чье правление, того и религия» — у короля или князя-протестанта все государство становилось протестантским, у католика соответственно католическим. И только Новое время, с его революциями и конституциями, принесло простым гражданам право на самостоятельный выбор... Вот и не определятся европейские государства до конца, какими они хотят быть: полностью светскими или все-таки отчасти христианскими?

Пока что движение идет скорее в сторону полной светскости. После долгих дебатов в преамбулу Конституции Евросоюза, подписанной в 2004 году, так и не было включено упоминание Бога и христианских ценностей. Во многих странах (например, в Дании, Норвегии, Англии) есть государственные Церкви, но это все меньше значит для их внутренней жизни, а вот в Швеции Церковь была в 2000 году отделена от государства...

У нас движение идет скорее в обратном направлении, что вызывает активное неудовольствие атеистов и многих агностиков. Да впрочем, и большинство верующих вовсе не собираются строить свою политическую и общественную жизнь по средневековым образцам, это и невозможно в наш век. Просто люди не готовы относиться к обществу и государству как к «чистому листу», на котором кто угодно пишет что угодно. Так хорошо это или плохо, когда христианство становится частью политической культуры?

Все зависит от того, какой смысл вкладывается в это понятие. Есть люди, которые очень желают сделать Церковь своего рода госкорпорацией по идеологической части, с соответствующим финансированием и привилегиями. Это было бы для Церкви настоящей трагедией, связало бы ее намертво с конкретной формой государственного устройства, более того — с текущим курсом нынешнего правительства. Но никакое правительство не вечно, и мы уже видели, как в 1917 году падение монархии означало для

многих и отказ от всякой церковности. Вообще, повеление Христа отдавать кесарю кесарево ясно учит нас исполнять законные требования власти, но и не спешить обслуживать эту власть. Кесарю все-таки должно отдавать *только* кесарево.

У государства, равно как и у общества, существует потребность в общих ценностях и ориентирах. Почему, собственно, надо помогать больным и неимущим — может быть, с экономической точки зрения было бы полезно всех их уничтожить?

Уже ведь прозвучало предложение о постнатальных (послеродовых) абортах, то есть об умерщвлении сразу после рождения детей с физиологическими отклонениями. А если детей, отчего бы не стариков, не людей среднего возраста, не преступников, не расово неполноценных... добро пожаловать в новый, гуманистический Освенцим!

Противостоять этой логике может только ясно выраженный принцип: «Человеческая жизнь есть высшая ценность для государства». Но эта аксиома была принята, как мы видим, далеко не во всех государствах даже в XX веке.

Экономическая деятельность тоже невозможна без таких аксиом, как, например: «Человек имеет право на частную собственность, которую никто не может у него насильно отобрать». А если он плохо ей распоряжается? А если мне очень нужна эта собственность? Но нельзя ее отобрать, и все, как и детей убивать нельзя, и дискутировать тут не о чем. Особенно остро потребность в этих ценностях чувствуется в наши дни, когда люди разочаровались в капиталистическом «каждый сам за себя», но и к коммунистическому «все отнять и поделить» возвращаться совсем не хотят.

Есть ли третий путь? В готовом виде его нет и быть не может, но зато идеалы общественной солидарности, в сочетании с личной свободой и самостоятельностью выбора, мы можем найти именно в христианской традиции. Смешивать христианство и политику нельзя, это губительно для христианства. Но если их полностью разделить — это уже губительно для политики, так она переходит в полное владение князя мира сего. При этом подлинная христианская политика имеет мало общего с клерикализмом, то есть с отстаиванием узкословесных интересов духовенства. Нет, речь идет не о том, чтобы поддерживать наиболее выгодную нам партию или самый удобный законопроект, а о том, чтобы оценивать любые слова и действия политиков с точки зрения их соответствия основным христианским ценностям. А главное — стараться воплощать

эти ценности в повседневной жизни, не стесняясь их и не ожидая, что некий добрый и сильный дядя все сделает за нас.

Ну а что касается далекой Австралии, то одна знакомая мне московская молодая семья — мама, папа и маленький ребенок — переехала туда на постоянное место жительства. Мама, кстати, была в одном из московских храмов регентом. Почему именно Австралия? — задавал я себе вопрос. Климат приятный, иммигрантов принимают легко? Или кенгуру такие забавные? Вообще-то, если честно, у них там есть родные, будет проще устроиться.

Но может быть, дело еще и в том, что Австралия — по крайней мере пока — собирается оставаться христианской страной. Искренне желаю австралийцам успеха!

Тоска по империи

Я и сам из тех, кто жалеет об исчезновении Российской империи, да что там Российской — и Византийской, и Римской, здесь ведь ощущается ясная прее́мственность! Глядя на современный наш мир, с его пошлым потребительством, с демагогическими правительствами, с межнациональными войнами и нелепыми идеологиями, как не вздохнуть по тому времени, когда Помазанник Божий правил своими народами, сознавая свою ответственность перед Богом, а не перед телеэкраном, когда понятия чести и достоинства значили куда больше, чем спекулятивные цены, дутые кредиты и высосанные из пальца сенсации. А что говорить о том, как трудно приживаются республиканские институты в России, как постоянно сворачивают они на проторенную дорожку: царь и при нем избранные бояре... В общем, если предаваться маниловщине, — я бы хотел жить в империи.

Только в какой именно? Трудно решить. Образца 1913 года? Так в ней через несколько лет будет революция. Середины XIX века? Ну не по душе мне крепостное право и бюрократия, да и Кавказская война не особенно нравится, не говоря уж о Крымской. Допетровская Русь? Византия Палеологов? Рим времен Константина? В каждой эпохе найдутся свои темные стороны, ни одна не похожа на рай на земле, но каждая не похожа по-своему. Наше время — не исключение.

Осознание этого факта и отличает здоровую ностальгию от болезненной мечтательности. Очень уж велико искушение принять свою идеальную мысленную империю за то Царствие Небесное, о котором говорит Евангелие. И тогда...

Тогда может произойти много дурного, и на самом деле происходит. Человек начинает выстраивать свою систему ценностей, исходя из абсолютного приоритета своей мысленной, идеальной империи, — все, что к ней приближается, есть благо, а что ей мешает, есть зло. Можно, оказывается, быть христианином и оправдывать не только реформы царя Петра (это действительно вопрос спорный), не только опричнину царя Иоанна (тут уже спорности куда меньше), но и лагеря и расстрелы товарища Сталина, оправдывать только за одну его чеканную имперскую поступь. Казалось бы, тут все однозначно, перед нами случай почти что химически чистого зла — но нет, включаются механизмы рационализации, приводится множество объяснений, и оказывается, что все было не так уж и плохо, а с другой стороны посмотреть, так пожалуй, и очень хорошо.

Кстати, совсем недавно владыка Иларион (Алфеев) публично высказал свое резко отрицательное суждение о Сталине, и это на свой лад было даже удивительно: ну что тут можно нового сказать, спустя более полувека после его смерти? Это что же, православный епископат только сейчас разобрался с его оценкой? Разумеется, нет: сначала он просто вынужден был молчать, а в годы перестройки про Сталина и так все сказали, говорить о нем тогда означало бежать в хвосте пропагандистской моды. Но сегодня, именно сегодня эта оценка стала действительно актуальной, причем для церковного народа — вдвойне, к сожалению.

Впрочем, не обязательно доходить в своей тоске по империи до таких кровавых крайностей. Есть и более благоприятный объект для ностальгии: Византия. Это действительно целый мир, давший свое начало и русской культуре, прекрасный и неповторимый. Неповторимый — ключевое слово! У нас же часто получается так, что говорят люди вовсе не о Византии, а о нынешней российской политике, называя ее реалии более-менее удачно подобранными византийскими именами. Живая плоть византийской истории таким византинистам просто не интересна, при случае они ее могут и подправить, и уж, во всяком случае, обращаются к ней очень избирательно.

Есть и еще одно направление поиска, о котором вспоминают несколько реже, — это Золотая Орда. В самом деле, Московская Русь стала и ее наследницей, по крайней мере после присоединения Казанского и Астраханского царств, этих осколков Орды, никогда не входивших в состав Руси Киевской. Так Иван Грозный сделал ясное заявление: он собирает наследство Чингисхана. Да и его внутренняя политика во многом была скопирована с ордынской; во всяком случае, такого безграничного единовластия не знали ни киевские князья, ни даже константинопольские василевсы. Знал его именно Чингисхан. И «евразийское направление», как теперь это называется, стремится к активным действиям именно в этом направлении...

Что ж, политика есть политика, в ней всегда будет происходить борьба разных сил и идей. Кстати, и сегодня Россия во многом остается империей — нет, не идеальной конечно. Она, например, объединяет исторические места расселения многих народов, и в этой имперскости много хорошего: глядя на Балканы и Закавказье, можно представить себе, во что превратились бы наши Поволжье и тем более Северный Кавказ, если бы они пошли по другому пути. Война всех против всех, вмешательство больших и сильных стран, перекраивание границ... Нет, похоже, для таких регионов человечество пока не изобрело лучшего рецепта, чем единое многонациональное государство.

Но эта империя лишь отчасти похожа на любую из своих предшественниц. Самый верный способ ее погубить — это принести ее в жертву своим теориям, своей идеологии. Именно это и сделали большевики в XX веке, и я глубоко убежден, что второго такого опыта наша страна просто не переживет, как бы ни была прекрасна и замечательна эта новая идеология. Впрочем, и коммунизм когда-то и кому-то казался прекрасным...

Сдается мне, что если бы тоскующие по империи люди жили в какой-нибудь из реально существовавших империй, то многие из них стали бы пламенными революционерами и ниспровергателями основ. Почему? Да потому, что у этих людей есть острое чувство прекрасного и ясное ощущение, что окружающая действительность этому прекрасному не соответствует. Следовательно, ее надо изменить. А действительность — вещь упрямая, и зря не изучают политики главную дисциплину технических институтов: сопротивление материалов. Ведь не случайно у большевиков, разрушивших Российскую империю, получилась своя империя,

советская, и чем дальше, тем больше она была внешне похожа на ту, прежнюю.

Впрочем, новая революция на данный момент не самая большая опасность. Куда вероятнее попытки сделать христианство подручным средством идеологии, не так уж и важно, какой именно, а Царствие Небесное — бледной копией очередного проекта земного царства, опять-таки неважно какого. В свое время большевики пытались Царствие отменить, у них это не вышло, но лукавый не сдается — теперь он пытается его нам *подменить*. Нас ужасают, и совершенно справедливо, шахиды, которые прокладывают себе лично дорогу в рай по трупам мирных людей, нас приводит в замешательство президент Буш, который вдруг заявляет, что это Бог велел ему напасть на Ирак. Так вот: очень не хотелось бы мне увидеть, как подобные вещи будут делаться от имени Православия, точнее, во славу какого-нибудь очередного имперского геополитического проекта.

На самом деле, христианство, родившись в Римской империи, первые два века вынуждено было существовать даже не то чтобы независимо от нее, а под ее давлением, порой очень жестким. Это потом христиане сумели на свой лад «приручить» империю, научились использовать те возможности, которые давали им имперские институты. Конечно, не всегда у них это получалось хорошо, да и платой за эти новые возможности становилась собственная независимость. Но общий принцип остался, я думаю, прежним: христиане могут и должны изнутри преобразовать ту форму государственного и общественного устройства, которая им дана в настоящем, не забывая собственной истории, но и не стремясь спрятаться в этой истории от неуютного будущего. И в конечном счете победа будет... нет, не за нами, но мы точно знаем, за Кем.

Голос с Манхэттена

В США 20 ноября 2009 года была опубликована так называемая «Манхэттенская декларация» — обращение христиан разных конфессий (включая и православных) к общественности страны, да и всего мира. Отметим, что это именно обращение отдельных христиан, каждый говорит за себя, а не за свою церковь или органи-

зацию. Под декларацией подписались сотни тысяч человек, хотя, конечно, в Интернете легко накрутить лишние голоса. Но в любом случае прозвучал этот голос очень громко. И что же он сказал?

Декларация называет три основные ценности, о которых она хочет напомнить современному миру: (1) человеческая жизнь священна; (2) брак есть союз мужчины и женщины; (3) существуют права на свободу совести и религии. Возможно, кто-то скажет: они бы еще написали, что сахар сладкий, а вода мокрая! Но эти истины кажутся банальными только на первый взгляд, а где речь заходит об их конкретном применении, там начинаются проблемы.

Первый принцип, конечно же, имеет прямое отношение к абортам. Их сторонники говорят о праве женщины на выбор. Плод во чреве матери не является личностью с социальной и юридической точки зрения, он ведь не может отстаивать свои права в суде, не станет делать этого и мать, решившаяся на аборт. Но с христианской точки зрения, напоминает декларация, уникальна и священна любая человеческая жизнь, а начинается она в момент зачатия. И если общество не считает эмбрион живым, то оно не остановится только на абортах и будет спокойно относиться к созданию эмбрионов «про запас» при экстракорпоральном оплодотворении. Порой заходит даже речь о «терапевтическом клонировании», то есть о создании эмбрионов ради получения определенных видов клеток. Естественно, при таком подходе их будут создавать именно для того, чтобы убить.

Другой практический вопрос — это эвтаназия, по сути, самоубийство при помощи врачей. В ее пользу, казалось бы, можно найти множество аргументов, но авторы текста считают, что сам подход, при котором допустимо решать, кто будет жить, а кто нет, открывает дорогу различным формам геноцида и этнических чисток. Своя логика в этом есть.

Семья, о которой говорит второй тезис декларации, безусловно, всегда и везде является основой общества. Но в современном западном мире этот институт размывается: все больше людей живут в неформальных и неустойчивых союзах и рожают детей «для себя». Признание однополых браков, ставшее реальностью в некоторых европейских странах, только подстегивает этот процесс, равно как и призывы к легализации «шведских семей» с неопределенным количеством партнеров. Кому какое дело, спрашивают сторонники легализации таких отношений, если люди решили устроить свою жизнь именно таким образом? Да, это их

личный выбор, на который они имеют право, — отвечает декларация. Но государство и общество не должны принимать его как равнозначный традиционному браку со всеми вытекающими последствиями. Грубо говоря, если двое мужчин решили спать друг с другом или решили спать сразу с тремя женщинами, мы им этого не запрещаем, но и они пусть не требуют, чтобы детям в школах рассказывали об этом их решении как о нормальном способе устроить свое личное счастье.

С другой стороны, декларация признает, что на Западе «культура брака» находится в глубоком кризисе, тут безусловно должно быть и нечто позитивное, а не только отказ от легализации нестандартных вариантов. Но для этого нужно, чтобы само понятие брака сохранило какое-то свое базовое значение.

Ну а что же с религиозной свободой, о которой казалось бы, на Западе совершенно не приходится беспокоиться? Приверженцы самых экзотических культов могут совершать свои обряды и проповедовать свои взгляды беспрепятственно... И там уж точно не происходит никакого гонения на христиан, подобного тем, что были в XX веке в России. Однако на практике все чаще оказывается так, что практиковать свое христианство они могут лишь дома, за закрытыми дверями. Там где законодательно признаются однополые браки, христианские приюты и благотворительные организации уже не могут по закону отказывать однополым парам в усыновлении. В штате Массачусетс, где было принято такое решение, католическая организация была вынуждена прекратить практику всякого усыновления. Точно так же и проповедь становится подцензурной: если христианин, в полном соответствии с Библией, называет практику гомосексуализма греховной, на него можно подать в суд — и такое действительно порой происходит.

«Мягкий деспотизм» — вот как, вслед за А. де Токвилем, характеризует декларация эту тенденцию. С одной стороны, никаких концлагерей и репрессий, а с другой... общество меняется неузнаваемо, оно загоняется в рамки достаточно жестких и весьма притом спорных представлений о том, что есть хорошо и что есть плохо. И это, конечно, находится в ярком противоречии с идеями отцов-основателей США и тех борцов за гражданские права и свободы (например, М.-Л. Кинга), которые стали основателями современного американского либерализма.

Уберечь подлинный либерализм, основанный на христианских ценностях и устремленный к свободе личности, от нынеш-

них либералов-диктаторов — вот как я определил бы суть этой декларации, и в целом я с ней вполне согласен. Да, она упоминает множество сложнейших проблем, которые не могут быть разрешены в семистраничном документе, некоторые формулировки выглядят слишком упрощенными, некоторые доводы — несколько натянутыми, но дело не в частности.

Важно, что в данном случае христиане разных конфессий, не забывая о различиях между ними, сумели назвать общие для всех них ценности и объединиться в защите этих ценностей. Да, конечно, вопросы о примате папы или о соотношении Писания и Предания очень важны, и было бы лицемерием делать вид, что они нас не разделяют. Но когда мы сталкиваемся с какой-то совершенно иной системой ценностей, для которой и Писание, и Предание — пустой звук, мы должны сказать о том главном, что нас объединяет. Мы можем напомнить об этом обществу безудержного потребления, в котором права человека начинают трактоваться как навязанный всем произвол чьего-то частного хотения.

Делать это так, как делал Иоанн Креститель, а именно громогласно возглашать: «Покайтесь!» — уже не получится, потому что нет у аудитории ясного представления ни о грехе, ни даже о Боге. Но можно говорить с современным обществом на его языке. Можно показать ему, что христианское отрицание аборт и манипуляций с эмбрионами — не прихоть средневековых мракобесов, а, напротив, провозглашение высокого достоинства неповторимой человеческой личности, возникающей в момент зачатия. Защита прав нерожденных — это и есть подлинный либерализм.

Нам, в России, может порой казаться, что сама проблема существует лишь на «бездуховном и материалистическом» Западе. Но это вовсе не так: потребительство, индивидуализм и прочие черты, которые принято связывать именно с ним, присущи нашим соотечественникам ничуть не в меньшей мере, просто сейчас люди больше заняты другими проблемами, в основном экономическими. Значит, эти вопросы встают и перед нами, пусть пока и не с такой остротой, как в Америке.

Что ж, значит, у нас есть время подготовиться, сделать собственные выводы из западного опыта и постараться найти собственные ответы на эти вопросы. И такие ответы западных христиан на вызовы современности, как Манхэттенская декларация, могут помочь нам в этих поисках.

Не читайте форумов перед обедом

Профессор Преображенский в «Собачьем сердце» Булгакова советовал не читать перед обедом советских газет. Я бы добавил к его рекомендации еще одно пожелание: не читать перед обедом православных форумов. Вот разные сайты и блоги читать можно... а форумы все-таки не стоит. Ни к одному из этих форумов у меня абсолютно никаких претензий нет, на некоторых я в свое время участвовал, на одном, самом старом — довольно активно. Но с расцветом в рунете блогов, прежде всего «живого журнала», окончательно переехал туда, и возвращаться на форумы не тянет совершенно, и я попробую объяснить почему.

Начнем со слова «форум». Сетевое общение — вещь для нас совсем новая, мы не так давно стали к ней привыкать, а многие наши знакомые так и не привыкли до сих пор. Мы начинали с электронных писем, которые поначалу казались лишь особой формой доставки писем обычных. Но очень скоро выражения типа «всем чмоки в этом чате» и «аффттар, пеши исчо» развеяли эти иллюзии: это совершенно особый род общения, не письменный и не устный, со своими законами и особенностями, и он пока еще только в процессе становления. Может быть, лет через сто эти «чмоки» и «аффттары» будут выглядеть примерно так же архаично, как смотрятся сегодня формулы вроде «примите уверения в совершеннейшем моем почтении». А пока что новы для нас все эти технологии и все эти опасности: троллинг, флуд, флейм и прочее, — и не всегда нам понятно, как их избегать и как от них защищаться.

В этом смысле действительно куда комфортнее общение в блогах: человек сам выбирает себе круг общения, так что сетевых хулиганов и пустословов очень легко бывает попросить на выход. Да и вообще, блоги — это всегда чье-то пространство, а форумы — ничье, даже если владелец или администратор всем известен. На них, в теории, должна соблюдаться беспристрастность и объективность, а поскольку это в принципе невозможно, то начинаются бесконечные дразги на тему «А вот он меня больше обидел, а модератор необъективен». Ну и как ему быть полностью объективным, когда он тоже человек?

А еще, конечно, большое искушение — это мнимая анонимность, причем это касается и блогов, и форумов. Каждый может

назваться как угодно и говорить из-под очередной маски такие вещи, которые наверняка бы не решился сказать в лицо. С другой стороны, абсолютной анонимности не бывает: кого-то быстро узнают, про кого-то просто подумают, что на самом деле это он, всем известный N, а кто-то сам будет упорно выступать под чужой маской (сразу после избрания патриарха Кирилла в «живом журнале» появилось с десяток пользователей, всерьез выдававших себя за него).

Но даже там, где мы абсолютно точно знаем, кто именно пишет под тем или иным ником, он пишет все же совсем неофициально, и его легко бывает подловить: вот смотрите, что такой-то написал! Но ведь это — не книга, не статья, над которой человек думал, которую правил и обсуждал с редакторами. Это случайная реплика в долгом разговоре, порой торопливая, сбивчивая, неаккуратная, и смысл ее полностью определен ситуацией разговора, так что приводить ее в качестве весомой цитаты за подписью этого человека настолько же нелепо, как и случайно подслушанную фразу из его разговора с приятелем.

А самое главное, что сетевое общение лишено интонаций, взглядов и жестов. Люди научились до некоторой степени восполнять этот пробел «смайликами», но разве передадут они тонкую иронию, или мягкое сомнение, или робкую просьбу? Казалось бы, таких оттенков точно так же лишены и традиционные, бумажные письма, но как много говорил нам рисунок на открытке или конверте, почерк... Да и пишущие просто старались тщательно подбирать слова. При сетевом общении обмениваются краткими репликами-выстрелами, иногда как из пулемета, звучащими очень резко, не то что личная или телефонная беседа.

Вот и выходит порой, что многолюдный форум — это такая толпа аутистов, которые хаотично движутся по своим собственным траекториям и бормочут себе что-то под нос. У них нет собеседников, а есть только раздражители: услышал знакомое слово — и начал бубнить о своем, услышал другое — стал ругаться, услышал третье — радостно захихикал. Жутковатая картина получается.

Но все это касается форумов вообще, что же сказать особого о форумах православных? Сам факт прихода человека в Церковь еще ничему его не учит и не делает его лучше, а порой даже наоборот. Мы знаем по опыту, как нетерпимы и самонадеянны бывают неопиты, и тут, по-моему, вообще нет исключений — даже

кротчайший владыка Антоний именно так о своем неопитстве и вспоминал. Еще бы, происходит колоссальная переоценка ценностей, и даже взрослый человек заново становится подростком.

Взять, допустим, форум любителей подводного плавания (я на таких бывал) или вязания крючком (не бывал, но наверняка они есть). Люди приходят на него с конкретными вопросами, не имеющими глобального значения. Они могут получить или не получить ответы, но эти ответы для них — не сверхценность. То ли дело, если человек узнал нечто очень важное о спасении души, о Боге, о жизни и смерти! Тут ему надо срочно поделиться со всеми остальными, тут малейшее расхождение в оценках сразу оказывается ересью, и пошло-поехало...

И так выявляется одна очень серьезная проблема: церковные люди часто просто не знают, о чем им говорить друг с другом. Добродушный и не слишком содержательный треп уже вроде бы не для них, им нужны высокие смыслы, но дотянуться до них не так просто. И вот начинается такой пинг-понг цитатами из Отцов или гиперкритическое исследование на тему «А насколько это православно?». Все уже знают: если наступает пост, то на форумах будут долго и подробно обсуждать, когда именно можно есть креветок и каракатиц. Ну и конечно последуют рассуждения о недопустимости секса, с обличениями, с обвинениями, да такими страстными, как будто разговор тут заменяет сам процесс.

Почему так, разве больше не о чем нам поговорить? Да нет конечно, существуют тысячи самых разных тем. Но они потенциально опасны: а вдруг скажешь что-нибудь не то? Если просто рассуждать о жизни, то ведь вся ответственность на тебе самом, и ты можешь показаться недостаточно православным. Зато о креветках, платочках и постах говорить безопасно, и это очень удобный материал, чтобы каждый мог продемонстрировать другим свою правильность, то бишь православность: смотрите, я тоже знаю, как надо, и даже другим могу это объяснить!

Может быть, таких людей не так уж и много, но голос их бывает не просто слышен — он забивает все остальные голоса. Например, на одном форуме стали обсуждать книгу римского папы, изданную на русском языке, и разговор очень быстро перешел на то, можно ли вообще что-то хорошее говорить о папе, когда католики (ну, разумеется, среди них есть очень хорошие люди) так дурно себя ведут. И сразу стало уже не до этой книги, разговор встал на давно знакомые рельсы и поехал, помчался, набирая обороты...

Вот, пожалуй, в чем самая большая проблема этих форумов: сведение всего богатства и разнообразия живого мира к нескольким удобным и знакомым моделям, где заранее распределены роли и расставлены оценки и остается только безопасное, но и бессмысленное повторение. Или отчаянные попытки всему миру объяснить, что так говорить не надо, что «в Интернете опять кто-то неправ». А сил и времени все это отнимает ой как много...

Есть ли все же на форумах нечто хорошее? Безусловно, есть. Они — некий слепок нашего общества; если говорить о православных форумах, то это слепок церковного общества. На них бывает полезно заглядывать, чтобы понять, что действительно волнует людей, как они говорят об этом, как воспринимают разные аргументы. Помнится, в свое время о. Андрей Кураев «обкатывал» свои статьи перед публикацией именно на своем форуме: он не влезал в бесконечные дискуссии, никому ничего не доказывал, просто смотрел, как будут восприняты те или иные его слова, и порой редактировал черновик статьи, прежде чем его публиковать. Очень разумное поведение, ведь прежде, чем говорить от имени, по поводу или в адрес «церковного народа», полезно бывает с этим самым народом познакомиться.

А неοфиты — ну что неοфиты, это ведь все мы, в конце концов, вот такие мы, но мы стараемся повзрослеть. Думаю, что нам это в конце концов удастся, по крайней мере в Царствии Небесном, если нас туда пустят, конечно, и если мы сами не застрянем на его пороге в бесконечных виртуальных склоках.

ИСТОРИЯ

История повседневности

Сегодня в России довольно популярны книги французского историка Филиппа Арьеса (1914 — 1984) «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» и «Человек перед лицом смерти». Впрочем, не совсем точно будет называть его французским историком. Профессиональная карьера Арьеса была связана с агрономией тропических растений, а историческими исследованиями он занимался в свободное от основной работы время. Научное сообщество французских историков не обращало на него внимания, Арьес и в самом деле выглядел полным маргиналом: это был человек крайне правых, монархических взглядов, какого невозможно было представить себе на кафедре Сорбонны в революционные шестидесятые годы. Впрочем, и к правым организациям вроде «Аксьон Франсез» Арьес примыкать не спешил, они казались ему слишком жестко структурированными. Так он и жил сам по себе, работал по вечерам и в выходные над своими исследованиями.

Мировая известность пришла к Арьесу, когда его работа о детстве была переведена на английский язык. Он получил приглашение выступить с лекциями в

США, и французская академическая публика была шокирована: кто это, откуда? Почему он, а не мы? И тогда профессиональные историки взяли с полки труд дилетанта... Они ведь занимались историей великих людей и грандиозных событий. А этот чудак-агроном зачем-то описывал никому не нужные подробности повседневной жизни людей «при старом порядке» (так французы называют все, что происходило во Франции до революции XVIII века). Ну что там может быть интересного?

Арьес, тем не менее, настаивал: да, физически и психически люди любого времени мало отличаются от современных, но их социальная жизнь и категории, в которых она описывается, могут быть совершенно другими, чем те, что привычны нам. Он сделал удивительный вывод: оказывается, в Средневековье не было детства. То есть дети, конечно, были, но... общество не признавало за ними никаких особых прав, не обращало внимания на их особые потребности. Сначала это были новорожденные младенцы, беспомощные и неспособные к труду, а потом они постепенно становились маленькими взрослыми: точно так же одевались, питались, работали, молились в меру своих маленьких сил. И никакого «самого прекрасного возраста».

Какой разительный контраст с современной цивилизацией, воспевающей и культивирующей детство, так что даже взрослые люди порой пытаются остаться в нем как можно дольше... Погодите, а если не было детства, значит, не было и особой подростково-молодежной культуры? И если человечество прожило так многие века и появилась эта культура относительно недавно, значит, она не есть нечто изначальное, совершенно необходимое, и...

В общем, вы понимаете, почему Арьес не преподавал в Сорбонне. Но за книгой о детстве последовала книга о смерти: как воспринимали ее в разные века, как строили свою жизнь люди, зная, что не вечны ни их близкие, ни они сами. Выбор этой темы тоже неслучаен: насколько современная цивилизация превозносит детство, настолько прячет она смерть подальше от наших глаз, словно это случайная неприятность. Арьес подробно рассказал нам о других подходах, и, как ни странно, его оценила вечно бунтующая молодежь: на одном из «готических» сайтов труд Арьеса назван «настольной книгой любого уважающего себя гота».

Пусть Арьес не был первым историком, обратившим внимание на жизнь обычного человека, но его неожиданный успех, пожалуй, произвел своего рода переворот. Сегодня нам привычно

видеть на полках книги из серии «Повседневная жизнь человечества», а ведь еще полвека назад на эту самую повседневность историки обращали не больше внимания, чем архитекторы — на куличики играющих в песочнице детей. Как писал В. Маяковский: «...единица — ноль, единица — вздор». То ли дело ход войн и революций, смены правительств, великие открытия... Они важны, спору нет. Но сами по себе они еще не дают полной картины.

Не случайно манипуляторы историей вроде академика Фоменко легко переставляют эти великие имена и события в любом порядке. Убедительно по-своему выходит: этруски — это русские. А заодно русскими оказываются и пруссы, и осаждавшие Трою ахейцы, и вообще все подряд. Но стоит спросить: а как одевались эти самые этруски-русские, как строили свои дома, каким богам молились и как смотрели на окружающий мир — и окажется, что они делали это очень и очень по-разному. Фальсификация не выдерживает проверки деталями.

К тому же история великих людей и событий слишком легко поддается идеологическим перестановкам: позавчера у нас большевики официально были очень хорошими, вчера очень плохими, сегодня они вроде как средние, а что завтра? Не случайно столь популярным стал в последнее время фантастический жанр «альтернативной истории»: а что, если бы тогда повернулось вот так или вот эдак... В XX веке историю слишком активно перерабатывали «сверху», вот и возникает у нас в XXI веке желание заняться тем же самым снизу, в частном порядке.

Но если всмотреться в реальную жизнь наших предков, сразу начинаешь видеть то, что с высоты идеологий и философий просто бывает не разглядеть, — но и не перевернуть. Фальсификатор или идеолог начинают с выводов и пренебрегают фактами, но разумно поступает тот историк, который излагает факты в их цельности и полноте, не упуская мелочей, и предоставляет каждому читателю делать свои выводы. Один из примеров такого подхода — две прекрасно изданные книги В. Руги и А. Кокорева «Москва повседневная» и «Война и москвичи». Сами названия не случайно отсылают читателя к «Москве и москвичам» В. Гиляровского. Они показывают нам жизнь нашего города в начале XX века, только с позиции историка, а не «естествоиспытателя», как у Гиляровского. Вот она, реальная «Россия, которую мы потеряли», а не идеологический конструкт по ее мотивам: с маршрутами трамваев и ценами на трамвайные билеты, с описанием всех

радостей и всех проблем обычного городского жителя (жилищный вопрос москвичей и тогда еще портил, оказывается). Прочитав эти книги, словно бы окунаешься в мир наших прадедов... и опять-таки можешь сам для себя все решить.

Интересно что в последнее время появляются подобные книги и про время, которое мы почти все помним, разве что за исключением детей. Это прекрасная серия Л. Парфенова «Намедни — наша эра», родившаяся из телевизионного формата. Конечно, она выглядит очень гламурно, в ней немало саморекламы, и похожа она на сборник клипов (всего много, все несвязно), но это, наверное, неизбежное наследие телевизионного формата. Есть в ней и небольшие ошибки — причем такие, которые читатель сам может найти. Например, Парфенов пишет, что в 1988 году отменили военные кафедры и студентов стали призывать в армию. По собственному опыту могу сказать, что призывать студентов стали на несколько лет раньше и кафедр не отменяли, просто студентам перестали давать отсрочку.

Но в целом эта книга мне кажется важной и нужной, не только как способ утолить ностальгию по детству, не только как материал для будущих историков. Прежде всего, это для нас способ взглянуть на реальное прошлое, и незначительные на первый взгляд детали порой говорят тут гораздо больше, чем повествования о великом и славном. Нет, они тоже конечно нужны, повествования о великом, но... есть такая книга, Библия, и она учит иногда прислушиваться к веянию тихого ветра и всматриваться в сумрак пещеры, где спит неприметный Младенец. Ведь если этого не сделать, можно слишком многое пропустить.

Новомученики России

Мы знаем многих мучеников первых веков христианства. Но почему православные в нашей стране отмечают еще и особый праздник в честь российских новомучеников и исповедников? Кто эти люди, знаем ли мы их имена? Чему учит нас опыт их жизни, а вернее, — смерти?

Вечером 25 января (7 февраля нового стиля) 1918 года позволили в парадную дверь квартиры митрополита Киевского Влади-

мира в Киево-Печерской лавре. Вошли пять вооруженных солдат во главе с матросом: «Где Владимир-митрополит? Мы желаем с ним переговорить». Разговор проходил в спальне митрополита, без свидетелей, он был бурным, но недолгим. Митрополит вышел, попрощался с келейником, его увели одного, не пустив келейника дальше ворот. Послышались выстрелы... «Так всех вас по одному повыведем», — бросил на ходу монахам один из революционных солдат, торопившихся к месту расстрела, но не успевший принять в нем личного участия.

Владыка Владимир (Богоявленский) не был первым «церковником», погибшим от рук новой власти: уже 31 октября 1917-го, через шесть дней после переворота, в Царском Селе отряд красногвардейцев убил протоиерея Иоанна Кочурова, были и другие жертвы в других местах. Но это убийство стало знаковым: митрополит Владимир был почетным председателем Поместного собора, да и вообще одним из известнейших иерархов Русской Церкви. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, так отозвался об этом событии: «Конечно, судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим, что эта мученическая кончина владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки-России».

В апреле 1918-го, когда окончательно стало ясно, что речь идет не об отдельных инцидентах, но о войне новой власти с Церковью, да и с собственным народом, Поместный собор учредил «ежегодное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников».

Можно сказать, что Православная Церковь оказалась совершенно не готовой к грозным событиям 1917 года, — впрочем, кто тогда был к ним готов? Вековые устои распадались, и для многих простых людей, когда не стало царя, — не стало и Бога. Генерал А.И. Деникин вспоминал, как после Февральской революции одна из стрелковых рот на фронте оборудовала церковь себе под казарму, а в алтаре сделала отхожее место — и ни один человек не возмутился. Как это могло быть, тем более на фронте, где смерть была совсем рядом? Неужели все они в один день стали ярыми атеистами? Скорее, таких нашлось

двое-трое человек, а остальные просто остались безразличными, не решились возразить наглецам.

Нечто подобное происходило в те месяцы и в масштабах всей страны: агрессивное меньшинство навязывало свою волю пассивному большинству. И Церковь, казалось бы, не могла найти себе место в столь быстро менявшейся обстановке, ничего не могла противопоставить такому натиску революционеров. Но одно, по крайней мере, оставалось неизменным: возможность умереть за Христа. Этого слишком мало? Да, кто-то ведь брал в руки оружие и шел сражаться с большевиками, а кто-то всего лишь становился их мишенью...

Всего лишь? Но не так ли выстояла и победила Церковь в первые века своего существования, когда ее гнали и преследовали римские власти? «Кровь мучеников есть семя Церкви», — говорил тогда христианский писатель Тертуллиан, и это действительно было так. И по сходству с теми, древними христианами, убитых в XX веке называли новомучениками.

Здесь, правда, есть одно существенное отличие. Те, древние мученики, как правило, стояли перед выбором: отречься от Христа или погибнуть. Им предлагали принести жертву языческим богам. Даже не обязательно было в этих самых богов верить, достаточно было совершить пустое формальное действие, какое совершали тысячи: высыпать горсть благовоний на языческий алтарь, тем самым присоединиться к государственному культу, доказать свою благонадежность. Если христиане не шли на этот шаг, их убивали.

О чем говорили революционеры с митрополитом перед тем, как повели его на расстрел? Уговаривали его признать, пусть даже формально, советскую власть, вывесить красный флаг над домом? Или искали тайник с золотом? Или просто оскорбляли и били его? В нашем мире это так и останется тайной. Но мы знаем, что во множестве других случаев жертвам не предлагался никакой выбор: их убивали просто за то, что они принадлежали прежде к «эксплуататорским классам», были богатыми, успешными, сильными... или хотя бы казались таковыми.

Да, среди новомучеников были и такие, кто активно воспротивился очередному глумлению большевиков над святынями, — например, «вскрытию мощей» или изъятию церковных ценностей «в помощь голодающим» (а на самом деле просто очередно-

му ограблению ради текущих нужд партии и правительства). Но в огромном большинстве своем это были люди, которых просто убили для того, чтобы их не было на свете. Даже если бы они тогда принесли жертвы новым идолам, это вряд ли избавило бы их от смерти. Можно ли тогда считать их мучениками, если у них не было выбора?

Но не случайно прозвучала в словах святителя Тихона дерзкая, казалось бы, мысль о том, что эти смерти ведут к «очищению от грехов России». И его слова повторил патриарх Кирилл в мае 2009 года, совершая богослужение на Бутовском полигоне, месте массовых расстрелов под Москвой: «Вот тут-то и требуется сила — идти узкими вратами в Царствие Божие, идти против течения, идти против общего потока в надежде на то, что если многие люди пойдут против этого потока, то и мутные воды останутся, а может быть, и повернутся вспять».

У всех этих людей был в свое время выбор. Они могли пойти на сотрудничество с новой властью. Не обязательно даже было самим доносить, достаточно было просто отречься от всего прежнего, бегать на митинги, носить флаги, повторять лозунги... Многие поступили так, и многие (хоть и не все из них) так сохранили свои жизни. Но были люди, которые предпочли остаться собой, сохранить верность своим убеждениям, чего бы им это ни стоило. Режим требовал от них забыть не только о вере, но и о былой, бесклассовой морали, отречься не только от Бога, но и от человека: предать семью, учителей, соседей. Они отказались приносить такую жертву идолам. И поэтому каждый из них — мученик или исповедник.

В базе данных Свято-Тихоновского университета — более тридцати тысяч человеческих имен и судеб. На самом деле убиты были миллионы, и про большинство из них мы никогда не узнаем: когда они умерли, при каких обстоятельствах, оставались ли они верны Христу до смерти. А может быть, наоборот, кто-то из бывших палачей за час до собственного расстрела обратился к Богу с покаянной молитвой, как благоразумный разбойник? Мы ничего не можем сказать наверняка, кроме одного: такие люди были.

Перелистывая страницы с именами жертв, невольно пытаешься представить себе этих людей. Вот мой однофамилец, тезка моего отца и моего сына — сельский священник Сергей Десницкий, родился в 1882 году в Псковской губернии. В 1933 году

осужден на 5 лет, в 1937 году снова арестован (видимо, до того освобожден был досрочно, по зачетам?), осужден и расстрелян. В 1955 году реабилитирован. Вот и все, что я знаю об этом человеке... Каким он был, как он жил и как шел он на смерть?

Понятно, что в СССР праздновать память исповедников и новомучеников было совершенно невозможно. Ее чтили православные за рубежом, а в марте 1991 года и Синод РПЦ принял решение о возобновлении этого празднования. Не раз с тех пор тема новомучеников поднималась в церковно-политическом контексте, для того, например, чтобы провести разделение между «чистой» зарубежной Церковью и Московской патриархией, «запятнавшей себя соглашательством с безбожными властями».

Да, конечно, глядя на подвиг этих людей, мы не можем не почувствовать, насколько обличает нас наш собственный опыт соглашательства с грехом. Но все-таки их благородная смерть — повод не для разделения, а для объединения всех. Точно так же и сами они были людьми разных званий и убеждений, во многом не соглашались друг с другом при жизни, наверняка не были безгрешны. Но в какой-то главный момент они пошли на Голгофу за Христом, и встретились там с Ним и друг с другом. Не случайно в тропаре этого праздника говорится о них обо всех сразу, как о народе Божьем: «Днесь радостно ликует Церковь Русская, прославляючи новомученики и исповедники своя: святители и иереи, царственные страстотерпцы, благоверные князи и княгини, преподобные мужи и жены и вся православные христиане, во дни гонения безбожного жизнь свою за веру во Христа положившие и кровью Истину соблюдавшие».

С тех пор очень многое изменилось. Церковь давно уже не гонима, мы свободны в нашем вероисповедании... Дело доходит до того, что в сознании некоторых людей мирно уживаются православие и сталинизм, как будто можно одновременно чтить и жертв, и их главного палача. Но означает ли такое спокойствие, что нет у нас и больше не будет новомучеников? Никак. 19 ноября 2009 года в московский храм вошел человек в маске, он позвал по фамилии священника, прозвучали выстрелы... История повторяется.

Еще в Евангелии было сказано, какой может быть цена следования за Христом, и нет ничего удивительного, что лучшим из нас доверяют уплатить ее сполна.

Ревизионизм, или Ничего нового

Есть в современной России один праздник, который согревает все сердца. Новый год и то празднуют не все — а вот Победа у нас действительно одна на всех, только говорят о ней не все одинаково.

В позднесоветское время моего детства очень ощущалась разница между, условно говоря, «Малой Землей» Брежнева и песнями Окуджавы. И тяжеловесная государственная риторика уравнивалась простыми рассказами настоящих ветеранов где-нибудь в плацкартном вагоне за бутылкой водки. Это была та же война, только не парадная, не гламурная, а страшная и грязная, и я затаив дыхание слушал на своей верхней полке, с какими на самом деле криками ходили тогда в атаку и какой ценой брались все эти высоты.

Однажды встретились в таком вагоне ветеран и дембель, возвращавшийся из Афганистана. «Да как ты можешь говорить, что воевал! — возмущался ветеран, — разве ты знаешь, что такое война!» И дембель ответил спокойно: «Это кровь, пот и вши». И ветеран вдруг как-то сразу сник и только удивленно спросил: «Как же это... опять?» Он узнал настоящую войну не в победных салютах, а в этих окопных деталях.

Сегодня их почти не осталось, бывших ветеранов. И все меньше среди нас даже детей военной поры, кто тушил на крышах зажигалки, кто делил продуктовый паек и ждал похоронок... А государственно-праздничный гламур — он звучит все бронзовей, все набатней. Все меньше про ту Победу, все больше — про нынешние достижения. Парады на Красной площади с новейшей военной техникой — будто попытка убедить самих себя, что теперь-то у нас все в порядке, теперь не будет никакого 41-го. Только ведь и на Первомай 41-го выводили на Красную площадь новейшую технику того времени... И теперь уже не уравнивают этот гламур разговоры в плацкартном вагоне, да и вообще люди отвыкли от внутреннего фильтра советских времен, когда все, исходящее из официальных источников, обсуждалось на кухнях совсем в другом ключе.

Зато осталась у нас память, что той войне гламур не очень-то подходит, что имел место не только массовый героизм советского народа, но было и много грязного и кровавого. Мы не готовы согласиться с глянцевою официальной картинкой. И тогда на сцену выходят те, кого принято называть ревизионистами, и рассказывают, что на самом деле все было наоборот: это Сталин хотел напасть на Гитле-

ра, но не успел, и советские солдаты убивали и насиловали мирных жителей Германии, и вообще День Победы 9 мая — это день победы Сталина, а все «нормальные люди» отмечают ее 8-го числа.

Ну, с датами празднования все на самом деле понятно: акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан 8 мая в 22:43 по центральноевропейскому времени, то есть 9 мая в 0:43 по московскому времени. Тут разница в часовых поясах, а не в степени демократичности. Но можно ли вообще отделить «победу Сталина» от Победы тех, чью память хранит каждая семья в нашей стране? Может быть, правы ревизионисты, когда говорят, что один тоталитарный режим победил другой и ни один из них не лучше?

Нет. В истории, как и вообще в человеческой жизни, «химически чистое» добро встречается очень редко. В 1941 году поэт Н. Глазков написал:

Господи, вступи за Советы,
Упаси страну от высших рас,
Потому что все Твои заветы
Гитлер нарушает чаще нас...

Может быть, и не чаще, но наша Победа позволила миру стать таким, каков он есть сейчас, а победа Гитлера не оставила бы на это ни малейшего шанса. И потому, каким бы ни был Сталин, другого практического ответа, кроме как воевать и победить, у наших дедов не было. К слову сказать, у демократичных американских союзников в то время черный солдат не имел права пить из одной фляжки с белым, и можно сказать, что этот расизм был не намного лучше нацистского. Но именно победа над Гитлером — одна на всех — приблизила время избавления от расизма в Америке и от сталинизма в России. Как писал об этом Б.Л. Пастернак в эпилоге знаменитого романа, «хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание».

Так что же говорят нам ревизионисты? Да ничего нового на самом деле. Ну вот, например, что Сталин сам хотел напасть на Гитлера, но опоздал. Во-первых, у меня лично нет никаких сомнений, что Сталин вовсе не был Махатмой Ганди и что удар в спину Гитлеру он нанес бы при случае вполне охотно. Он силой присоединил Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию, ввязался в войну с маленькой Финляндией — это уже достаточно много

говорит о его внешней политике. Вполне возможно, что планировал он и нападение на Германию, когда та завязнет в боях на Западном фронте (чего не случилось). Но все же планировать и совершить — это разные вещи. То, что произошло 22 июня, сделало солдат Красной армии защитниками своего Отечества и других стран Европы, и какие бы планы ни лежали в штабных сейфах, они уже ничего не могли изменить.

Или возьмем историю знаменитой атаки подводной лодки под командованием А.И. Маринеско — в январе 1945 года она потопила в Балтийском море немецкий лайнер «Вильгельм Густлофф». Советская пропаганда восхваляла подвиг советских подводников, а сейчас нам говорят, что на том корабле было около пяти тысяч беженцев, в основном женщин и детей, из которых многие погибли. Соответственно это не подвиг, а трагедия мирных жителей, говорят нам. Но позвольте, тот лайнер к тому моменту давно использовался как база немецких подводников, он шел в составе военного конвоя и под военно-морским флагом, а на борту, помимо беженцев и экипажа, было около тысячи человек из учебной подводной дивизии. Маринеско имел все основания атаковать лайнер как военный корабль и он провел свою атаку блестяще. Подвиг подводников был настоящим, хотя советская пропаганда преувеличила его значение, говоря, что на нем погибли чуть ли не все подводники Германии.

Но кто виноват, что на его борту оказались беженцы из Восточной Пруссии? Германский сайт, посвященный трагедии, сообщает: «When the Nazis broke their pact with Stalin and invaded Soviet Russia in 1941, their tactics were often brutal and cold... When the tide eventually turned and the Soviets were marching toward Berlin, the Red Army had no mercy — and exacted horrific revenge» (<http://www.wilhelmgustloff.com/unknown.htm>). Сравним: «...тактика нацистов часто бывала brutальной и холодной» и «...Красная армия никого не щадила, производя ужасающую месть». Сразу становится видно, на чьей стороне симпатии автора. Но все-таки, сдается мне, ответственность за гибель этих людей несут прежде всего нацисты, которые сумели до такой степени настроить против себя население оккупированных территорий, что теперь их собственным женам и детям приходилось бежать от мести.

Да, мой дед рассказывал, что в Австрии сразу после вступления туда советских войск солдаты насиловали местных женщин и командование первое время смотрело на это с безразличием. Он лич-

но спас одну женщину, но это была его инициатива, он просто как офицер командовал солдатам: «Отставить!» Нельзя оправдать, нет, но можно понять тех солдат: они прошли через страшную войну, посмотрелись на зверства нацистов, потеряли своих близких. Я не знаю, как сам бы повел себя на их месте. И главное, вполне возможно заметить разницу между советским командованием, которое до поры не препятствовало своим солдатам творить насилие, и нацистским командованием, которое хладнокровно приказывало своим солдатам поголовно уничтожать расово неполноценные элементы. Это совсем не одно и то же.

То есть ревизионисты говорят нам то, что мы и без того уже знаем. Но почему тогда нам об этом говорят? День Победы, как все мы знаем, — это один из немногих символов, которые объединяют весь наш народ. Этот символ действительно зачастую эксплуатируют не к месту, когда, например, вместо реальной помощи немногим оставшимся в живых ветеранам устраивают помпезные шоу. Этот символ стал главной опорой советской мифологии: что бы там ни было, но зато СССР под руководством коммунистов одержал Победу!

И ревизионисты, не соглашаясь с этим, выстраивают другую систему, не менее мифологичную, не менее далекую от исторической правды: сталинский и гитлеровский режимы были близнецами-братьями, не было никакой разницы, за кого воевать. Только на самом деле оказывается, что эта позиция совпадает с позицией наиболее реалистичных руководителей Третьего рейха, которые весной 1945-го пытались убедить наших западных союзников: пусть Германия капитулирует только перед ними, а борьба цивилизованных народов против диких большевистских орд должна быть продолжена ради будущего Европы. Тогда на это не пошел никто, и не видно никаких реальных причин возвращаться к этим идеям сегодня.

А войну мы действительно знаем не гляцевую, не парадную. Это война Василя Быкова и Виктора Астафьева, война наших ушедших дедов и прадедов, война немногих оставшихся ветеранов. Праздник со слезами на глазах, праздник памяти, и для меня важнее всяких парадов утром 9-го Мая 2009 года оказалось море цветов на воинских могилах Преображенского кладбища, подростки в почетном карауле у этих могил и несколько священников в красных пасхальных облачениях, которые, возвращаясь после панихиды, радостно приветствовали людей с цветами в руках: «Христос воскрес!»

Кстати, песни Окуджавы поют каждое 9-е Мая — это ведь еще и день рождения Булата Шалвовича — на Трубной площади у Театра современной пьесы. Приходите!

Споры не о Власове

В 2009 году в церковной и околоцерковной среде неожиданно много говорилось об истории XX века. Едва улеглись страсти вокруг заявления вл. Илариона о роли в нашей истории товарища Сталина, как тут же поднялась новая волна — на сей раз по поводу заявления Архиерейского Синода РПЦЗ о книге прот. Георгия Митрофанова. А затем подоспел двухтомник под редакцией А.Б. Зубова и новая волна споров... В них постоянно звучит одно знаковое имя: генерал Власов. Звучит оно настолько громко, что трудно бывает понять: почему?

На самом деле все, что я мог бы сказать об этом человеке, уже сказано другими, и мне добавить нечего. Ведь споры-то на самом деле идут не о Власове: ну что нового можно сказать об этом человеке спустя более полувека после его казни? Никаких новых обстоятельств его жизни никто не открыл и вряд ли откроет, никаких новых доводов никто не привел и вряд ли приведет.

Споры идут о восприятии нашей с вами истории, и чтобы понять это, нам стоит вспомнить, как в недавнем прошлом описывали совсем другую войну — Гражданскую. В советские годы эта война была знаковой, главной — все советское государство, вся его идеология существовали потому, что победила тогда одна из сторон, и они никогда не забывали нам об этом напоминать. Да что государство, романтика «Неуловимых мстителей» не просто насаждалась сверху, она действительно разделялась большинством народа, и даже молодой Булат Окуджава пел о том, как «комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Сегодня, правда, некоторые думают, что это он за белых собирался воевать, но ведь не пел он в ту пору песен про белых, зато про «комсомольскую богиню» пел.

А теперь вспомним, как говорили тогда о другой, проигравшей, стороне. Если судить по кинематографу, то первые полвека советской власти, вплоть до тех самых «Неуловимых мстите-

лей», белая гвардия изображалась как сборище наглых и жестоких идиотов. Но все-таки в «Новых приключениях неуловимых» пронзительную песню о русском поле пел не кто иной, как белый офицер. А вскоре вышли и «Бег», и «Дни Турбиных» по Булгакову — и вот к шестидесятой годовщине революции белый офицер на советском экране из мерзавца превратился в трагическую фигуру. Он тоже любил на свой лад Родину, хоть и ошибся в главном выборе. А под конец советской власти благородный поручик Голицын окончательно затмил всех комиссаров с их шлемами.

Полвека потребовалось нашей стране, чтобы только начать выходить из Гражданской. Этот выход еще далеко не завершен, один мой приятель рассказывал мне, как ездил этим летом на Дон, где жили его предки. Как он сказал, там до сих пор никто не забыл, за кого чьи предки воевали в Гражданскую, кто и кого расстреливал и раскулачивал. Гражданская там все еще продолжается, добавил он.

Я ни в коем случае не сравниваю власовцев и белогвардейцев — это две совершенно разные истории. Одни изменили присяге в самый тяжелый момент, а другие оставались присяге верны, даже когда не стало тех, кому они присягали. Да и внешне Власов очень мало похож на Деникина или Колчака, это вообще фигура совершенно иного масштаба.

Я просто отмечаю: вот уже скоро семь десятилетий отделяют нас от тех небывалых в русской истории событий, в ходе которых многие тысячи солдат не просто сдались в плен, но и стали воевать на стороне жестокого и непримиримого врага своего собственного народа. Может быть, все эти споры свидетельствуют о том, что мы наконец-то начинаем расставаться с однозначными черно-белыми картинками: патриот — предатель? Может быть, начинаем понимать, что попытка понять произошедшее — вовсе не то же самое, что попытка оправдать чей-то ошибочный выбор?

Сделать это особенно трудно как раз потому, что Великая Отечественная для нас — часть нашей идентичности, а не просто страница истории. День Победы — по сути, единственный общенациональный наш праздник «со слезами на глазах», который встречаем мы все, невзирая на социальное положение, возраст, национальность, профессию и даже гражданство. И сегодня нет ничего более оскорбительного для нас как для нации, чем попытки объяснить нам, что не было никакой разницы между вермахтом и Красной армией, что восточноевропейские легионеры

СС — это на самом деле патриоты своих маленьких, но гордых стран, и все такое прочее. Реакция на такое бывает совершенно рефлекторная, как на пощечину, и это правильно.

И всякое упоминание «неоднозначности» Власова и РОА часто воспринимается нами просто как еще один подобный заход, как попытка лишить нас Победы, которая «одна на всех». Тем более сейчас, когда демагоги из «ближнего зарубежья» действительно пытаются с нами такое проделать.

Но ведь в зарубежной части нашей Церкви все это видится совершенно иначе — просто потому, что там на одной службе в храме до сих стоят те, кто воевал и по ту, и по эту сторону фронта, или же их дети и внуки. У них просто не было другого выхода, кроме как простить и принять друг друга. Моя подруга из Канады рассказывала мне, как с замиранием сердца слушала фронтовые воспоминания одного старика из своего прихода, он говорил о молодости и смерти. А она тогда так и не решилась задать вопрос: а на чьей стороне он воевал? И может быть, правильно, что не решилась. Все исторические оценки были расставлены в Нюрнберге, а личный выбор того 18-летнего парнишки, каким он тогда был, — это его личная история, и не должна она определять отношение к человеку, с которым спустя более полувека ты подходишь к Чаше. И где, как не в Церкви, начинаешь это понимать?

Впрочем, черно-белого восприятия хватает и на другой стороне, когда, например, Великую Отечественную пытаются назвать «второй гражданской». Дескать, была предпринята новая попытка сбросить большевиков... К счастью, в нашей стране так думают единицы, так что говорить об этом подробнее не имеет смысла.

Есть у этой проблемы и еще одна сторона. Ревизионисты навязчиво объясняют нам: Сталин был не лучше Гитлера, значит, Красная армия была не лучше вермахта. Мы не можем с этим согласиться, но это не значит, что мы должны просто переворачивать эту извращенную логику: обелять сталинизм ради того, чтобы оправдать подвиг наших дедов на поле боя или утверждать, что в Красной армии были только ангелы, в вермахте — только демоны. Наши деды, честное слово, в этом совершенно не нуждаются. Зато в этом нуждаются ревизионисты, которым важно доказать, что нынешняя Россия — преемница сталинского режима во всех смыслах.

Только когда мы будем всерьез и подробно изучать собственную историю, не пряча ее грязных и страшных страниц, мы увидим наших фронтовиков живыми людьми, а не бронзовыми статуями.

В одном окопе зачастую оказывались раскулаченный крестьянин и раскулачивший его активист, ээк-штрафник и посадивший его доноситель. Общественная трагедия войны на выживание сплеталась со множеством личных трагедий, и далеко не все поступали тогда наилучшим образом — и все-таки мы победили!

О той войне у нас принято было говорить: никто не забыт, ничто не забыто. Это не совсем так. В тех самых местах, где летом 1942 года была окружена и разбита 2-я ударная армия генерала Власова, поисковики до сих пор находят незахороненные останки солдат. Точно так же и в нашей истории есть много таких эпизодов, говорить о которых нам трудно, о которых мы хотели бы забыть, — но в прошлое нужно взглядеться, его нужно осознать, иначе невозможно будет окончательно перевернуть эту его страницу и вынести из нее хоть какой-то урок.

Так что попытка отказаться от шаблонов восприятия и чернотелых оценок вовсе не обязательно должна быть капитуляцией перед наступающими ревизионистами или условным согласием с чужим предательством (кстати, еще не известно, как мы бы повели себя на месте тех пленных советских солдат). Это может быть попыткой найти потомков потерянного брата и пригласить их на наш общий праздник Победы.

Наследие девяностых

Сегодня принято отмахиваться от «проклятых девяностых». Да, мы сознаем, что живем в стране, которая сложилась именно в это самое десятилетие, мы все родом оттуда — но нам трудно простить тому десятилетию бедность, унижение и, самое главное, обманутые надежды. Так человек, вступающий в зрелый возраст, оглядывается порой на свое бурное отрочество: ну да, оно было, оно определило мою нынешнюю жизнь, но как хорошо, что уже прошло! Но сейчас я хотел бы поговорить только об одном родимом пятне, которое, кажется мне, никак не пройдет у нашего общества...

Тогда, в эпоху первичного накопления, наши новые капиталисты периодически говорили с экранов и газетных полос: «Если вы такие умные, почему вы такие бедные?» — и даже как-то неловко

было на это возражать. Помню, как в телеинтервью успешный режиссер, брат другого режиссера и сын гимнаста, приехавший на время из Голливуда, рассуждал о проблемах бедности: людям просто не нужно соглашаться работать за низкую зарплату! Несомненно, в Голливуде он именно так и поступал.

Сытые и успешные люди повторяли это на все лады, им даже как-то не приходило в голову, что если бы разом забастовали и потребовали достойной зарплаты даже не их личные визажисты и шоферы, а всего-навсего водители троллейбусов, школьные учителя и продавцы в уличных палатках, жизнь в стране просто бы замерла. Уж не говоря о том, что в любой стране есть люди, физически неспособные позаботиться о себе, и что никто из нас от такой участи не застрахован.

Да и школьная арифметика подсказывает: если стремительно богатеет некая часть общества, но при этом в стране падает производство, равно как и цены на экспортные товары, — остальное общество может только стремительно беднеть. Иными словами, стать в одночасье миллионером можно лишь при условии, что тысячи других людей в одночасье станут нищими. «Вы такие бедные, потому что мы такие умные» — вот что следовало бы говорить с телеэкранов.

Кажется, до сих пор эта простая мысль не приходит людям в голову. Два столичных градоначальника, обладатели немалых состояний, публично сообщили: как раз в те годы, когда создавались эти состояния, на подведомственной им территории люди десятками умирали от голода. Что же отсюда следует? Они хотели извиниться, рассказать нам, что вовсе не этого добивались, что не думали тогда о последствиях? Хотели поделиться своими деньгами с теми, кто пострадал тогда, или с их потомками? Нет, они хотели показать пальцем на покойного премьер-министра: это он виноват.

Он уже там, где с него спросится за все, в чем виновен. Но не чувствовать никакой неловкости, делая такие признания... Этому мы действительно научились в девяностые. У Леонида Филатова потешный царь и то говорил: «Утром мажу бутерброд — сразу мысль: а как народ? И икра не лезет в горло, и компот не льется в рот!»

Новые богатые сделали то, что прежде обещали коммунисты, свой, «новый мир построили»: закрытые коттеджные поселки, особые магазины, клубы, школы для детей... Единственным общим пространством, по сути, остались городские улицы — вот почему у нас столько анекдотов про столкновение «запорожца» с «мерсе-

десом». Собственно, кроме ситуации ДТП у владельцев этих двух машин практически нет шансов увидеть лицо друг друга.

Когда богатые поехали на альпийские курорты и в лондонские особняки, Европа вздрогнула: не то чтобы там не привыкли к роскоши, но там не принято было выставлять ее напоказ. Наоборот, любой западный миллиардер считает своим долгом помогать тем, «кому меньше повезло в жизни» (такая у них формулировка). Можно долго ругать спекулянта Дж. Сороса, но именно его гранты позволили выжить и остаться в России множеству талантливых ученых, его же гранты поддерживали на плаву наши провинциальные библиотеки. Многие ли из тех, кто вздохнул рассуждает о патриотизме, могут похвастать подобным?

Впрочем, не только наши богачи изумляют своих европейских коллег; примерно такое же впечатление производят арабские шейхи. Что поделаться, «new money», вздыхают европейцы, зато правнуки научатся вести себя хорошо и станут новой аристократией. Наши-то графы и бароны тоже в основном из удачливых разбойников, добавляю они с мягкой улыбкой.

Но к чему обсуждать властителей, нынешних и прошлых? Давайте попробуем заговорить о «проклятых девяностых» с родными и знакомыми, и мы тут же обнаружим одно интересное явление. Люди почти всегда будут рассуждать по принципу: «А вот я тогда жил так-то, значит, это было такое-то время». Один был школьным учителем и падал в голодные обмороки прямо на уроках, а другой — начинающим предпринимателем, который именно тогда сколотил первый капитал. Один вынужден был бежать из родного дома от надвигавшейся войны на Кавказе, а другой получил загранпаспорт и свободу передвижения по всему миру... И вот один будет с пылом рассуждать о «проклятых», другой — о «благословенных» девяностых. И они почти никогда не договорятся меж собой, словно они прожили это десятилетие не в соседних домах, а в разных вселенных. Один не хочет почувствовать боль другого или порадоваться его успеху. Его вселенная определяется только его собственными ощущениями, в ней нет места для чувства солидарности.

Вот оно, это родимое пятно звериного капитализма, и не одних богатых поражает эта болезнь — атомарность общества. Достаточно посмотреть, как нищие дерутся за место в подземном переходе... Люди стали не просто свободными и независимыми, они стали совершенно чужими друг другу. До некоторой степе-

ни это естественный процесс для всех урбанистических обществ, немыслимо сейчас представить, чтобы горожане праздновали свадьбу всем подъездом, как это было в 50-е годы. Но и в самых урбанизированных обществах все же сложились какие-то формы социального партнерства, какие-то ограничения.

В начале девяностых мы жили в самом центре Москвы, и огромная толкучка, начинавшаяся от «Детского мира» и ЦУМа, постепенно докатилась и до нашего тихого переулочка, так что бывало трудно пройти. А торговцы еще и ругались: ходят тут, мешают! Продавалось там все, от батона колбасы до карт Генштаба. Днем наш подъезд служил то примерочной кабинкой, то туалетом. А по ночам там нередко ночевали бомжи — однажды один из них, низкорослый, сумел как-то забраться в коляску нашей дочери, прямо в ней и спал. Пришлось ее выкинуть, а где было взять новую?

На первом этаже была огромная коммуналка — ее расселили, продали, и новые хозяева пробили отдельный вход с улицы и организовали там, судя по всему, нечто связанное с интимными услугами. Теперь подъезд стал местом дежурства работавших в этой конторе девушек. Но и они ненадолго задержались: в бывшую коммуналку въехала организация посерьезнее, хотя и снова без вывески. А заодно расселили и продали коммуналку на втором этаже, сделав отличный ремонт в подъезде ровно до второго этажа.

А рынок действительно брал свое: вместо крикливых теток с клеенчатыми сумками появились сначала палатки, потом магазинчики, потом и целые торговые центры. В подъезде вместо простых окурков стали бросать шприцы, потом и они исчезли, возник кодовый замок и камера видеонаблюдения. Сегодня это район сплошных бутиков, банков и пятизвездочных отелей. Я не узнаю этот район Москвы, где прошло мое детство. Уехали почти все прежние жильцы (и мы в том числе), снесены почти все прежние здания, и за их фасадами разместилось нечто абсолютно недоступное простым москвичам.

Стало чисто, вежливо и дорого, но многое ли изменилось по сути? Не скрывают ли эти фасады таких же разобщенных, растерянных людей, которые все так же бьются за деньги, все так же не доверяют ни друг другу, ни государству, все так же живут по принципу «будем есть и веселиться, ибо завтра умрем»? Или они научились чему-то иному, лучшему, — может быть, во время последнего кризиса? Я не знаю. Но если нет, — тогда наши «проклятые девяностые» не закончились и по сию пору.

Реституция вечного?

Я еще застал их, стариков, наших родственников, родившихся и проведших раннее детство в родовом имении, где-то... кажется, в Курской губернии. Не помню, где именно, — я ведь никогда там не был. Была даже мысль поехать, посмотреть — старики ведь точно могли рассказать, пока были живы, где стояло имение. Да вот не знаю, что могли бы мы там увидеть и что сказали бы местные жители, если бы к ним явились дальние потомки и родственники былых господ.

Но я совершенно точно знаю, что сказали бы они, если бы мы заговорили о реституции, — о возвращении некогда национализированных земель и строений потомкам их былых владельцев. Самое главное, они, почти по Маяковскому, спросили бы: а ваши бабушки-дедушки кто? Что они делали после семнадцатого года? Строили социализм? Ну вот вам последствия социализма, получите-распишитесь, и не надо изображать из себя птенцов дворянского гнезда, ваши предки сами выпали из него, сами не смогли или не захотели его защитить.

Впрочем, я видел и последствия такой реституции в Латвии, где действительно вернули и земли, и дома собственникам на 1940 год и их потомкам. Во-первых, сам год был выбран довольно произвольно: за двадцать лет до того национальное государство конфисковало земли у остзейских дворян. Во-вторых, реституция приводила к парадоксальным ситуациям: дом в Риге или хутор получал какой-нибудь швед или австралиец с латышской фамилией, чей предок бежал в свое время от коммунистов, и он совершенно не знал, что с ним делать. А кто-то вдруг, наоборот, обнаруживал, что его квартира является чьей-то частной собственностью и ничего с этим не поделаешь.

Все же в Прибалтике советская власть длилась не так долго, в 1992 году многие прекрасно помнили, где был чей надел и кто потомок былых домовладельцев. Но и в Латвии реституцию постарались смягчить: новые старые хозяева в течение нескольких лет не имели права выселять нынешних жильцов или даже поднимать арендную плату выше установленного порога. Но Латвия как страна вернулась в определенном смысле точно в 1940 год, к той же самой конституции, к такому же капитализму с национальным оттенком. В России так не получится хотя бы потому,

что в империю 1913 года уже не может быть возврата по целому ряду причин.

Есть, правда, одно значимое исключение: все церковные здания в новой России были переданы Церкви. Но и здесь, надо признать, главной движущей силой было не столько восстановление справедливости, сколько требования нравственности и целесообразности: если в церковном здании находится овощехранилище или типография, это все-таки ненормально с любой точки зрения, особенно если в стране есть немало людей, горячо желающих использовать это здание по прямому назначению.

Но какая же это все-таки порой морока! В нашем храме находился переговорный пункт, а ведь это памятник архитектуры, и приход должен не просто восстановить его, но воссоздать в точности в том виде, в каком он был некогда построен. Если честно, проще и дешевле было бы выстроить новый храм из современных материалов где-нибудь на пустыре.

Но сегодня разговор идет в основном уже не о храмах, а об иконах и богослужебных предметах, хранящихся в музеях: передавать их Церкви или нет. Логика тех, кто хочет передать их Церкви, понятна: эти иконы и сосуды создавались внутри Церкви, для церковных потребностей, которые с тех пор не изменились. В Церкви им и место.

Логично? Абсолютно. Но... Давайте посмотрим на экологичность этого решения, другими словами, не будет ли побочных вредных эффектов, которые следует заранее учесть и предотвратить, а то и вовсе подождать с такими мерами, если предотвратить их не удастся. Музейные сотрудники предупреждают нас и о возможных побочных эффектах, говоря прежде всего о сохранности этих предметов. Наиболее радикальные сторонники церковной реституции от музейщиков стараются отмахиваться: дескать, им в свое время дали чужое имущество на время, так теперь настала пора его вернуть.

То есть разговор сразу переводится в юридическую плоскость... но, на мой взгляд, это самая уязвимая для сторонников реституции позиция: нынешние епархии не являются непосредственными преемниками прежних правообладателей. Церковь веками та же, но это не значит, что любой современный приход может «возвращать» себе собственность, никогда не принадлежавшую этой конкретной общине. У моих родственников и то больше оснований потребовать себе отнятое у предков поместье: они, безусловно, прямые наследники.

А с нравственной точки зрения... Семьдесят-восемьдесят лет назад наши бабушки и дедушки разгромили церкви и монастыри, или, по крайней мере, не воспротивились такому разгрому. Музеи стали местом, где удалось сохранить хотя бы что-то, остальное большевики или продали за границу, или просто побросали где попало. Еще в начале шестидесятых моя теща, тогда старшекласница, ездила с подругами по брошенным деревням и собирала иконы, чтобы передать их в краеведческий музей. Они не были верующими, эти девочки, но до этих икон, зачастую старых и ценных, тогда просто никому больше не было дела — а девочкам было жалко, что они пропадут.

Да и кто открыл миру русскую иконопись? Храм Христа Спасителя ясно показывает нам, какая манера церковной живописи была в почете еще полтора века назад, — вовсе не иконная. А знаменитая «Троица» Андрея Рублева тогда находилась в храме, многократно «поновленная» неумелыми руками, закрытая тяжелым серебряным окладом. Она, безусловно, оставалась предметом культа (далеко не самым почитаемым), но она перестала быть той иконой, которой когда-то была... И лишь руки реставраторов в начале XX века, отчасти уже после революции, явили миру ту икону, которую знает теперь каждый из нас.

«Троица» Рублева — одна, и она должна быть сохранена. В то же время для молитвы можно использовать хорошие списки с оригинала. Точно так же и древние рукописи, по своему происхождению тоже церковные, хранятся в особых отделах библиотек. Они уникальны, а для практики можно использовать их переиздания, в том числе очень точные факсимильные копии. Или все-таки стоит отдать Остромирово Евангелие XI века из Публичной библиотеки в какой-нибудь петербургский приход?

Икона Троицы находится сейчас в Третьяковской галерее, и, если честно, я рад этому обстоятельству. Не только потому, что там ей обеспечена полная сохранность (а икона эта очень ветхая и в условиях обычного храма просто не выживет), но и потому, что туда может прийти в любое время любой человек и провести перед этой иконой сколько угодно времени в созерцании и тихой молитве. Есть, впрочем, и возможность молитвы церковной: с 1997 года ежегодно на праздник Троицы икона переносится на руках, с соблюдением температурного режима, в храм при галерее. На мой взгляд, это оптимальное решение.

Представим себе теперь, что все-все-все богослужебные предметы и иконы из наших музеев будут разобраны по храмам и монастырям. К сожалению, значительная часть из них просто погибнет, а часть украдут (хотя воруют и из музеев), но дело не только в этом. В той же Третьяковской галерее иконы свидетельствуют о красоте и истине православия всякому, кто хочет познакомиться с русским искусством. Хотим ли мы навсегда отделить церковное искусство от светского, закрыть для огромного числа людей самую возможность познакомиться с ним?

Да и кому вообще может быть выгодна война между «верой» и «культурой»? Какое впечатление на окружающих произведет этот спор, если каждая сторона будет яростно тянуть иконы и сосуды на себя и кричать: «Мое! нет, мое!» Станет ли у нас в стране от этого больше веры или больше культуры?

Я уверен, что здесь «церковники» и «музейщики» должны добиваться компромисса, который обеспечил бы, с одной стороны, надежную сохранность, а с другой — доступ для верующих, но и не только для них. Эти сокровища принадлежат не епархии и не музею, а нашей Церкви, нашему народу, всему человечеству. Мы в любом случае — лишь временные их хранители, принявшие их от прадедов и обязанные передать правнукам.

Халкидон сегодня

Если вы будете в Стамбуле, обязательно посетите район, в котором я пишу сейчас эти строки: Кадыкёй. Вы, скорее всего, изначально окажетесь в европейской части города, так что нужно будет воспользоваться паромом от одной из пристаней города. Он перевезет вас через Босфор в другую часть света — в Азию. Но во многих отношениях Кадыкёй, да и вообще азиатская половина мегаполиса, куда больше похож на Европу, чем его европейская половина с величавыми имперскими мечетями, магазинами восточных сувениров и бесчисленными крытыми рынками, по которым мотаются с огромными сумками последние челноки из стран СНГ.

Да, азиатский Кадыкёй — действительно турецкий район: челноков здесь нет, туристов немного, толпа говорит почти исключительно по-турецки. Хотя, конечно, на главных торговых

улицах постоянно слышны и другие языки, включая русский. Вообще, этот район — огромный базар-вокзал. Именно из этих двух половин он и состоит: тут и огромный вокзал, откуда идут поезда в азиатскую часть страны, и пассажирский причал, и автобусная станция. А чуть повыше, на узких мощенных камнем улочках, — действительно базар: одежда, галантерея, овощи, фрукты и конечно же свежая рыба. Ее тут же и готовят в уютных рыбных ресторанчиках — в хорошую погоду столы стоят прямо на улице.

Если на ресторан денег нет, можно всего за пару долларов взять бутерброд: половинку батона, куда положат прямо при тебе пожаренное филе свежайшей ставриды с луком и прочей зеленью. Тоже очень вкусно, особенно если не думать о чистоте вод Босфора, где все это ловится. Вот мидий, которых продают тут же, брать точно не советую: они действительно собирают всякую гадость, фильтруя морскую воду. К тому же готовить морепродукты, кроме рыбы, турки, в отличие от жителей Балкан, на самом деле не умеют. Так и не научились, сколько веков ни живут они возле этого моря. Их предки пришли сюда из азиатских степей, и это чувствуется до сих пор, особенно в их традиционном меню: жареное мясо и хлеб. Морепродуктами, равно как и вином, раньше здесь заведовали местные греки, но... об этом позже.

Даже если не идти в рестораны, подняться повыше все-таки стоит, чтобы на пересечении двух вечно галдящих, вечно торгующих улочек Кадыкёй увидеть небольшую площадь, на камнях которой выложено латиницей имя: «Халкидон». Да, он был именно здесь, этот город, где проходил Четвертый Вселенский собор. Само название «Кадыкёй», которое на турецком имеет странное значение «судейская деревня», возможно, изначально и было искаженным греческим именем этого древнего города. В конце концов, и турецкое название Стамбула — «Истанбул» — вероятно, происходит от средневекового греческого «ис тин боли», то есть «в городе» (с определенным артиклем). В каком городе, вопросов не возникало, ведь такой Город был во всей вселенной только один. А турецкие завоеватели приняли это выражение за имя собственное.

На этой площади стоит маленькая армянская церковь. На соседней — такая же маленькая греческая. На обеих постоянно висят большие турецкие флаги, намного больше крестов: свидетельство лояльности местных христиан властям республики. И обе эти общины: и наследница той византийской церкви, что провела ровно на этом месте собор и с тех пор жила его опреде-

лением двух природ во Христе, и наследница церкви армянской, которая на соборе не была и его не признает и по сю пору, — обе они оказались посреди базар-вокзала Кадыкёя, где никому нет дела ни до собора, ни до Халкидона, ни до различий между этими общинами. Есть в этом какая-то горькая ирония.

На рядовой воскресной литургии в греческой церкви (в армянской я не был) — всего несколько человек: священник, чтец, один прихожанин и двое-трое случайных захожан (в том числе и я сам). Те русские туристы, которые проходят по соседним улочкам, едят рыбу в ресторанчиках, курят кальяны в наргиле-кафе, покупают сумки и кошельки (отчего-то здесь их особенно много продается), вероятно, даже и не знают, какую огромную роль сыграло в истории Православия именно это селение. Впрочем, для наших в Стамбуле есть и русская церковь: рядом с консульством в Пере, еще одном торговом районе. Так что наши если и ходят молиться, то в основном туда.

А греки — почти поголовно — бежали отсюда меньше чем сто лет назад. Это были те времена, когда молодые национальные государства делили меж собой Балканы, а значит, грекам не было места в Турции, как туркам — в Греции. «Великой идеей» называли тогда греки мечту о воссоздании Византийской империи, о завоевании Константинополя — и обернулась эта идея военным поражением, а затем и массовыми этническими чистками. Когда будете плыть из европейской части в азиатскую, посмотрите направо: в ясную погоду вдаль будут видны Принцевы острова, вплоть до XX века населенные греками. Сейчас это элитные дачные места, стамбульская «Рублевка», где о греках напоминают лишь единичные храмы... Раньше там стояли летние резиденции византийской знати, и были острова Принцевыми, а сейчас называются «Адалар».

Византийский Константинополь — это теперь кусочек бедного района Фенер, где приютилась (иначе и не скажешь) Патриархия. А еще это остатки крепостной стены, это огромный водосборник в центральной части города, это несколько отчасти сохранившихся церквей, превращенных в музей или в мечеть... Константинополь здесь больше не живет, остается только слабая память о нем. Самое поразительное, пожалуй, — это напольные мозаики в бывшем дворце Юстиниана, там, на задворках шумного рынка. Тончайшая, великолепная работа, и если такое клали под ноги, — что же было у них на стенах, что на потолке? Как украшали они свои храмы? Почти ничего не сохранилось. В Святой Софии и то

раскрыто лишь несколько мозаик, остальное закрашено, закрыто щитами с изречениями из Корана. Да, пожалуй, не просто закрашено — разрушено, содрано со стен в свое время.

Впрочем, возвращение Константинополя — это ведь была и российская «великая идея». Разве была в Первую мировую у нас другая цель — чтобы не только в помощь союзникам, а и себе на пользу, — кроме как крест на Святой Софии да проливы? Да и прежде того как о них мечтали... Стоя на набережной Кадыкёя, глядя на далекие вечерние огни европейской части Стамбула, так и хочется себе представить: а каким был бы этот город сейчас, если бы Российской империи однажды удалось его захватить? Могла ли империя удержать этот огромный, живущий собственной жизнью город посреди чужих земель? Порт-Артур вот не удалось... Могла ли империя его преобразить: не только заменить полумесяцы на кресты и одни флаги на другие, но сделать иным, полностью своим? Если не вышло это с Варшавой, то и тут вряд ли бы получилось.

А пожалуй, и хорошо, что не дошли мы до этих проливов своей военной силой, что сюда мы приезжаем сейчас как гости, а не как бывшие хозяева. Одни теперь вздыхают о Константинополе: «Ах, что сделали с Городом азиатские варвары!» А другие бродят по этим гостеприимным улочкам почти европейского Востока, вдыхают ароматы большого припортового города, пьют на низенькой табуретке настоящий турецкий кофе (если удастся найти, в основном тут подают растворимый). И радуются Стамбулу, городу, где приятно бывать и жить, наверное, тоже интересно. Мы тут не чужие: зайдешь в кафе, так подавать тебе будет с немалой долей вероятности азербайджанец или туркменка, спросишь в автобусе, где сходить, — тебе ответит мегрел. Тебя спросят, откуда ты приехал, и ты обязательно услышишь много хороших слов о России.

А подлинное величие Халкидона — не в том, сколько территорий было подвластно его правителям в древности и сколько подвластно теперь. Все это величины переменные, и мы не знаем, какими будут границы государств через тысячелетие или два и как вообще будут называться эти государства. Но здесь, в Халкидоне, некогда было сказано нечто очень важное о Христе. Да, в Кадыкёе об этом сейчас не помнят. Но Халкидон теперь везде, где исповедуют Христа как Бога и Человека, неслиянно и нераздельно. Тот Халкидон остается с нами.

ЖИЗНЬ

Просто Наталья Леонидовна

Писать об инокине Иоанне — Наталье Леонидовне Трауберг — очень трудно, почти невозможно. Сочинить некие мемуары? Наверняка сочинят те, кто ее знал намного лучше меня, и это будет хорошо и правильно, но она же сама говорила про мемуары: «Берут какой-то срез и устраивают человеку маленький страшненький суд. Но ведь мы не знаем, как его видит Бог, единственный, у Кого правильное зрение».

Нет, мы, конечно, скажем о ней только самое-самое доброе. Да ведь и про это она уже говорила, например, вспоминая Б.Л. Пастернака: «Грузины бы ему позавидовали: все мужчины были у него гении, а женщина — не просто “красота спасет мир”, а вот конкретно эта тетя. Мы пытались, из скромности, не принимать его слова всерьез, но было трудно». Ну как после такого можно написать про нее нечто хвалебное? Это все одно что хвалить любимых ее героев Вудхауза или Честертона: все тут же обратится в самоиронию, в прививку от пафоса и восторженности.

Может быть, рассказать о том, скольким людям она помогла, скольких научила и ободрила? О высоких

стандартах, установленных ею в искусстве перевода, о книгах, статьях, лекциях и радиопередачах, к которым прислушивалось столько людей? Но она же сама определила: «Мое духовное водительство сводилось к жалости и молитве». Не похожа она была на гурю.

Создать ли ее биографию? Такие уже есть, прежде всего автобиографическая книга «Сама жизнь», в которой, как в самой жизни, все перепутано, нет ни точных адресов, ни выверенных дат. Это как-то ни к чему, ведь главное — не в датах.

Смысл этих дат, кстати, можно разгадывать, как шараду: она отошла первого апреля 2009 года, в «день дураков» и одновременно в двухсотлетний юбилей Н.В. Гоголя, и одновременно — в тот вечер, когда совершается в наших храмах самая трудная и покаянная великопостная служба, «Мариино стояние». А отпевали ее в годовщину основания общества П.Г. Вудхауза, одновременно — на праздник похвалы Пресвятой Богородице. Вот как можно это все соединить? А у нее как-то получилось. У нее вообще получалось сочетать в своей жизни много вещей, которые кажутся нам несовместимыми.

Мы же все — заядлые спорщики. Сначала определяемся: ты за тех, а я за этих (а еще точнее, ты против этих, а я против тех), а потом начинаем бой, обычно бессмысленный и беспощадный, за свое понимание истины. «Как желает мирской человек? К другому — истина, а ко мне — милость, притом побольше. А наоборот?» — говорила об этом она.

А главное, она так жила, «наоборот», и поэтому у нее что-то действительно получилось. Вот о чем я, пожалуй, напишу: об этом умении сочетать внешне несочетаемое, словно бы балансируя на проволоке. «Царский средний путь», кто-нибудь может сказать, но для Натальи Леонидовны это слишком громко, она сама рассуждала так: «Вместе со сведеньем “есть Бог” я получила странную систему ценностей, где суровы — к себе, милостивы — к другим, “нежного слабей жестокий”, и тому подобное. Здесь речь идет не о том, хорошо ли я этому следовала — конечно плохо; но я знала, что так говорит Бог».

Ее родина — Петербург и Москва, две извечные соперницы-столицы. Родилась, выросла, училась в Петербурге, но переехала в Москву, там прожила основную часть жизни, и уже ушедшее поколение богемы отлично помнило московскую красавицу и умницу Наташу. Но еще ее земная родина — это Литва, ее «град

Китеж», куда она буквально бежала от богемной столичной суеты и от официальной мерзости развитого социализма. «Картинкой к честертоновской книге» называла она свою самую антисоветскую республику СССР. Она вышла замуж за литовца-католика, и не только по форме, но и по сути «набралась католических привычек», как сама это определяла.

Тем не менее жизнь в католицизме, напряженная работа по переводу трудов католика Г.К. Честертона стали своего рода мостиком, по которому состоялось ее возвращение к православной вере, еще в детстве привитой ей бабушкой и нянечкой, женщиной из простонародья. Она была неизменной прихожанкой нашего храма Успения в Газетном переулке практически с самого момента его восстановления. Я не знаю и не хочу знать, как оформлялся официально этот переход, я даже не знаю, был ли вообще какой-то формальный переход в католицизм и обратно: она просто вернулась домой, к себе, но не утратила ничего из того, чему научилась и что приобрела в иных краях.

Когда рассуждают о «просто христианстве», как называл это Честертон, то слишком часто подразумевают принципиальную неразборчивость и всеядность, но в ее случае это было не так: это был поиск самой-самой сути, которую можно найти в разных традициях и у разных людей. «Со всеми считайся, а туфельки ставь ровно» — этот совет некогда был дан дочери Натальи Леонидовны перед конфирмацией о. Станиславом Добровольским, и выражение это стало своего рода девизом на щите. Ну да, очень много народу расскажет нам о тонкостях догматики, аскетики, канонического права — а вот это маленькая такая добавка, но очень важная, без нее из всех этих тонкостей слишком легко получаются толстые дубинки.

Итак, из Литвы она вернулась в Москву. На столетний юбилей Честертона собрались «шесть взрослых людей, девочка и кот, чтобы отметить 100 лет со дня рождения Честертона. Мы ели ветчину и сыр, пили пиво и создавали честертоновское общество». Шестеро взрослых — это С. Аверинцев, братья В. и Л. Муравьевы, Ю. Шрейдер, А. Янулайтис и сама Наталья Леонидовна (девочкой была ее дочь Мария). В тот же самый день честертоновское общество было основано и в Англии, но тогда этого никто не знал. Были провозглашены главные принципы общества — «христианство и свобода», а бессменным его председателем назначили кота со звучным именем Инносент Коттон Грей, чтобы избе-

жать натужной серьезности, надо полагать. С котами у Натальи Леонидовны вообще всегда было полное взаимопонимание, но речь сейчас не об этом. Что может сделать некое неофициальное общество в глухую советскую пору? Какое там христианство, какая такая свобода? Не листовки же расклеивать, не на баррикады идти...

Может быть, главное, что делали эти люди, — они выстраивали параллельную реальность. Не боролись с советской властью, но игнорировали ее, насколько получалось, учились жить так, как будто ее не было. И может быть, это была не последняя причина, по которой власти этой однажды не стало. И еще сдается мне, что именно этого нам сейчас и не хватает: умения жить иначе, без парткомов и месткомов, которые мы сами себе все время изобретаем и очень печалимся, когда их нет.

Западничество, все это западничество... Не спорю. Но одновременно — и почвенничество, потому что так возделывалась почва русской культуры, именно в нее бросались семена, именно на ней появлялись всходы. Наталья Леонидовна — это человек с очень русским характером, и трудилась она именно для русского, а не для литовского или английского читателя. Если при этом ей удалось научиться знаменитой английской иронии или литовской серьезности, то ведь и для нас тоже, чтобы и мы могли научиться. Я вообще не очень представляю, как бы она жила сейчас где-нибудь, кроме России, и она, поездив в последние годы по миру, тоже, кажется, не очень представляла.

Стержень ее жизни — «просто христианство», но отнюдь не голая богословская схема, не проповедническая напористость. «Тихость», а не «важность», как учили бабушка с няней. Это стремление воплотить свою веру в переполненной суетой повседневности, держаться ее в бурном потоке истории, найти ее среди сокровищ мировой культуры и познакомить со всем этим каждого, кто захочет такого знакомства. Ее профессия — перевод, а точнее, ретрансляция тех западных проявлений христианской культуры, с которыми действительно было важно познакомиться русскому обществу конца XX века

Еще в Литве Наталья Леонидовна поставила себе целью переводить в год по 25 эссе или по одному трактату Честертона на русский, и тогда никто не мог предположить, что эти переводы будут полностью изданы, что так будет, по сути, создана целая школа по переводу английской христианской литературы XX века.

Перевод есть высокое искусство — но еще и ремесло, и порой тяжкое ремесло. Она как будто совсем не умела отказываться, и когда ей давали «на редактуру» сляпанный наспех перевод, который можно было разве что полностью переписать — безропотно переписывала за скромный редакторский гонорар, но не могла ни халтуру выпустить, ни отказаться от взятого на себя труда. Так до самого конца коллеги и не могли научить ее говорить «нет». Но, собственно, не об этом ли в Евангелии: кто принудит тебя пройти одно поприще, пройди с ним два?

А еще она — писательница. Но вышло это далеко не сразу, и сама она объясняла это так: «Я тридцать лет не писала, чтобы не попасть в мир каких-то сверхценностей. Я выросла среди тех, кто жил искусством, и поняла, что для них это сверхценность». Собственно, писательство у Натальи Леонидовны странное, это какой-то сплошной поток заметок, ассоциаций, примечаний. Она не говорит о главном, потому что о главном громко говорить просто неприлично (это бабушка и няня объяснили в раннем детстве), но можно тихонечко подвести человека к этому главному, и пусть он выбирает дальше для себя сам. «Прозой только для своих» называли порой ее книги, и это действительно было так, она не столько писала, сколько записывала (или даже за ней записывали, точно не знаю) свои воспоминания и разговоры, и эта интонация беседы сохранялась и на книжной странице. Для своих, да, но стать своим было невероятно просто — достаточно было подойти и прислушаться. Для нее, мучительно переживавшей всякую пошлость и вульгарность, не было большей вульгарности, чем рассуждения о «людях не нашего круга».

Либерализм или консерватизм? — наш излюбленный спор. Она не употребляла таких слов, боялась их, для нее весь либерализм был — «со всеми считайся», а весь консерватизм — «туфельки ставь ровно». И главное, то и другое обязательно сразу, а не по отдельности. Ее уважение к свободе другого было почти безграничным, и даже там, где человек бывал заведомо неправ, она никогда не настаивала на своем. Зато своими собственными взглядами («мракобесными», по ее определению) не поступалась. Она приходила в ужас от нынешнего разгула политкорректности, с ностальгией оглядывалась на те времена, когда черное не боялись называть черным, а за белое не боялись умереть. Но ведь тогда «христиане жгли христиан — это чудовищно. Бог терпел, терпел — ну сколько можно! И гуманисты отменили казни за

убеждения. Эпоха просвещения — как облечение при опухоли: иммунитет снижается, мы слабеем, но хотя бы опухоль исчезает».

Ни в какие рамки не вписывается Наталья Леонидовна, ни одна партия не может записать ее в свои ряды. И при этом для всех она — своя. На отпевании было множество людей, как на Пасху, разных людей, настолько разных, что в прочих обстоятельствах шансы на встречу у них практически равны нулю. Но все они с огромной благодарностью, любовью и... тихой молитвенной радостью стояли у ее гроба. Радостью, потому что благополучно завершился очень длинный и тяжелый труд инокини Иоанны, и ни у кого не было сомнения в его итоге. Еще в честертоновском обществе у них было выработано некое понятие, его условно называли «алеф». Она определяла его так: «Сочетается в алефе многое: радость, несерьезность, легкость, истинность, свобода, а противостоит он фальши, тяжести, важности...» Легким, светлым и радостным было ее лицо на отпевании.

Уходила Наталья Леонидовна долго и тяжело. Это были и операции, и больницы, и многократное пребывание в хосписе, куда кладут уже неизлечимых. Вышло так, что в последний раз она легла в хоспис на «Спортивной» ровно в тот день, когда там скончалась моя мама. А когда за месяц до того мама появилась в этом месте, прямо скажем, не очень радостном, — нам с ней рассказали, что Наталья Леонидовна в шутку называет хоспис своим «домом творчества». Когда она ложится туда, у нее нет никаких житейских забот и можно свободно писать и переводить...

И всем нам порой достаточно было просто посмотреть на нее, чтобы заново ощутить смысл, вкус и радость жизни. Сама жизнь — лучше о ней и не скажешь.

Актерство и лицедейство

Стоило в 2009 году выйти на экраны фильму «Царь», как один из актеров, снимавшихся в этом фильме, вынужден был уйти с места основной работы. Священник Иоанн Охлобыстин, сыгравший шута Вассиана, подал патриарху прошение о снятии с него священного сана, и прошение было удовлетворено. Слишком много нареканий вызвал сам факт, что священник снялся в

кино, да еще и в роли явно сатанинского персонажа, построенной на сплошной истерике. Отец Иоанн, конечно, человек очень своеобразный, и вряд ли нам стоит подробно разбирать особенности его биографии или судить о правомочности его священнослужения (или, если угодно, актерства) — это просто не наше дело.

Зато мы можем задуматься о другом: а как вообще сочетаются актерство и христианство? Ведь если священник параллельно своему служению работает бухгалтером или инженером (а если уж брать творческие профессии, рисует картины или пишет книги), это никого не удивляет, таких примеров немало. А вот священник-актер... и в самом деле соблазнительно звучит. Почему?

Конечно, существуют древние каноны, строго запрещающие священникам не то чтобы играть — даже посещать театры. Эти запреты многократно повторялись от собора к собору, вот что гласит, к примеру, 24-е правило Шестого Вселенского собора: «Да не будет позволено кому-либо из числящихся в священном чине или монахов развлекаться на конских бегах или придерживаться сценических игр». Но сегодня это правило совершенно не соблюдается: священники ходят в театр, не говоря уже о мирянах, и никто никого не отлучает. Кстати, древние каноны требовали: если «лицедей», то есть актер, принимал христианство, он должен был навсегда оставить свое ремесло под угрозой отлучения. Сегодня многие профессиональные актеры — воцерковленные христиане, но они продолжают играть в театре и кино. Например, мой отец.

Почему так? Подсказкой тут служит 62-е правило того же Шестого Вселенского собора: «Желаем совершенно изъять из жизни верных... всенародные пляски женщин, могущие произвести большой соблазн и вред; также отвергаем пляски и обряды, совершаемые мужчинами и женщинами во имя ложно названных у язычников богов по какому-то древнему и чуждому христианской жизни обычаю, и определяем, чтобы никакой мужчина не одевался в женское платье, или женщина в платье, приличное мужчинам, также чтобы никто не надевал на себя личин комических или трагических, — чтобы не призывали имени гнусного Диониса, когда выжимают виноград в точилах, не творили безумного по невежеству или легкомыслию, когда сливают вино в бочки. Тех, которые отважатся делать на

будущее время что-нибудь из упомянутого выше, зная это постановление, тех повелеваем, если клирики извергать, а если миряне отлучать».

Вполне очевидно, что запрещается здесь не само театральное искусство, не Чехов или Шекспир, а языческие празднества, сопровождавшиеся театральными играми. В нашем мире самой ближайшей аналогией будет не Большой и не МХАТ, а, пожалуй, разудалая вечеринка в ночном клубе, да и то она не содержит никакого языческого элемента. А ведь театр в языческой древности был культовым не в меньшей степени, чем храм, и служили в нем далеко не только искусству. Сами театральные представления были неотъемлемой частью языческих празднеств и начинались с жертвоприношений. Естественно, на сцене актеры часто играли жрецов и даже богов, причем на зрителя, надо полагать, такое представление производило куда большее впечатление, чем традиционные храмовые обряды. Нередко сами театры становились местом мученичества первых христиан, которых казнили на потеху всему городу.

Неудивительно, что торжество христианства означало упразднение языческого театра. До сих пор в Херсонесе (античном городе на территории современного Севастополя) можно видеть развалины античного театра, а поверх них — развалины церкви, построенной точно на этом месте. Но, что интересно, сегодня в летнее время в этом театре снова дает представления местный драматический театр, играют в том числе и античные трагедии — но уже совсем иначе, просто как произведения искусства. Играют, кстати, очень хорошо.

С другой стороны, и христианская культура выработала свои, вполне для нее приемлемые, формы театральных спектаклей. Всем, наверное, знаком рождественский вертеп — так называется не только статичная композиция, но и целое представление кукольного театра на тему Рождества. А было еще и «пещное действо» по книге пророка Даниила... Словом, само по себе актерское искусство не противоречит христианству и вполне может служить проводником христианских ценностей.

Но все же бывают духовно опасные профессии, они необходимы в обществе, но трудно было бы совмещать их со священством: воин, к примеру, всегда должен быть готов убить человека по приказу своего командира, а судья — вынести приговор. Этим

людям приходится брать на себя ответственность, какую никто себе не пожелает. Так и в актерстве есть свои опасности, и очень немногие мальчики и девочки, осаждающие театральные училища, задумываются о них. Я знаю, о чем говорю: актерствует не только мой отец, но и моя сестра, одна из моих дочек учится в театральном училище, мои теща и тесть — основатели кукольного театра... Я и сам в отрочестве примерял на себя эту профессию, только достаточных способностей к ней у меня не обнаружилось.

Актер должен уметь жить чужими чувствами: плакать и смеяться по приказу режиссера, каждый вечер заново проживать еще одну жизнь. Иногда маска прирастает: человек невольно начинает «переигрывать», изображать то, что от него ждут в данный момент или что может оказаться ему выгодно. Иногда масок бывает так много, что ему уже трудно разобраться самому: а что он чувствует и думает сам? И конечно же бывают духовно опасные роли, вроде того самого шута Вассиана. Они, кстати, неизбежны и в христианском театре: в вертепе кто-то должен говорить и за куклу царя Ирода. Но с куклами проще, они карикатурны, кукловод не отождествляет себя с ними. А здесь человеку приходится вживаться в образ носителя зла, проникаться его логикой, принимать на себя его облик. Маску не всегда легко скинуть.

А еще это очень жестокое ремесло. В подавляющем большинстве других профессий человек, достигший какого-то уровня мастерства, вполне востребован и не чувствует никакой ущербности. Бухгалтер или плотник, журналист или таксист могут найти работу по себе и не жаловаться, что их потенциал не раскрыт. Другое дело актер: он абсолютно зависим от выбора других людей. Лишь самые-самые лучшие, буквально один-два процента, играют те роли, которые действительно хотят сыграть. Для всех остальных карьера — это попытка попасть в этот верхний и такой тонкий слой, а до тех пор — неизбежное «кушать подано» на третьесортных сценах. И, как следствие, ощущение своей невостребованности.

Кроме того, в любой другой профессии твои достижения мало зависят от твоего внешнего облика, а у актера, в особенности у актрисы, именно он определяет буквально всё. Дело даже не в жестоких диетах, которыми изводят себя девчонки в театральных училищах, чтобы только вписаться в стандарт-

ный облик барышни с обложки. Да и взрослые актеры получают приказы «срочно похудеть/поправиться на столько-то килограммов», чтобы вписаться в задуманный образ, — тоже ведь наверняка не без вреда для здоровья. Человек тут становится своего рода заложником своей внешности, по которой о нем и судят в первую очередь, во вторую и в третью. И все остальное подстраивается под этот внешний облик: вот герой-любовник, вот травести...

Главное, что актер (кроме тех самых одного-двух процентов) — материал в руках режиссера и продюсера. Их выбор, их решения совершенно не объяснимы и не мотивированы. А значит, слишком много зависит от знакомства, случая, сплетни, оказанной услуги... Девчонку со второго курса взяли сниматься в телесериал — вряд ли потому, что она уже в совершенстве овладела мастерством. Деньги, которые ей платят за один съемочный день, ненамного меньше среднемесячной зарплаты москвича. Да, зарабатывать очень много могут и врач, и адвокат, и бизнесмен, но там этот заработок не дается буквально за красивые глаза. И вообще, почему выбрали именно ее? Будут ли теперь именно ее выбирать и в дальнейшем? Чего она теперь будет ждать от жизни, и не будет ли слишком горьким разочарование, если такой звездный старт не станет прологом к столь же звездной карьере? Тут ведь даже не знаешь, что хуже: настоящая слава со всеми ее искушениями или разочаровывающая безвестность...

Да, мы уважаем драматических актеров за то искусство, которое они дарят нам, которое заставляет нас глядеть на мир иными глазами, переоценивать что-то в себе самих, менять свою жизнь. Это искусство открыто для всех зрителей, оно не требует специального образования или определенного социального положения. Говорят, уровень краж по всей стране резко упал в те дни, когда по телевизору шла премьера фильма «Место встречи изменить нельзя»: домушники точно так же переживали за Жеглова и Шарапова, как все остальные.

Но вдвойне и втройне можно уважать тех актеров, которые, добившись успеха и славы, прошли через медные трубы и остались удивительно порядочными людьми, как, например, В.В. Тихонов. Ему наверняка бывало не намного проще, чем Штирлицу. Таких людей в мире театра и кино очень много, и без них наша жизнь была бы куда более серой и унылой. Но что касается моей

собственной дочери, я все еще надеюсь, что она, может быть, со временем найдет себе более спокойную профессию. Впрочем, пусть сама решает свою судьбу.

Трудно быть актером, право слово.

Рыцари квадратных столов

Давным-давно в каждом доме был общий стол. Вечером, когда старший мужчина с подростками сыновьями возвращался с поля (вариант: с фабрики, со службы), женщины накрывали ужин, звали детей. За таким столом не просто ели, семейная трапеза сама по себе становилась обрядом. А помните, где собирались король Артур и его верные рыцари, чтобы обсудить свершенные и грядущие подвиги? Не в церкви, не на ристалище, не на городской площади, а именно за круглым столом, и это не случайно. Совместная трапеза всегда была формой самого тесного общения.

Я слышал историю про русскую учительницу, которую в тридцатые годы прошлого века отправили в Среднюю Азию. Тогда еще не до конца были истреблены басмачи, и для них она, представительница коммунистической власти, была, конечно, ярким врагом. Однажды она заблудилась во время одиночной прогулки по окрестностям и неожиданно вышла к лагерю каких-то бородастых людей. Она поняла, что это и есть басмачи, и, прежде чем они опознали ее, сделала единственно правильную вещь: не говоря ни слова, под села к их костру. Басмач протянул ей кусок лепешки, и отныне эти люди не могли сделать ей никакого зла, ведь они преломили с ней хлеб. Стола там, правда, не было, но ведь не в мебели дело.

В конце концов, как сами мы отмечаем любые знаковые события нашей жизни, будь то радостные или печальные? Мы собираемся за общим столом. И нередко оказывается так, что вся «большая семья» встречается за ним только на похоронах. Поминает ушедшего, произносит патетическое «надо чаще встречаться» и разбегается до следующего такого повода через несколько лет. Если только так встречаться, то, пожалуй, и в самом деле лучше пореже. А от простых встреч, без повода, многие из нас уже от-

выкли даже в малой семье, что и говорить о двоюродных и троюродных родственниках.

Не случайно и в Библии мы видим точно такие же обрядовые трапезы: многие из ветхозаветных жертвоприношений (правда, не все) заканчивались семейным пиршеством. И когда часть жертвенного животного сжигали на алтаре, символически приглашали за свой стол и Того, Кому приносилась эта жертва. Новый Завет был заключен именно за одной из таких праздничных трапез, мы до сих пор воспроизводим ее в таинстве Евхаристии.

Но до чего же по-другому выглядит все сегодня! Конечно, в Чаше те же самые Тело и Кровь, но мы подходим к ней поодиночке, практически ничего не зная друг о друге. О былом общении за трапезой напоминают запивка и кусочек просфорки, но и они потребляются в одиночестве, в молчании. А после литургии большинство просто расходится, многие идут в соседнее кафе, например в «Макдоналдс», и там поглощают свои гамбургеры и стаканы колы вроде и под одной крышей, но совсем не за одним столом...

Мне повезло бывать в православных храмах, где после службы всем предлагается пройти и выпить чаю или кофе с печеньем, а заодно и пообщаться. Это норма на Западе, где православие — осознанный и довольно редкий выбор, в храме практически нет случайных людей. А может быть, дело еще и в том, что на Западе просто принято такое вот неформальное общение, там это происходит практически в любой религиозной общине. Церковь становится еще и клубом, и если клубность не вытесняет всего остального, то это ей только на пользу.

К сожалению, у нас такое почти не встречается. Мы совсем не общаемся на бытовом уровне с теми, с кем у нас, казалось бы, есть самое главное Общение. Понятно, что организовать кофе-питие после службы очень сложно: слишком много народу, в том числе и случайно зашедшего, не хватает помещений, и некому об этом заботиться. К тому же если всем наливать чашку кофе, то в храм будут приходить просто за бесплатным угощением. Словом, существует сотня причин, по которым основная масса прихожан почти любого храма после литургии расходится обедать по домам или по кафе.

Но самая главная причина, пожалуй, в том, что совместное застолье уходит и из нашего домашнего быта, мы уже перестаем его ценить. Утром все в разное время уходят на работу или учебу, а кому-то сегодня повезло и можно отоспаться, так что завтракают

все на скорую руку и по отдельности. Обед — ну, об этом и говорить нечего, это уж по месту работы или учебы. Но вот вечером-то семья могла бы собраться за одним столом...

Да, когда-то это было нормой — по крайней мере, до революции. Дедушки и бабушки рассказывали нам, что в тридцатые годы у совслужащих стало нормой засиживаться на работе чуть не до полуночи. Говорят, это оттого, что Сталин был совой и мог позвонить любому министру в самое позднее время, а от министра звонки спускались дальше по цепочке. Впрочем, сдается мне, была и другая причина: ежевечерний семейный ужин был тем пространством свободы, которое нельзя было запретить, но и терпеть его большевики тоже никак не могли. Если служащие возвращаются домой уже тогда, когда дети их давно спят, то шестеренки единого социалистического механизма будут вращаться правильнее, не отвлекаясь на постороннее. Вот и моя мама рассказывала, что ее с тремя сестрами воспитывала скорее бабушка, — их мама «горела на работе».

Впрочем, меня тогда не было на свете, мне трудно судить о тех временах. Зато все мы застали другого похитителя семейных вечеров — телевизор. Это уже из моего детства. Он мог стоять на кухне, совсем небольшой, а мог и в главной комнате, но телевизор обязательно включался, так что семейная трапеза становилась просто приемом пищи под его бормотание. Знакомо, не правда ли: каждый отправляется на кухню, накладывает себе порцию на тарелку, а потом усаживается перед экраном. В такой ситуации возможен даже некоторый суррогат общения: обсудить все происходящее «в ящике».

А знаменитый новогодний «Голубой огонек»? Это еще с каких пор повелось, что за пять минут до полуночи каждая семья не очень-то внимательно, но все-таки слушает поздравления главы государства, потом чокается под бой курантов, а потом долго наслаждается любимыми блюдами под пение любимых исполнителей. Почти за одним столом с ними. И то сказать, не роднее ли экранная дива собственной придирчивой свекрови или сына-подростка?

В последнее время, правда, появилась еще одна форма экранного ужина, уже сугубо индивидуальная: перед компьютером. Скоро в технически продвинутых семьях общение за ужином будет проходить разве что по icq или в каком-нибудь чате, если члены семьи, конечно, не забанят друг друга.

Или еще одна напасть: диеты! Одна не ест после шести (а раньше за общий стол и не сядешь), другому нельзя то и это, у третьей вообще очень своеобразный вкус. И кухня в результате превращается в такую продовольственную базу, куда члены семьи наведываются время от времени для удовлетворения своих личных пищевых потребностей.

А нам порой очень не хватает старого доброго общего застолья. Может быть, кому-то оно покажется архаизмом, а все эти ежевечерние вопросы: «Что нового, как прошел день?» — скучной рутинной. Да, всякий ритуал может порой вырождаться в пустую формальность, это верно. Но все-таки, все-таки... Пусть даже стол будет квадратным, лишь бы он был для нас общим.

Музеи маленького человека

Это нам знакомо буквально со школьной парты: «Я поведу тебя в музей, сказала мне сестра». Нас действительно водили в музей, и не только в школе, но и потом посещение музеев оставалось обязательной частью любой культурной программы. Музеи могли быть прекрасными, как Эрмитаж, или занудными, как музей Ленина. Они могли быть огромными, как Политехнический, или совсем скромными, как районный краеведческий. Но у музеев было нечто общее: они показывали нам славное и великое, мы чувствовали себя в них вечными школьниками на экскурсии, и главное, ничего нельзя было трогать руками!

Сегодня, конечно, в моду вошла интерактивность: руками трогать уже кое-где и кое-что можно. Мы с сыном прослышали, что в Политехническом открылась комната для детских экспериментов, и поскольку он у нас собирается быть изобретателем, мы туда, конечно, направились. Ну что сказать? Действительно, в огромном музее среди внушительных макетов паровых турбин и доменных печей выделили небольшую комнатку, поставили в ней несколько разноцветных приборов для детей, на которых можно было проводить разные физические эксперименты. Часть из них не работала, а вокруг остальных зорко курсировали пожилые смотрительницы и наблюдали, чтобы дети без толку не

крутили все эти рукоятки, а проводили эксперименты в строгом соответствии с подробной инструкцией, повешенной возле каждого прибора. Детей в комнате было мало, но и те, которые там были, смотрелись явно лишними. Интерактивность — это ведь не просто разрешение прикоснуться, это...

Попробую объяснить на примере. Когда-то, еще при советской власти, мы проходили музейную практику в Эрмитаже. Нас водил замечательный преподаватель древнегреческого искусства Г.И. Соколов, любивший свой предмет так пламенно и верно, как любят разве что невесту. И вот ранним утром, когда музей только открылся и посетителей было совсем немного, он завел нас в пустой зал и велел в обязательном порядке пощупать этот теплый, шероховатый мрамор — да смелее, не кончиками пальцев, полностью, всей ладонью! А сам встал «на стреме» в дверях зала. И в самом деле, без этого прикосновения невозможно было до конца понять, что же это за чудо такое — античная скульптура.

Но это, конечно, было исключением. Зато теперь в нашей стране стали появляться невиданные прежде музеи, и это говорит о многом. Дело не только в том, что в них можно трогать экспонаты руками, — они вообще построены по другому принципу.

Мы были недавно в древнем городе Переславле-Залесском — там есть Музей чайника и Музей утюга. То есть просто два обычных, некогда жилых дома, в которых просто по окрестным дворам собрали эти и другие предметы быта, — то, что раньше выкидывали как старый хлам. А теперь люди могут прийти и узнать, что до электрических утюгов, оказывается, были и другие. Сначала цельнометаллические, которые надо было нагревать в печи. Потом придумали менять в них нагреваемые отдельно железные бруски, потом стали сыпать прямо внутрь полого утюга горячие угли, но это, конечно, очень небезопасный процесс. А еще были утюги со спиртовкой внутри, и даже с газовой горелкой, и такой гладильщик носил за спиной настоящий газовый баллон. Вот, оказывается, сколько всего существовало в мире и в нашей стране, пока всеобщие 220 вольт и глобальные фирмы не положили конец этому разнообразию!

Но дело, конечно, не в самих утюгах, а в ином подходе к музейному делу. Эти музеи — одного с нами роста, они о жизни таких же людей, как и мы сами. Утюги дают потрогать не просто потому, что они железные, и если их сто лет брали и не сломали,

так и теперь не сломают — нет, нам дают прикоснуться к ушедшей повседневности. Это маленький мостик в мир прабабушек и прадедушек, а то и родителей... Вот стоит, например, на полке цельнометаллический утюг советского производства 1961 года выпуска. Вы представляете себе: в Советском Союзе первый человек полетел в космос, небывалый триумф науки и техники, — а вот бытовые утюги производились такие же, как в Средние века. Как много это говорит нам о советской жизни!

А что такое старые музеи, от Эрмитажа до краеведческого? Роскошная витрина. Они тоже совершенно необходимы, но по ним мы никогда не поймем, как в то время простые люди одевались, чем пользовались, что ели и пили. И значит, в конечном счете не поймем, как они жили, что чувствовали и думали. Вместо этого нам показывают лучшее из того, что создали они в это время. Это лучшее обязательно надо видеть, но оно — еще не вся картина, а лишь ее часть.

У нас вообще есть склонность к такой вот «витринности», в том числе и в церковной жизни. Создается прекрасная, но несколько абстрактная картина, как оно должно быть в идеальном случае, а что там на практике, в общем-то, и неинтересно. Роскошная мебельная стенка с собраниями сочинений, которые годами никто не открывает, — знакомая картина из детства, не правда ли? Или вот сцена, которую однажды видел в палаточном туристическом лагере. На той полянке, где стояла полевая кухня и готовили еду, был прибит к сосне отрывной календарь, почему-то он оказался православным. Шел Успенский пост, и листочки календаря сообщали нам, что сегодня нам «дозволяется вино и елей», но ни вина, ни елея в наличии просто не было в радиусе десятка километров — нам их заменяли макароны с тушенкой и чай, основные продукты для туриста. Так очень часто происходит с нашей православностью: вот там мы правильно все формулируем, а вот тут, на практике, живем совершенно перпендикулярно этим формулировкам, уж как получится. Следим не столько за жизнью, сколько за чистотой формулировок.

Теперь, наверное, вы понимаете, что порадовало меня в этом музее: радостное внимание к реальной нашей жизни. Я очень люблю Эрмитаж и Третьяковку, они просто необходимы, но и без такого музея утюгов наше видение мира тоже будет не совсем полным. И не случайно сына пришлось утаскивать оттуда чуть ли не за уши... Хотя, конечно, там еще были очень симпатичные

девушки-экскурсоводы, которые лихо и задорно управлялись со всеми утюгами и чайниками. Может быть, еще и в этом дело.

А еще мы недавно буквально наткнулись, гуляя по Лосиному острову в Москве, на такой же небольшой деревянный домик под весьма звучным названием: эколого-просветительский центр «Русский быт». Он, похоже, только совсем недавно открылся, там еще немного экспонатов, а посетителей еще меньше, но там уже проходят мастер-классы... или как это назвать? Не сочетается ведь такое понятие с русским бытом. Словом, туда приглашают детей и показывают им, как пользоваться прялкой или ткацким станком, — причем берут настоящее, собранное по разным деревням. Там же неподалеку есть и клуб исторических реконструкторов (ребята восстанавливают средневековое вооружение и учатся обращаться с ним), биостанция с лосями, да много чего есть настоящего, живого, интересного.

Я могу только позавидовать своему сыну: меня в детстве никто не водил в такие музеи.

Как не стать телепузиком: размышления рекламопотребителей

«Реклама-реклама, ну что реклама? Ну, глупость и обман, по большому счету. Да не смотрю я ее!» Так, наверное, скажут очень многие, если спросить их об отношении к рекламе. Может быть, они и сами так думают, но... коммерческая реклама, в отличие от призывов ЦК КПСС, вовсе не требует, чтобы люди с ней соглашались на словах. Пусть ругают, пусть презирают, лишь бы складывали у себя в подсознании навязанные образы, а там все окупится.

Никто вроде бы не воспринимает рекламу всерьез — а выражения «сладкая парочка» или «съел — и порядок» остаются у нас на языке спустя годы после того, как исчезли с экранов первоисточники. Никто вроде бы не придает рекламе особого значения — а «нехалыщика Леню Голубкова» многие помнят отчетливее, чем Татьяну Ларину или Андрея Болконского. Никто вроде бы не считает рекламу учителем жизни — а самые кассовые наши фильмы снимают рекламные режиссеры, и не случайно в

клиповом мельтешении проносятся перед зрителем известные бренды, от пельменей до автомобилей... И даже наши анекдоты, оставив дорогого Леонида Ильича, переключились в основном на рекламу — КВН тому лучшее доказательство. А ведь смеется народ только над тем, что уже стало своим, родным, до боли знакомым.

Нет, реклама — это серьезно. Слишком серьезно, чтобы от нее отмахиваться. Это на заре нового русского капитализма она поражала нас своей агрессивностью и ненашестью, словно новые хозяева жизни спешили внушить своим согражданам, насколько они круты и всесильны. Чтобы предлагать шампунь, название которого звучит по-русски как «видал сосун вошь», нужно было чувствовать себя очень уверенно. Но сегодняшняя реклама умнее, вкрадчивее. Она — как будто про нас с вами, про усталых от стирок домохозяек, озорных детей, трудящихся простых парней... Как будто...

Нет, реклама, конечно, нужна и полезна. Она информирует потребителя, и что еще важнее, — она дает СМИ шанс на независимость. Можно ли вообще без нее обойтись? Можно. Например, телеканалы Би-би-си не передают коммерческой рекламы. Но это значит, что телевизоры в Британии лицензионные, то есть каждый владелец волшебного ящика платит государству определенную сумму в год, вне зависимости от того, смотрит ли он Би-би-си. Вы готовы так платить первому каналу? Более того, вы готовы доверять ваши деньги «на телевизор» государственным чиновникам? Или, может быть, вы согласны вернуться в те времена, когда во всех СМИ рекламировался с утра до вечера только один бренд — КПСС, а сортов пива существовало два: «пиво есть» и «пива нет»?

Если не согласны, реклама не покажется слишком высокой ценой. Но и опасности рекламы надо сознавать четко.

Она опасна даже не тем, что подчас стимулирует искусственный спрос и заставляет людей необдуманно тратить деньги. Хуже другое: почти любая реклама на самом деле продвигает не просто тот или иной бренд, но еще и определенный взгляд на мир. Будь это иначе, рекламные ролики и объявления просто рассказывали бы о свойствах товара: «Это очень вкусный шоколад, отличный стиральный порошок, замечательное пиво, вам они обязательно понравятся». Но так слишком скучно. И рекламщики создают свою параллельную реальность.

Она ярка, она запоминается, особенно когда эту виртуальную реальность тебе показывают раз за разом, и ты уже наизусть учишь лица, жесты и фразы. Не всегда вспомнишь и название продукта, а вот ощущение неземного счастья на лице рекламного персонажа намертво впечатывается в твое сознание.

В особенности это касается детей. Растет поколение, которое учится родному языку не по стихам Маршака и Барто, а по рекламным слоганам. Малыши, передвигаясь по супермаркету в корзинах на колесиках, смотрят по сторонам, узнают знакомые товары и бойко восклицают: «Суперупаковка — веселая тусовка!»

В девчачьей анкете одна из подруг нашей дочери, вовсе не плохая и не глупая, на вопрос «О чем ты мечтаешь?» ответила: «Чтобы у меня все было». Что — все? Ум, талант, здоровье? Видимо, автомобиль класса «премиум», навороченный пылесос, квартира в престижном доме, — все то, о чем навязчиво рассказывают нашим детям идеологи общества потребления, так подозрительно похожие на былых идеологов социализма.

Маленький ребенок не знает условности, буквально понимая все, что видит и слышит. Герои рекламы для него — реальные персонажи, и их образ жизни, вкусы, пристрастия, манера речи становятся для него эталоном.

Возможно, наиболее рассудительные ребяташки и задумаются: а где же взять денег на эту прекрасную жизнь? Авторы рекламных роликов заботливо подсказывают «верный» способ: вырежьте этикетку или фантик, и вам обязательно повезет: выиграете кругосветное путешествие или на худой конец кружку с логотипом. Словом, «мы сидим, а денежки идут». И почему-то почти никогда не говорится о том, что деньги надо зарабатывать: «проза жизни» грубо нарушила бы законы жанра. Если герои рекламы (как правило, клерки таинственных офисов) и ходят на службу, то, кажется, лишь за тем, чтобы спокойно выпить вдалеке от семьи чашечку растворимого кофе или бутылку минеральной воды.

Но хуже всего, что наша реклама неизменно навязывает определенный и, прямо скажем, противоестественный стиль жизни. Рекламодатели, взывая к самым низменным чувствам потребителя, твердят: «Вы заслужили эту роскошь!», «Вы этого достойны!», «Побалуйте себя!» «Пусть весь мир подождет!»... А дети доверчиво принимают эти призывы за чистую монету. И чем разительнее отличается этот аляповатый мир от их родного дома, тем сильнее

обида: где же все то великолепие, которое, по словам этих восхитительных красавиц и прекрасных силачей, они заслужили?

Что же это за вожденный мир, где все есть, куда приглашает нас экран, придорожный щит или страница глянцевого журнала? Он ничуть не похож на нашу серую действительность, он воистину претендует на звание земного рая...

Познакомимся поближе с образцовой семьей из этой сказочной страны. Глава семейства постоянно страдает от кариеса, перхоти, запаха изо рта, расстройства желудка. Что, впрочем, неудивительно, ведь питается он в основном чипсами, супами из пакетиков и пивом. Ест он крайне неаккуратно и без конца сажает на одежду пятна, которые под силу только самым дорогим стиральным порошкам. В руках этого господина или в его доме вы не увидите ни одной книги, зато машины самых дорогих марок он меняет, похоже, ежегодно.

Дети в этой семье, судя по всему, заняты исключительно тем, что проливают варенье на пол, разбрасывают игрушки и пачкают одежду. Очаровательные карапузы без конца пьют кока-колу и лопают шоколадные батончики. Поэтому их главные враги — страшные кариозные монстры.

Холеная домохозяйка, мать семейства, озабочена, главным образом, приобретением новой бытовой техники, моющих средств, косметики и колготок. Семью она кормит концентратами, а лечит жаропонижающими таблетками. Проблема надежности средств от пота и гигиенических прокладок заботит ее настолько, что впору задуматься о психическом здоровье этой дамы.

Кстати, о прокладках. Благодаря телерекламе наши бедные малыши чуть не с колыбели осведомлены обо всех особенностях женского организма. Сегодня отнюдь не в диковинку увидеть, как девчушка лет пяти вырезает из листка бумаги прокладку для куклы Барби и со знанием дела вставляет ей в трусики.

В любой традиционной культуре было строго табуировано все, что связано с телесным низом. Тем более о подобных вещах искони запрещалось говорить при маленьких детях. Судя по всему, запреты такого рода были далеко не случайны: любой практикующий детский психиатр подтвердит, что их грубое нарушение приводит к тяжелейшим нервно-психическим расстройствам у детей.

Что бы ни рекламировалось, добрая половина рекламных роликов содержит эротический подтекст: пожуйте нашу жеватель-

ную резинку — и вы станете неотразимым мужчиной, выпейте наш кофе — в постели вам не будет равных, купите колготки нашей фирмы — и все мужчины будут у ваших ног... Дети, особенно совсем маленькие, не понимая сути намеков, улавливают их эротический дух. Возбуждение, не получая разрядки, трансформируется в агрессивность или может, наоборот, привести к подавленности, беспричинным страхам, энурезу, заиканию.

Особо следует сказать о подростках. Они составляют значительную часть телеаудитории, причем очень активную, в силу возраста постоянно стремящуюся к новизне. Рекламодатели всеми силами стремятся понравиться тинейджерам. Речь юных героев роликов перенасыщена подростковым сленгом: расхваливается «клевая» жвачка, «классное» молоко, «крутая» газировка. А не тянет ли вас, дорогие папы и мамы, вместе с чадом «оттянуться со вкусом»?

Возражать против подростковой культуры глупо. Эпатаж и демонстративное отрицание эстетических и этических норм взрослого мира — естественная и довольно безвредная болезнь роста. Но какими бы вызывающими и дикими ни были выходки тинейджера, ему абсолютно необходима уверенность, что где-то рядом есть те самые «противные» взрослые, которые знают, как на самом деле надо себя вести, и всегда готовы поддержать и прийти на помощь. Подыгрывая вкусам подростков, авторы рекламных роликов лишают детей возможности выразить свой протест против старшего поколения безопасными способами: если взрослые допускают *такое*, то что же еще нужно вытворить, чтобы не быть похожим на них?

Телереклама грубо врывается в фильмы в самые драматические моменты. Героиня узнает, что вся ее семья погибла в концлагере. На пике трагического напряжения сцена обрывается и вот уже по экрану запрыгали веселые красотишки, рассказывая о преимуществах новых жевательных резинок. Научится ли юный зритель такой рекламы сопереживать чужому горю?

Но, помимо всех этих довольно очевидных недостатков реклама обладает и иными, куда более изощренными и опасными свойствами. Начнем с того, что рекламные слоганы не имеют нормальной текстовой структуры; чаще всего это не законченные, связанные предложения, а набор слов, подчас не подчиняющийся законам русского языка, например: «Галина Бланка — буль-буль!» В результате отнюдь не только отвязные подростки, но и солидные люди с парой высших образований

начинают ловить себя на том, что в их мыслях или речи нет-нет да и проскользнет привычный слоган. Что же говорить о детях, уровень текстового мышления которых катастрофически падает год от года?

Но воздействуют на нас отнюдь не только слова. Реклама — это сложный комплекс, где нет ничего случайного: внешний вид героев, их одежда, жесты — все продумано до мелочей и имеет конкретного адресата. Реклама стирального порошка обращена прежде всего к зрительницам дневного телесериала, и порошок превратит героиню из замотанной жизнью тетки в бигудях и тапочках в элегантную, ухоженную даму. Но этот образ абсолютно не будет воспринят преуспевающей интеллектуалкой. Поэтому для нее — другой порошок, отличающийся от первого только имиджем героини: ей теперь уже не приходится застирывать по ночам манжеты офисных блузочек, она преуспела и в любви, и в карьере. Бессознательно отождествляя себя с тем или иным героем рекламы, мы, идя в магазин, и делаем выбор среди абсолютно идентичных товаров.

И вот тут впору поговорить о самой, пожалуй, серьезной опасности рекламы: она паразитирует на словах, образах, идеях.

Реклама претендует на осведомленность и научность. Проверки показали, что наш крем от морщин на 67 % эффективнее. Эффективнее чего? В каких единицах измеряется эффективность, чтобы можно было вычислить точный процент? Неважно. Большой телевизионный брат провел за тебя все исследования, тебе не надо думать, тебе надо только заплатить. Весь мир может быть взвешен и подсчитан, и мы не удивимся, если в следующей рекламе нам расскажут, что от нового кондиционера злобредность тещи уменьшилась на 83 %, а вот вкус ее пирожков от нового маргарина, наоборот, улучшился на 74 %.

Реклама претендует на патриотичность. Недолго длился тот период, когда люди хватали иностранные товары; от тех времен остался, например, сугубо российский бренд с громким иностранным названием «Вимм-Билль-Данн». Теперь надо связать товар с традиционными ценностями, с русской историей. И в результате колокольный перезвон превращается в шоколадки; боярыня Морозова — в вешалку для шубы; события из русской истории — в повод распить бутылочку пивка. Реальной России в этом не больше, чем на арбатском развале с матрешками, и все наше культурное наследие оказывается подобием супермаркета,

в котором можно выбирать то, что тебе по вкусу, и оставлять в стороне все остальное.

Что самое неприятное, реклама претендует и на некую духовность. Тут, надо сказать, христиане в свое время и сами поддались искушению, когда стали рекламировать, например, храм Христа Спасителя как раз между памперсом и тампаксом. А вот теперь Грааль — Чаша Тайной вечери, которую так упорно искали средневековые рыцари, — становится маркой лимонада. Заплати денежки и спокойно наслаждайся тем, на поиски чего люди когда-то тратили жизнь...

Но плохо даже не то, что реклама прибегает к духовным образам и словам, превращая «райское наслаждение» в дешевый шоколадный батончик. В этом нет ничего нового, значение многих слов всегда стиралось и ветшало. Помните, еще Николай Гумилев писал: «...как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова». Так, в христианском словаре «прелесть» обозначает состояние, когда человек ослеплен, прельщен бесами или страстями, но еще до всякой рекламы в салонах XIX века «прелесть» звучала как высшая похвала женской красоте или художественному изяществу.

Но современная реклама именно в силу этой своей навязчивости, агрессивности, неразборчивости ускоряет процесс вымирания слов так, как никакому салону Анны Павловны Шерер и не снилось. Она взывает к тем ценностям, которые разделяют практически все, и старается навесить к ним в нагрузку свой копеечный товар. А в результате — опошляет самое драгоценное.

Мечта, любовь, счастье — все то, что требует огромных душевных и нравственных усилий, оказывается доступным и легко достижимым с помощью «волшебной палочки». Выстирайте белье с нашим кондиционером — и близкие будут поражены вашей любовью. «Лучшее во мне» — это, оказывается, чай известной марки, а чтобы «все в жизни получилось», достаточно «зарядить мозги» при помощи шоколадного батончика.

А что такое «мужской характер»? Это, разумеется, пиво, пиво, и еще раз пиво, но и определенная твердость тоже: если жена попросила помочь по дому, надо отшить ее так, чтобы мало не показалось. А что нам делать с друзьями? Разводить, продавать, грузить и все такое прочее, ведь на самом деле наши друзья — это новейшие персональные компьютеры, а вовсе не люди.

Мир, действительно живущий по этим правилам, затмил бы оруэлловскую антиутопию.

Ну и что же со всем этим делать? — спросит читатель. Протестовать, требовать от правительства ограничений в рекламе? Что же, это можно. Вот, например, ограничили рекламу пива. Теперь его нельзя восхвалять в дневное время — и его восхваляют в основном вечером; теперь нельзя показывать людей и животных — и пейзажи пивопития напоминают то ли результат взрыва нейтронной бомбы, то ли бред аутиста. Словом, ограничения не слишком помогают справиться с этой напастью.

Так что остается одно: иметь на плечах голову, а в руке при просмотре телепередач — пульт, с помощью которого так легко заставить назойливую рекламу замолчать. Особенно когда перед экраном сидят дети, воспринимающие все слишком всерьез.

И главное, главное, главное — воспитывать в себе и своих малышах два качества: ответственность за сделанный выбор и чувство вкуса. Именно они позволяют отличить драгоценность от конфетного фантика. Человек, который живет настоящей жизнью, вряд ли поддастся на искушения жизни придуманной, искусственной, заемной. А что эта жизнь никуда с экранов и страниц не денется — это будет уже не наше дело. И прав будет наш гипотетический собеседник: «Ну реклама, ну и что реклама?»

«Ты этого достойна!»

Одна очень славная девушка высказала заветную мечту: хорошо бы мужчины сдавали 40 % своей зарплаты в особый фонд, из которого платили бы зарплату женщинам, — ну просто за то, что они такие прекрасные! Меня немного удивила некруглая цифра, 40 %, но гораздо более того — социалистический настрой самой мечты. Эта девушка не жила при социализме: когда в магазинах пропали продукты, а на Манежную площадь вылились митинги, она была еще совсем крохотной. Она выросла уже в рыночную эпоху — откуда же такая сугубо социалистическая идея? Если бы она сказала: «Хочу выйти замуж за принца, да так, чтобы не работать, а только радовать его своей красотой», — это было бы мне куда понятнее. Но чтобы вот так вот перераспределять в общегосударственном порядке, это уже явно в духе Совнаркома.

Только давайте не будем ругать саму девушку, она просто-душно высказала то, о чем все мы почти так или иначе мечтаем. Мы, москвичи, вполне довольны тем, что деньги фабрик и нефтяных скважин со всей страны оседают в нашем прекрасном городе, а жители какого-нибудь Васюганья мечтают, чтобы таким 40-процентным налогом обложили эту заевшуюся и обнаглевшую столицу, разумеется, в пользу их прекрасного края. И если мы поедем отдыхать в Крым например, мы увидим ровно то же самое: с нас будут требовать на каждом шагу немалые деньги просто за то, что Крым так невыразимо прекрасен, а во-все не за качество предлагаемых услуг (оно мало чем отличается от советского). Если уж мы воспринимаем все это как норму, то отчего бы не понять и девичью мечту? Нет в ней ничего особенного.

Хотя, с другой стороны, какой же тут социализм? Мы же помним, как со школы нам вдальбивали: общественное выше личного (потому и пионерский салют отдается ладонью, поднятой над головой), и на каждом шагу юный пионер или пионерка слышали: «Ты должен, ты обязана». Привычно отвечали на эту трескотню дежурным: «Всегда готов» и шли играть в футбол, прыгать через резиночку, а то и курить в соседней подворотне. Вот это было для нас настоящим!

Потом информационное поле резко изменилось, и нам стали вдальбивать: «Ты имеешь право!» Интересно, что чем больше говорили о правах, тем скуднее становилась жизнь большинства, и вторую часть нам явно не договаривали: «Да, теперь ты имеешь право, но зато теперь никто тебе ничего не обязан, так что крутись сам, как знаешь». Неудивительно, что простой народ права эти не слишком высоко ценил и при случае не особенно возражал, когда их стали постепенно менять на стабильность.

Но особенно усердствовала реклама. Нашим милым девушкам она никогда не говорила: «Вот тебе хорошая косметика или одежда». Она пафосно восклицала: «Ты этого достойна!» За что удостоилась, как заслужила? А никак, просто потому, что ты такая прекрасная, — ты этого достойна. Кто и сколько будет за это платить, дело десятое, хотя, конечно, надо будет кого-нибудь найти, потому что достойна, и все тут. А если у тебя этого нет — ты лузерша и лохушка. Ну а как иначе рекламистам продать сто тридцать пятую за последние полгода модель мобильного телефона со встроенным всем, что только туда встраивается?

Мы уже привыкли быть потребителями-индивидуалистами. Это не просто западная модель поведения, но модель Дикого Запада, потому что в «одомашненных» западных краях как раз совершенно не принято щеголять крикливо дорогими вещами, а самое главное, там существует своя система общественных отношений, где достаточно строго прописаны права и обязанности каждого. Впрочем, и на социализм это тоже очень похоже, потому что на Западе главный девиз — «я могу себе это позволить, потому что достаточно зарабатываю». Бездуховно, согласен, и звучит совершенно потребительски. Но когда человек ожидает того же от правительства, профсоюза или богатого жениха просто по принципу «я достоин», потребительства тут столько же, а вот безответственности — намного больше.

Примерно так и в большой экономике. Еще совсем недавно молодой офисный работник был уверен, что достоин стартовой зарплаты в полторы-две тысячи долларов просто так, безо всякой связи с работой, которую будет делать. Не «нам повезло с ценами на нефть, кто его знает, как надолго», а именно что «мы этого достойны». В результате российская экономика накрепко привязывается к экспорту нефти: чтобы продавать что-нибудь иное, надо научиться делать это иное или существенно лучше, или хотя бы существенно дешевле, чем все остальные страны. А у нас, разумеется, ВАЗ до сих пор уверен, что новые «жигули» достойны стоять в одном ряду с иномарками, и правительство обязано обеспечить соответствующий уровень цен. Можно ли всерьез рассчитывать на улучшение качества этих самых «жигулей», если они изначально «достойны»?

Словом, надо нам что-то менять — не только в «жигулях», но прежде всего в головах.

А вот в церковной жизни вроде бы все совсем не так. Мы поем «достойно есть», а не «я этого достойна», даже наоборот, очень много говорится о собственном недостойнстве. Но замена плюса на минус еще не означает отказа от старой потребительской схемы: человек, может быть, недостоин, но зато он удостоился, и в любом случае он — пассивный потребитель благодати. Например, причастие. Да, я совершенно согласен, что необходима подготовка и что исповедь призвана играть в ней важнейшую роль, но не превращается ли порой наша практика в какое-то распределение благодати по талонам, выдаваемым в виде разрешительной молитвы? Прочитал, что положено, подо-

шел под епитрахиль — вот и достоин, а тот не достоин, потому что не прочитал и не подходил. И так уничтожается это удивительное ощущение таинства: Христос идет за нас на Крест, Он сажает нас за один стол с апостолами — кто вообще может хвалиться тут своим достоинством и готовностью?! А наши приготовительные молитвы — всего лишь попытка осознать свое несоответствие этой Жертве, очень нужная для нас попытка. Но не более того.

Впрочем, это касается и куда менее значимых вещей. В свое время другая девушка выражала другое пожелание: а хорошо бы, говорила она, чтобы храмы были открыты не только во время богослужения, а всегда, и чтобы там сидел священник, с которым я могла бы поговорить о чем-то важном хоть в три часа ночи... Конечно хорошо бы, кто спорит. Я едва удержался тогда, чтобы не спросить ту самую девушку: вот ты христианка, причем грамотная, так готова ли ты ходить дежурить в свой приходской храм, чтобы в три часа ночи сомневающемуся, отчаявшемуся, заблудившемуся человеку было бы с кем поговорить? Может быть, пьяному, неопрятному, неприятному тебе человеку... И не по вдохновению туда ходить, а по расписанию? Иными словами, не «я этого достойна», и не «я бы этого хотела», а «я за это отвечаю»? Если ты не готова и я не готов, то никто и не будет этого делать.

И это касается очень многого в нашей церковной жизни. Мы видим несовершенства земной Церкви, порой вопиющие расхождения между тем, чему учит Евангелие, и тем, что творится в данном конкретном храме. Такое действительно встречается, и не так уж и редко. Видят это и внешние и часто предъявляют церковным людям претензии, порой справедливые, порой — нет. Но в огромном количестве случаев эти претензии к церковной жизни (будь то изнутри, будь то снаружи) сводятся к простому тезису: «Нам нужна другая, более совершенная, более святая... ну хотя бы более удобная церковь». И звучит за этим все тот же мотив: «Мы этого достойны!» Почему, интересно?

Нет, конечно, любой человек достоин самого лучшего, и в нашей жизни есть очень много такого, с чем приходится мириться, что ни в коем случае нельзя принимать как норму. Но я предлагаю начать с другого конца: что можем мы сделать здесь и сейчас, чтобы сделать мир чуточку более достойным нашего высокого звания Человека.

Пожалуйста, заплатите дань!

Государство периодически напоминает нам: «Пожалуйста, заплатите налоги!» И мы понимаем, что да, действительно, нужно платить, чтобы были средства у детских домов и военных, чтобы ходил городской транспорт и строились дороги. Платить, правда, не очень хочется, и мы нередко предпочитаем давать и получать конвертики, минуя бухгалтерию. Во-первых, и это главное — денег на налоги элементарно жалко. Во-вторых, платить официально, через бухгалтерию, часто бывает очень неудобно. Да и государство тратит эти самые средства как-то уж очень широко и бездумно, нас с вами не спросивши. И хочется помочь непосредственно какому-нибудь детдому, а не просто перечислять средства начальству: еще вопрос, на что оно их потратит.

Но есть тут и еще одна сторона: как именно эти самые налоги с нас собирают. Собственно, существуют две основные модели. Первая — это взимание дани: налетели «начальные люди», похватали что попало, отлупили кого ни попадя и отбыли восвояси. Если мало им показалось — прискакали во второй и даже в третий раз... Всякий нормальный человек, естественно, от таких сборщиков прячет все, что только возможно, а в особо суровых ситуациях и за рогатину может взяться, если до отчаяния его довести. Все, наверное, помнят рассказ из «Повести временных лет» про князя Игоря и древлян. Эта модель, прямо скажем, не очень эффективна в современном мире.

Само слово «налог» предполагает другую модель отношений, договорную: государство и гражданин играют по определенным правилам, и если возникают споры, то существуют и способы урегулировать их, причем гражданин четко понимает свои права и может их отстаивать. Ведь он не подданный, а налогоплательщик, а значит, первично не государство, а именно он: государство и живет на его деньги. Собственно, когда нас в очередной раз с рекламных щитов просят: «Пожалуйста, заплатите», то предполагают именно эту модель отношений. Она куда эффективнее, но и намного сложнее: налететь и отнять при наличии силы всегда возможно, а вот установить доверие — это еще надо постараться. И в нашей стране, надо признаться, не особенно стараются пока ни граждане, ни государство.

Я расскажу только две истории из собственного опыта, из которых хочу сделать оптимистичный вывод: прогресс есть. Маленький, правда, но есть.

В первый раз меня вызвали в налоговую в самом конце 1990-х. Дело в том, что по основному месту работы (один из институтов Академии наук) я получал сущие копейки, гораздо больше выходило в других местах. По тогдашнему законодательству я сам должен был суммировать все свои доходы и подавать декларацию, налогообложение шло по прогрессивной шкале. Свыше 100 тысяч рублей в год — уже 35 %. Это, как вы понимаете, немногим больше 8 тысяч в месяц грязными, зарплата и по тем последефолтным временам не ахти какая. У меня, с учетом всех источников заработка, получалось около 15 тысяч в месяц (это до налогов!), и жила семья почти исключительно на эти деньги впятером: мы с женой (она была в декретном отпуске и получала мизерное пособие) и трое детей. Знаете, какие были положены налоговые скидки на детей? Запомнил это отлично. Из-под налогообложения можно было вывести 70 рублей в месяц на каждого ребенка. Семьдесят! И ни копейки больше государство уступать нам не хотело.

За неуплату положенного меня наказали строго: пересчитали налоги, оштрафовали за неподачу декларации, начислили пеню за недоплаченный налог. Чтобы все это заплатить, пришлось ждать отпускных вместе с очередной получкой и прямо от кассы нести всю сумму в сбербанк, расплачиваться по налогам на безумные наши сверхприбыли, больше восьми тысяч в месяц на семью из пяти человек. Все по закону, система сработала слаженно и четко.

Это было время, когда очень много говорилось о либерализме, рынке и всем таком прочем. Время, когда практически все получатели реальных сверхдоходов в той или иной мере творили то, за что потом посадили одного Ходорковского. Но налоговой инспекции было проще бороться не с ними, а со мной, и я ее прекрасно понимаю: акулы рынка так легко бы им не дались.

Когда следующее поколение властителей, уже далеко не столь либеральных, ввело плоский подоходный налог в размере 13 %, отменило обязательную подачу деклараций, а заодно и налог на наследство, то «раб судьбу благословил». И задумался, насколько на самом деле были либералами те, кто так себя называл...

Недавно мне снова пришлось ходить в налоговую. Дело в том, что я продал и купил квартиру; по нашим законам это дает мне право на налоговый вычет в размере официальной стоимости

новой квартиры, правда, такой вычет можно получить лишь раз в жизни. Конечно, деньги это не маленькие, и я решил этой возможностью воспользоваться. А заодно и попросить положенный вычет в размере 20 % на полученные гонорары — такая возможность тоже предусмотрена законом. Скачал я на сайте налоговой службы программу для составления декларации, потом приехал со своей декларацией в инспекцию, попросил проверить мои бумаги. Вежливый молодой человек с цветными татуировками во всю руку (именно так я представлял себе налоговиков!) сказал, что все оформлено правильно и ответ они должны дать в течение месяца.

Ответа не было. Дело в том, что маленький вычет за гонорары приплюсовывался к большому, за квартиру, и получившаяся сумма удивила девушку, занимавшуюся проверкой бумаг: откуда взялась эта цифра? Она отметила свое недоумение карандашом и положила дело на полку, на три месяца с половиной, пока я, так и не дождавшись ответа, не приехал сам в налоговую разбираться. Тогда удивленная девушка, тоже отменно вежливая, обратилась за консультацией к тетушке зрелых лет. И тетушка очень живо, со знакомыми до боли интонациями объяснила мне, что:

- таких вычетов они не предоставляют, а кто говорит иное, тот не знает кодекса;

- да и программа на сайте налоговой службы тоже кодекса не знает, и парень из другой комнаты не знает его совсем, знает только она;

- но мне она этот самый кодекс не покажет, я должен ей верить на слово и ни о чем ее не спрашивать;

- если парень из соседней комнаты обещал рассмотреть мое дело в течение месяца, то все вопросы только к нему, а она тут ни при чем;

- много нас тут таких ходит;

- у нее вообще начался обед;

- при желании она может мне устроить такую проверку за три последних года, что мало не покажется.

Вот, собственно, и все. А мне-то казалось, что времена сбора дани постепенно уходят в прошлое: вот и сотрудники налоговой разговаривают очень вежливо, и в Интернете можно бесплатно скачать программу по заполнению деклараций, и правила упростись... Но нет, не до конца еще ушли те времена. По крайней мере, пока не ушла на пенсию та тетенька, — да и одна ли она такая?

В общем, декларацию пришлось переделывать, от маленького гонорарного вычета отказываться. Как в анекдоте: право я на него имею, но воспользоваться этим правом не могу. А вычет за купленную квартиру действительно предоставили, с этим все в порядке.

Впрочем, в налоговой инспекции стало мне видно: подрастает новое поколение. И мне отчего-то хочется верить, что когда в следующий раз эти самые парни и девушки скажут мне: «Пожалуйста, заплатите налоги», — в игру по единым и прозрачным правилам действительно можно будет поверить.

Очень мне хочется так думать.

Дождавшись варваров

У замечательного греческого поэта Константиноса Кавафиса есть стихотворение «В ожидании варваров». Вот как оно начинается в переводе Ирины Ковалевой (а есть и другие):

- Чего мы ждем, сошедшись здесь на площади?
- Да, говорят, придут сегодня варвары.
- Так почему бездействие и тишина в сенате?
- И что ж сидят сенаторы, не пишут нам законов?
- Да ведь сегодня варвары придут сюда.
- Сенаторам не до законов более.
- Теперь писать законы станут варвары.

Стихотворение заканчивается тем, что варвары так и не приходят и весь столичный город пребывает в полном недоумении: как теперь быть, когда вся жизнь была подстроена под варваров, а они вдруг взяли да и не явились?

А ведь Византия на самом деле так и жила, в постоянном ожидании варваров. Да, укреплялись городские стены Константинополя, изобретались новые виды оружия, совершенствовалась тактика. Но гораздо чаще, чем на поле боя, победа приходила через дипломатию и просвещение этих самых варваров. Не случайно в «Повести временных лет» мы читаем о том, как славянские варвары сначала прибили щит своего князя к воротам Царьграда, через некоторое время взяли Херсонес, а потом... потом приняли крещение и стали старательными учениками византийцев.

Сегодня Константинополь давно стал турецким Стамбулом, византийский двуглавый орел исчез с герба Греции, но он по-прежнему остается на гербах России, Сербии, Черногории и даже Албании — те самые бывшие варвары сохраняют византийское наследство. Именно потому, что когда-то византийцы дождались варваров и сумели обратить их в свою веру, передать им свою культуру, и появилась на свете Русь-Россия, какой мы ее знаем, да и вообще все «византийское содружество наций» (термин Д. Оболенского), надолго пережившее саму Византию.

Это византийское наследство во многом определило облик нынешней России — многонациональной страны с неким единым культурным стержнем. Даже советские лозунги о многонациональной социалистической культуре, при всей их искусственности, продолжали примерно ту же линию.

Сегодня... Сегодня все резко переменялось. Варваров мы-таки дождались: они «понаехали тут». Они метут наши дворы, таскают в наших магазинах коробки, строят наши дома, они вообще делают всю черную работу в Москве, потому что ни один москвич за такие деньги делать ее не станет. Да и не москвич, пожалуй, тоже: выходцы из Пензы, Хабаровска или Пятигорска приезжают в столицу для того, чтобы делать хорошую карьеру, а не махать метлой и заборы красить. И я вполне доверяю выводам демографов, которые единогласно утверждают: без притока дешевой рабочей силы извне наша экономика уже не будет работать, поскольку население ощутимо стареет, да и просто сокращается, если не сказать «потихоньку вымирает». Между прочим, еще в советские времена на многих московских заводах работали «лимитчики» со всего Союза и даже вьетнамцы, потому что своих рабочих рук москвичам не хватало и тогда, когда рабочий получал больше чиновника или инженера средней руки. Словом, если нынешняя тенденция сохранится (а пока не видно причин для ее перелома), русские в Москве перестанут быть большинством.

И в этом тоже нет ничего уникального. Я помню, как однажды мне надо было провести ночь в Париже, мне заказали недорогую, совсем крохотную гостиницу в Латинском квартале, минут пятнадцать пешком до Нотр-Дам. Шикарно, подумал я, вечер в сердце Парижа! Я вышел на улицу, чтобы поужинать, и выбор был велик: турецкий дёнер, ливанская шоарма, греческие сувлаки... В маленьком продуктовом магазинчике покупатели вели неторо-

пливую беседу с продавцом о своей жизни — на арабском языке. Французов поблизости просто не было.

В тот свой приезд я услышал от одного француза: «В 732 году при Пуатье франки разгромили арабов и так остановили распространение ислама в Европе. Арабы сегодня снова под Пуатье, только они приезжают туда на поезде. И мы ничего, совершенно ничего не предпринимаем по этому поводу!» Нет, он вовсе не был нацистом, призывавшим к погромам и депортациям. Совсем наоборот, он был христианином и печалила его бездеятельность христиан в деле просвещения тех самых «варваров».

Впрочем, и варварами их назвать язык не поворачивается, разве что в кавычках: те же арабы в VIII веке были носителями культуры, ни в чем не уступавшей культуре франков, просто она была совсем другой. А что до наших «понаехавших», то Самарканд и вовсе старше Москвы более чем в три раза — в его ворота входили еще воины Александра Македонского. Но все же сегодня и мы, и европейцы смотрим на этих людей действительно как на варваров: они являются из далеких юго-восточных краев в наши города в поисках лучшей доли, присутствие их давно стало данностью, и надо с ними что-то делать...

Но при общем сходстве нетрудно обнаружить коренные отличия. Араб во Франции, пакистанец в Англии, турок в Голландии — выходцы из далеких и совершенно чужих стран. Но об азербайджанце или таджике в Москве так сказать не получается: еще 20 лет назад именно Москва была столицей их родины. Говоря: «Их никто не звал», мы несколько лукавим: мнения их предков не спросили, когда включили эти территории в состав Российской империи, когда потом произвели революцию и объяснили им, что вместо ханств и эмиратов будут социалистические республики. И мнением этих людей не поинтересовались три славянских президента, когда в одночасье отменили Советский Союз и подарили им независимость, которой они не просили. Новости всегда приходили из российской столицы, и именно сюда протоптана у них дорожка. Те, кто старше 30 лет, учились русской грамоте по тем же букварям, что и мы, смотрели те же мультики, да и сейчас детям их показывают. Моя знакомая туркменка в свое время просила меня прислать из Москвы детские книги на русском языке.

И в этом наше огромное преимущество перед Западной Европой и перед «плавающим котлом» США: все эти люди нам уже не

чужие (в отличие от тех же вьетнамцев или китайцев). Более того, они приезжают в Москву не для того, чтобы устроить тут все, как у себя на родине, а для того, чтобы перейти к московскому образу жизни. Они стараются при возможности устроить детей в школы и институты, они готовы к интеграции в такой степени, какая не снилась амстердамским туркам и парижским арабам.

Но к их интеграции как-то не готовы мы сами. Нам проще и удобней, когда они живут в своих гетто, а мы воспринимаем их примерно так, как англичане в Индии воспринимали своих индийских слуг. Но англичанам пришлось уйти из Индии и принять огромное количество индусов на свои острова. И вот тут будет уместно вспомнить о том, как мудрые византийцы поджидали своих варваров. Они старались, насколько возможно, привить им свою веру, свою культуру, свое миропонимание, чтобы, «когда писать законы станут варвары», эти законы все равно оказались бы византийскими.

Готовы ли мы к такому повороту событий? Вот, к примеру, сейчас очень много говорится о миссионерстве — но у нас в Москве, прямо под боком, есть совершенно нетронутые целинные залежи. Это те самые Равшан и Джамшут, которые и по-русски говорят неважно, и работают тоже плохо (рабский труд вообще редко бывает эффективным). Главное, совершенно не понятно, как себя с ними вести, о чем говорить, что делать. Но обязательно стоит пытаться что-то сделать!

Кто мог бы поверить в первые века христианства, что столица всего Востока, великолепная Антиохия на Оронте станет какой-то провинциальной Анталией в Турецкой республике? Кто мог предположить, что многочисленная церковь Александрии Египетской превратится в ничтожное коптское меньшинство в исламском государстве? Так и мы сегодня не можем даже догадываться, какие великие державы и столицы исчезнут в будущих веках с политической карты мира.

Но мы можем постараться сделать то, что удалось в свое время сделать византийцам: передать другим религию, культуру и историю — и так сберечь их для человечества. Не в том главный вопрос, каковы будут у жителей Москвы цвет кожи и разрез глаз через триста или пятьсот лет, а в том, как жители Москвы станут относиться к православной вере и русской культуре. И тут немало зависит сейчас от нас, дождавшихся прихода «наших варваров».

Сторож брату моему

Представьте себе такую ситуацию. Некий верующий человек пригласил к себе домой своих знакомых, чтобы почитать Писание, помолиться, побеседовать. И вдруг — звонок в дверь. Люди в форме, обыск, арест, суд. Приговор гласит: человека оштрафовать, изъятые у него при обыске книги, журналы, видеозаписи христианского содержания уничтожить. Это вообще-то совсем не строгий приговор, потому что его судят в первый раз. Так что пока он обойдется без тюремного заключения, но лучше ему в другой раз не попадаться.

Что это, сталинский Советский Союз? Северная Корея? Нет, это повседневная жизнь наших с вами современников, граждан среднеазиатских республик, с которыми нашу страну связывают партнерские и даже союзнические отношения. Причем это не произвол, все эти действия проводятся в строгом соответствии с законом.

Статья 184 (2) Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности: «Незаконное изготовление, хранение, ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения или распространение материалов религиозного содержания — влечет наложение штрафа на граждан от двадцати до ста, и на должностных лиц — от пятидесяти до ста пятидесяти минимальных размеров заработной платы с конфискацией материалов и соответствующих средств для их изготовления и распространения».

Незаконное хранение, распространение и т. д. — это, например, если у человека больше одной Библии. Или если он въехал на территорию страны с одной-единственной Библией, но выехал без нее. Значит, распространял. И это хорошо еще, если только один раз попался, потому что...

Статья 244 (3) Уголовного кодекса той же республики: «Незаконное изготовление, хранение, ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения или распространение материалов религиозного содержания, совершенное после применения административного взыскания за такие же деяния, наказывается штрафом от ста до двухсот минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет».

И ничего специфически узбекского тут нет: в Туркмении подобные законы существовали уже давно, в Киргизии похожий закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» был принят в январе 2009 года, в Таджикистане закон «О религии и религиозных объединениях» вступил в силу уже в марте того же года. Казахстан, слава Богу, стоит в стороне от этих нововведений.

Новые и старые законы различаются в деталях, но в главном схожи. Согласно киргизскому закону например, чтобы создать религиозную организацию, нужно получить официально заверенные заявления от 200 человек. Если кто-то заболел, переедет в другой город, из-за осторожности или лени вовремя не явится с паспортом в соответствующий орган, регистрация не состоится, любое собрание 199 остальных верующих будет считаться нелегальным. Запрещается распространение религиозной литературы в общественных местах, школах и высших учебных заведениях, запрещается вовлечение детей в религиозные организации (даже с полного согласия родителей), наконец, «настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие». То есть проповедовать Евангелие мусульманам (пусть и номинальным, которые дорогу в мечеть давно забыли) или даже собственным детям — это теперь в Киргизии строго запрещено.

Правда, пока не очень понятно, насколько строго будет применяться этот закон. Может быть, очень избирательно, как и многие другие законы в нашей Евразии. Но в Туркменистане и Узбекистане, например, некоторые протестантские пасторы получали вполне реальные тюремные сроки за «нарушение религиозного законодательства». И если какой-то туркменский заключенный на основании евангельского «не клянитесь» отказывался приносить обязательную ежедневную клятву верности Родине и президенту, то его обычно ждал карцер. Впрочем, в Туркмении, вероятно под давлением мировой общественности, уголовная ответственность за нарушение религиозного законодательства была позднее упразднена, оставлена только административная, но мы же понимаем, как легко одно переходит в другое.

И это вовсе не «перегибы на местах» — это спокойная, осознанная, последовательная политика наших союзников в Средней Азии, в полном соответствии с законами и подзаконными актами. Политика, против которой мы никогда не возражаем и которую предпочитаем просто не замечать. Я не привожу сейчас конкретных фактов просто потому, что не проводил никаких самостоятель-

ных расследований, но факты эти нетрудно найти в Интернете. И я хочу предложить задуматься над простыми вопросами: почему так происходит и какими могут быть последствия?

Сами среднеазиатские правители утверждают, что эти законы направлены прежде всего против исламского экстремизма. Угроза вполне реальная, если посмотреть на недавнюю историю этих стран, особенно Таджикистана... Но насколько подходит такое средство борьбы с ней? Боюсь, что ровно настолько же, насколько и пункт в визовой анкете, которую мне однажды довелось заполнять: «Планируете ли вы совершение террористических актов?» Ясно, что никто не ответит на этот вопрос «да», зато чиновники свои тылы прикроют, они же, мол, всех спрашивали, план по предупреждению терроризма выполнен.

Вот и кружок по подготовке исламских (или любых иных) экстремистов по определению нигде не будет регистрироваться в своем подлинном обличье. Все эти законы стесняют в основном людей мирных, приверженцев нетрадиционных религий. Приверженцы традиционных религий еще как-нибудь договорятся, их слишком много, все мечети не закроют, а вот пришлых и вообще слишком активных проповедников легко можно будет прижать, не по одному пункту, так по другому.

А нам-то, собственно, что волноваться? Местные православные (немного их там осталось) вроде бы не чувствуют особых притеснений, а второй экземпляр Библии им как-то и не нужен... Страдают-то в основном баптисты, пятидесятники, иеговисты да слишком рьяные проповедники ислама. Может быть, православным, наоборот, только лучше станет, если для остальных введут строгие ограничения?

На самом деле запреты эти выполняют, главным образом, только одну роль, хорошо знакомую нам и по советским временам: дают государству монополию на людские умы. Или, точнее, дают ему иллюзию такой монополии, ведь мы, кому сейчас около сорока и более того это помним: пусть все строго запрещено, «...но звучит напетое вполголоса, но гремит прочитанное шепотом», как пел А. Галич. Именно на фоне унылой казенщины и строгих запретов оно и гремит, причем вне зависимости от качества и степени истинности этого шепота.

«Котора вера гонима, та и правильна», — как говорили наши предки, уходя в тайгу, и уже ни за что не своротить их было с этого пути. И не будет ничего удивительного, если в дальней пер-

спективе такие меры только повысят популярность проповедников радикального ислама. Как говорил мне один таджик: «Семьдесят лет нас отучали говорить об Аллахе и приучали говорить о Марксе и Ленине, но кто теперь помнит этого Маркса? А вот Аллаха помнят все».

Кроме того, как долго православным оставаться приверженцами религии терпимого русского меньшинства, никто не знает. Как говорили про нацистский режим: когда приходили за евреями, я не возражал, потому что я не еврей, когда за коммунистами — потому что не коммунист, когда за верующими — потому что неверующий, а когда пришли за мной, то и возражать было уже некому. При каком-то новом повороте государственной политики в этих странах не будет ничего проще, чем применить к православным все те методики, которые так успешно отработываются сейчас на протестантах и исламистах.

И может быть, самое для нас тревожное вот в чем... В Средней Азии сейчас устанавливается определенная модель взаимоотношений государственной власти и Православной Церкви: власть не мешает и даже отчасти покровительствует Церкви, но ровно до той поры, пока это никому не заметное меньшинство сидит себе тихо в своих официально зарегистрированных храмах, абсолютно ни во что не вмешивается, все покорно одобряет и, главное, никогда и никому не проповедует Христа.

И будет очень печально, если этот опыт кому-то покажется удачным и востребованным в нашем собственном Отечестве.

«Аан бастаан Тыл баара»

Этими словами начинается Евангелие от Иоанна, только якутски: «В начале было Слово». Это очень своеобразный и красивый по своему звучанию язык, и может статься так, что некоторые православные священники будут изучать его. Да и не только его, пожалуй... «Миссия в Якутии должна опираться на национальную составляющую», — считает игумен Агафангел (Белых), миссионер из заполярного Тикси.

В этом предложении нет ничего нового. Еще в инструкции для миссионеров 1840 года (под редакцией святителя Филарета)

говорилось: «Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, ты должен в непродолжительном времени узнать язык их, на первый раз по крайней мере для того, чтобы понимать. Дьячку же, находящемуся при тебе, поставляется в непрременную обязанность изучить язык их совершенно».

Богослужение на якутском начало совершаться с 1859 года, но и тогда, и сейчас с ним не все так просто. Далеко не все богослужебные тексты были тогда переведены, даже не было полного Нового Завета. Кстати, переводы XIX века уже заметно устарели, ведь якутский, как и другие языки в период становления собственной письменной традиции, быстро развивался. Не хватает священников, знающих этот язык и желающих на нем служить. Не хватает и простого понимания: а зачем вообще все это нужно? И в XIX веке, и сегодня полно людей, рассуждающих так: всех «инородцев» нужно обучить русскому и церковнославянскому, никакие переводы для них не нужны.

Полтора века назад это, конечно, было полной утопией. Но сегодня все дети в России ходят в школу, изучают русский язык. Приезжая в большие города, мы вполне обходимся русским языком, вот и возникает у нас ощущение, что все якуты, и вообще все жители России, свободно говорят по-русски. А в дальние поселки, где на русском местные жители могут разговаривать разве что с телевизором, мы просто не добираемся.

И у кого-то даже возникает опасение: а что, если якутское национальное православие будет поощрять местный сепаратизм? Зачем это им обязательно использовать собственный язык? Ведь понимают же по-русски (ну и церковнославянский как-нибудь выучат)?

Ну, что касается сепаратизма, это просто какое-то недоразумение. Недопустимо делать проповедь Евангелия заложницей текущих политических задач, хотя на самом деле эта проповедь никак не ущемляет интересов государства. Якутский национализм и сепаратизм действительно существуют, но они ориентированы на традиционную религию — шаманизм. Более того, тезис «православие в России должно быть русским» как раз очень удобен тем, кто хочет максимально отделить якутов от русских. «Ну да, — ответят они, — а нам, якутам, оно совсем ни к чему».

Вообще, утрата своей национальной идентичности — общая беда, особенно у нас в стране, где принято было петь: «Наш адрес не дом и не улица, наш адрес — Советский Союз». Советский человек на самом деле во многом уже переставал быть якутом,

узбеком или эстонцем, он разговаривал на русском языке, официальном языке Союза, но... это вовсе не делало его русским. И к русским эта утрата идентичности относилась в полной мере, они тоже становились советскими людьми, без национальных корней и традиций. И сегодня в нашей стране есть две противоположные тенденции: слияние всех национальностей в безликости телеящика и фастфуда и возвращение к своим корням.

Но корни тоже могут быть разными, и тут как раз встает вопрос: готовы ли мы признать за якутами, чувашами или карелами право стать самобытным православным народом, каким стали в свое время русские? Заметим, византийцы, обращая славян в христианство, сразу и безоговорочно признали за ними право на собственный богослужебный язык. Готовы ли мы сегодня признать, что православие якутов может в деталях отличаться от нашего, как наше отличается от греческого? Я не вижу причин, по которым мы могли бы дать отрицательный ответ.

А впрочем, что теоретизировать, лучше будет рассказать о настоящих живых якутах. Еще в конце девяностых я познакомился с Саргыланой Леонтьевой, работавшей тогда над завершением перевода Нового Завета на якутский язык (этот перевод был подготовлен и опубликован в 2004 году Институтом перевода Библии, а в 2008 году вышло его новое издание). Саргылана училась в Петербурге, прекрасно говорит по-русски и по телефону может легко сойти за русскую. И все-таки она якутка, выросшая среди своего народа. Она помнит, как в детстве зимовала с родными в тайге в низенькой полуземлянке, — вместо стекла в окно вставляли кусок льда, внутри от теплого воздуха он запотевал и становился прозрачным, но мороз снаружи не давал льду растаять.

Она пишет стихи — только на якутском. На этом языке, уверовав в Бога, она стала и молиться, ведь именно он — язык ее души. В начале девяностых к ней, питерской студентке, обратились с просьбой исправить первые опыты нового перевода Нового Завета на ее родной язык и она с радостью за это взялась. Но через какое-то время из-за организационных неурядиц работа остановилась, и она вспоминает, «как шла в слезах по улицам Петербурга и молилась, чтобы продолжилось это дело, очень нужное для якутского народа». Через некоторое время именно ей вместе с другими переводчиками и пришлось его продолжить. Именно в ходе этого труда она и приняла крещение в православном храме...

Над языком и стилем перевода много работал филологический редактор, ныне покойный писатель Дмитрий Кононович Сивцев-Суорон Омоллоон (одно его имя показывает, как переплелись у современных якутов национальные и православные традиции, пришедшие через посредничество русских); участвовали в проекте и многие другие. А о своих предшественниках, авторах первых переводов на якутский, Саргылана говорит так: «Нам было несравнимо легче, чем им, первопроходцам глухих таежных дебрей якутского языка. Силу первого сопротивления тяжелой языковой массы, противостояния невидимых сил приняли на себя они, мужи веры. Своим жертвенным трудом они расчистили глухой лес под пашню, и тогда земля, открывшаяся солнцу, обогрелась, вечная мерзлота начала выделять живительную влагу, и посев дал желанный урожай».

Надо сказать, что к делу перевода всегда проявлял самое благожелательное внимание владыка Герман, занимавший тогда Якутскую кафедру (ныне он переведен на кафедру Курскую и Рыльскую). Новый епископ Якутский и Ленский, Зосима, с таким же вниманием относится к печати и распространению христианской литературы на якутском языке. Кстати, подобное отношение характерно не для всех епархий: порой до местных языков там просто не доходят руки.

Что может чувствовать якут, пусть даже и превосходно знающий русский язык, если он лишен возможности говорить с Богом на своем языке... Давайте вспомним о потомках русских эмигрантов. Многие из тех, кто родился и вырос за рубежом и уже говорит по-русски с акцентом, неизменно посещают именно русскую церковь и молятся на славянском языке. Что ответят они, если сказать им: «Вы в совершенстве овладели английским, французским, испанским — молитесь теперь на этих языках, забудьте о русской традиции»? Думаю, ответ очевиден.

В Париже есть двухэтажный православный храм, где на одном этаже богослужение совершается всегда по-французски, на другом — по-славянски. Это, в общем-то, две самостоятельные общины, которые, тем не менее, очень дружны меж собой. Когда мне об этом рассказали, я был очень удивлен, а потом... просто понял, что так и должно быть. Человек должен иметь право выбирать.

Я надеюсь, что со временем такой полностью двуязычный храм появится и в Якутске. В начале было Слово, и сегодня Оно обращается к каждому человеку на языке его души.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сергеевич Десницкий – православный христианин. Он женат, отец троих детей. Родился в Москве в 1968 г. Учился на филологическом факультете МГУ (с двухлетним перерывом на армию) и в Амстердамском свободном университете. После окончания учебы занимался преподаванием в ряде учебных заведений и библейским переводом. С 1994 г. работает в Институте востоковедения Российской академии наук (отдел древнего Востока), где защитил кандидатскую и докторскую диссертации по библейской филологии. С 1999 г. также работает в качестве консультанта в Институте перевода Библии, который занимается подготовкой переводов Священного Писания на языки народов бывшего СССР. Вел различные передачи на радио «София», выступал в религиозной программе «Вера и век» русской службы Би-Би-Си. Читает лекции в различных образовательных и просветительских учреждениях, например, в общецерковной аспирантуре и докторантуре РПЦ и в школе молодежного служения Центра духовного развития детей и молодежи. Публикует свои статьи в журнале «Фома» и других изданиях, а также в Интернете. Часть этих публикаций и составила этот сборник.

Содержание

Введение	5
----------------	---

СМЫСЛЫ

«Даже если Нарнии нет».....	9
Богословие лукавки.....	13
Как рассказать о вере?.....	16
«О всех и за вся».....	22
Уроки поста.....	26
Пасха как призыв к единству.....	29
Виртуальное милосердие	32
Московское зарубежье.....	36
Расцерковление	40
Энтропия смысла	48

СПОРЫ

Время кирпичей и время вопросов	53
Люди и фразы	57
«Я плохой, а мы хорошие»	60
Антисемитизм у подножия Креста?	64
«Благословите, батюшка»	67
Счет в православном банке?.....	70
Христианство как часть политической культуры	74
Тоска по империи	78
Голос с Манхэттена.....	81
Не читайте форумов перед обедом	85

ИСТОРИЯ

История повседневности	89
Новомученики России.....	92
Ревизионизм, или Ничего нового	97

Споры не о Власове.....	101
Наследие девяностых	104
Реституция вечного?	108
Халкидон сегодня.....	111

ЖИЗНЬ

Просто Наталья Леонидовна	115
Актерство и лицедейство	120
Рыцари квадратных столов	125
Музеи маленького человека	128
Как не стать телепузиком: размышления рекламопотребителей (<i>при участии Аси Штейн</i>)	131
«Ты этого достойна!»	138
Пожалуйста, заплатите дань!.....	142
Дождавшись варваров	145
Сторож брату моему	149
«Аан бастаан Тыл баара»	152

Об авторе	156
-----------------	-----

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10–10–0749*

Художественно-публицистическое издание

Десницкий Андрей Сергеевич

ЛЮДИ и ФРАЗЫ

Редактор *Светлана Фрейберг*
Корректор *Татьяна Медведева*
Художественный редактор *Анна Носенко*
Технический редактор *Тамара Луговская*
Верстка *Наталии Титовой*
Обложка *Максима Пименова*

Издательство «Никея»
121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19
тел. 8 (495) 41-680-41, 8 (916) 060-59-88
e-mail: info@nikeabooks.ru, sales@nikeabooks.ru
www.nikeabooks.ru (сайт издательства)
www.symbooks.ru (интернет-магазин)

ISBN 978-5-91761-102-0

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт»,
г. Тверь, www.pareto-print.ru

Подписано в печать 08.07.2011. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 5000 экз.

Информация о книгах издательства «Никея»
на новом сайте
www.nikeabooks.ru

По вопросам приобретения обращайтесь:

121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19

Тел. 8(495)41-680-41

sales@nikeabooks.ru

ИД «Фома»

Почтовый адрес: 123242 Москва, а/я 46,

Редакция журнала "Фома".

Телефоны редакции: 8(495) 775-73-61 (многоканальный)

"Горячая линия" по подписке

(звонки по России бесплатно):

8 (800) 200-0899

E-mail: info@foma.ru